

ЭТО В.П. ПАНОВ БЫЛО...

75 коп.

1932

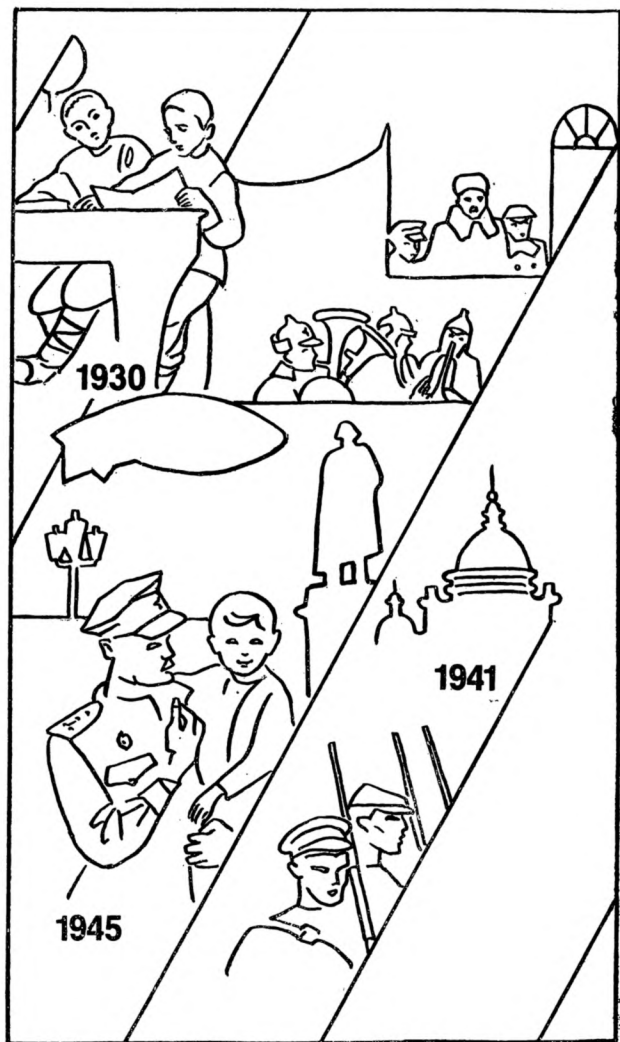
1936

1933

1935

Э Л Е К Т Р И Ф И К

ЭТО

В.П. ПАНОВ

БЫЛО...

МОСКВА

• МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ •
1990 /

Панов В. П.

П 16 Это было... — М.: Мол. гвардия, 1990 — 286[2] с.

ISBN 5-235-01281-X

Книга посвящена страницам нашей истории, которые еще не получили должного освещения в печати. К ним до сих пор относится и подвиг тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны. Попробуем найти справедливые ответы на вопросы, ставшие в последнее время предметом острой полемики в средствах массовой информации, автор стремится выявить истинные причины горьких неудач и больших свершений, истоки великой Победы. За взвешенным анализом многочисленных источников читатель встретится с позицией и размышлениями человека, чья сознательная жизнь началась в суровые годы ленинградской блокады.

п 0503010000—265 021—91
078(02)—90

ББК 63.3(2)722-2

ISBN 5-235-01281-X

© Панов В. П.,
1990 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я принадлежу к поколению, детство которого было опалено войной. У одних из нас меньше, у других — больше. Четверо моих близких родственников пропали бесследно на фронтах и дорогах эвакуации. Еще четверо умерли голодной смертью в Ленинграде в первую и самую тяжелую блокадную зиму. Навсегда я запомнил почти ежедневные бомбежки и артиллерийские обстрелы, осыпи развалин, вкус 125 граммов того, что называлось хлебом, лица тех, чья жизнь на моих глазах таяла и обрывалась, сладковатый запах тлена.

Знаю, что все, кто жил в те страшные годы, никогда не смогут их позабыть. Но приходят новые поколения людей, для которых Великая Отечественная война — это только история, известная из учебников, произведений литературы, кинематографа.

При этом фронтовой теме повезло намного больше, чем теме тыла. Это вполне понятно — враг был разбит в жестоких сражениях. Кроме того, героизм, жертвен-

ность в бою — ярче и зримее героизма и жертвенности в процессе упорной, иногда монотонной работы у станка, в поле, за кульманом, в исследовательских лабораториях. К военным подвигам и будням чаще обращались талантливые писатели, режиссеры, художники, скульпторы.

В ходе войны к руководству фронтами и армиями пришли талантливые люди, многие из них оставили после себя воспоминания, которые в полной мере несут печать их яркой индивидуальности. Если вы еще не читали мемуаров Г. Жукова, К. Рокоссовского, А. Василевского, И. Конева, И. Баграмяна, В. Чуйкова, Н. Крылова, Н. Кузнецова, А. Покрышкина, возьмите в руки их книги — после первых же страниц вам трудно будет отложить их в сторону. Мемуары командиров тыла, за редкими исключениями, стали появляться в печати лишь сравнительно недавно. Да и интерес к ним меньший, хотя среди авторов было немало замечательных личностей, таких, как наркомы: боеприпасов — Б. Ванников, авиационной промышленности — А. Шахурин, вооружений — Д. Устинов.

Полагаю, что все мы в долгу перед той частью советского общества, которая сражалась (не побоюсь употребить это слово) в тылу. И подвиг ее должен занять в нашей памяти подобающее место. Все моральные основания для этого есть: речь идет о действительно славной странице истории Отечества.

Верю, что интерес к жизни по нашу сторону от линии фронта, к массовому героизму, высокому патриотизму рабочих, крестьян, интеллигенции, слагавшимся из каждодневных, казалось бы, будничных усилий миллионов, будет возрастать. И появится немало новых глубоких исторических исследований, талантливых художественных произведений. Залог тому — пробуждение интереса к прошлому, большая доступность материалов, которые ранее были упрятаны в архивах.

Закономерен вопрос: что заставило автора взяться за перо? Частично ответ на него уже дан. Для тех, кто жил в военное лихолетье, память о нем, интерес к нему сохраняются на всю жизнь. Автор, по профессии экономист, не раз спрашивал себя, как нашему народу в условиях утраты значительной части экономического потенциала удалось создать материальные предпосылки победы, какие факторы сыграли здесь решающую роль? И чем глубже было мое знакомство с материалами о

работе советского тыла, тем больше росло чувство преклонения перед гигантской организаторской работой партии коммунистов, перед величием народного подвига, желание поделиться этим чувством прежде всего с молодежью.

Но книга начинается не с событий 1941 года. И, как читатель увидит, большая часть ее посвящена жизни советского общества в довоенные годы. Считаю, что это необходимо по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, врага разгромили люди того же самого поколения, которое перед тем создавало наше общество, его экономический и оборонный потенциал. Корни героизма, как и будничной ежедневной самоотверженности, общей веры в конечную победу росли в то же самое время, когда звено за звеном выковывались материальные ее предпосылки. Только в сказках Иванушки-дурачки внезапно превращаются в прекрасных царевичей. В общественной жизни для чудесных превращений нужны время и целенаправленная работа.

Вторая причина состоит в том, что пару последних лет, как сказал писатель С. Баруздин, «очень уж густо мы мажем, в том числе и в печати, довоенные годы черной краской». Так густо, что за чернотой истинную картину тех лет разглядеть трудно. А в ней были разные краски. И темные и светлые.

Я пытался разобраться в том, что было побудительным мотивом тех или иных решений и действий, из которых одни осложнили борьбу советского народа в Великой Отечественной, другие — способствовали победе. По мере знакомства с научными исследованиями, документами, воспоминаниями, прессой тех лет возник замысел книги, в которой материалы из различных источников дополнялись бы рассказами участников и свидетелей работы тыла. Не претендуя на значительность пережитого мною, я все же рискнул рассказать в книге и о своем восприятии происходившего, о жизни людей как до войны, так и во время ее, надеясь, что читателю станет чуть ближе, понятнее атмосфера тех лет.

Оживление интереса к прошлому выявило различное отношение к нему писателей, публицистов, ученых. Одни перечеркивают прошлое, другие, невзирая на факты, придерживаются раз усвоенных позиций. Понятно, что по некоторым вопросам автор не мог не высказать свое мнение. Насколько оно убедительно — судить читателю.

*Кого бог хочет наказать,
того он лишает разума.*

Народная пословица

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Ранним утром 1 сентября 1939 года в гавани «вольного города Данцига» (Гданьск) прогремели мощные залпы. Крупнокалиберная артиллерия германского линкора «Шлезвиг-Гольштейн» открыла огонь по польскому гарнизону, занимавшему полуостров Вестерплатте у входа в Данцигский порт.

Вероятно, для молодых читателей, незнакомых с историей международных отношений в период между двумя мировыми войнами, связь между вольным городом и польским гарнизоном требует пояснения.

На предвоенных политических картах Европы южный берег Балтийского моря выглядел иначе, чем сейчас. По Версальскому мирному договору, завершившему первую мировую войну, Польше был предоставлен в 1919 году единственный узкий выход к морю, зажатый

между принадлежавшими Германии территориями — Померанией и Восточной Пруссией. Он имел вид сужавшейся к Балтике горловины и получил название «польского коридора». На его землях жили как поляки, так и немцы. Крупный порт Данциг (Гданьск), расположенный вблизи устья реки Вислы, не принадлежал ни Польше, ни Германии. Он был объявлен «вольным городом» под управлением верховного комиссара Лиги Наций. К началу описываемых событий власть комиссара была чисто номинальной. Заправлял в городе сенат, контролировавшийся фашистами, а внешние связи, таможенные службы находились в ведении Польши, как это было определено статусом, утвержденным Лигой Наций.

Нетрудно заметить, что «мудрая» Лига Наций заложила Версальским договором реальную возможность межгосударственного конфликта, было бы желание его спровоцировать. А такое желание у пришедших к власти в Германии фашистов имелось. Их территориальные претензии на фоне безответственного попустительства ведущих капиталистических стран Европы — Великобритании и Франции — становились все более наглыми. Вслед за Австрией и Чехословакией наступала очередь Польши.

Сразу после мюнхенского соглашения (конец сентября 1938 года), на котором главы правительств Германии, Италии, Великобритании и Франции, по существу, предопределили оккупацию Чехословакии, Гитлер впервые предъявил свой счет к Польше: Данциг должен быть передан Германии, а польский коридор необходимо пересечь немецким коридором — полосой территории, по которой будут проложены шестирядная автострада и железная дорога.

Но теперь известно, что Данциг и проблема сообщения с Пруссией были не более чем поводом для раздувания пожара несравненно большего масштаба. Весной 1939 года на совещании с ближайшими советниками Гитлер заявил: «Предметом спора является вовсе не Данциг. На повестке дня вопрос о расширении нашего жизненного пространства на Востоке и обеспечении Германии продовольственной базой, о решении проблемы Балтики... Не может быть и речи о сохранении Польши, и нам остается принять решение напасть на Польшу при первой же возможности. Мы не можем ожидать повторения чешского варианта. В данном случае будет вой-

на»¹. А пока что в плоть германо-польских отношений была всажена весьма болезненная заноза, которую фашисты старались беречь как можно чаще.

Польское правительство не могло согласиться с предъявленными требованиями, на что и делали свой расчет фашисты. Дипломатический конфликт с каждым месяцем стал все более углубляться. В ход были пущены шантаж и провокации. В марте 1939 года министр иностранных дел Германии Риббентроп заявил послу Польши, что для его страны «единственная возможность выжить заключается в здоровых взаимоотношениях с Германией и фюрером»². Согласитесь — это весьма оскорбительное для независимого государства заявление официального лица, тем более что правители Польши не отдавали себе отчета в действительном соотношении сил и, не наученные примером Чехословакии, слишком уповали на поддержку Великобритании и Франции.

Одновременно Данциг превращался в арену постоянных столкновений. Приведу только некоторые из сообщений, промелькнувших в нашей прессе (в «Комсомольской правде») летом 1939 года.

2 июля: «Несколько сот солдат германских штурмовых отрядов, прибывшие в Данциг за последние два дня из Восточной Пруссии, размещены в нескольких пунктах города. В ночь на 29 июня в Данциг переведен также отборный отряд штурмовиков, который до сих пор был расквартирован в Мемеле»³.

...Данцигская молодежь в возрасте от 16 до 25 лет получила приказ вступить в так называемый добровольческий корпус... Из Восточной Пруссии в Данциг продолжают прибывать транспорты оружия и боеприпасов. На горе Бишофсберг установлена артиллерия, в том числе и зенитные орудия. Городская ратуша превращена в арсенал. Винтовки и легкие пулеметы раздаются штурмовым отрядам в разных пунктах города.

8 июля: «Впервые польскому таможенному инспектору не разрешили зайти в данцигский аэропорт».

11 июля: «Данцигские власти издали приказ, запре-

---

¹ Мосли Л. Утраченное время. М., 1972, с. 231.

² Мосли Л. Указ. соч., с. 211.

³ В марте 1939 года портовый город Клайпеда (Мемель) в результате грубого политического шантажа, подкрепленного демонстрацией силы, был «передан» Литвой Германии.

щающий польским туристам, посещающим город, ходить группами более чем в 3 человека».

22 июля: «На границе с Данцигом был обстрелян германскими фашистами польский таможенный чиновник».

6 августа: «Сенат «вольного города» угрожает Польше заключением таможенной унии между Данцигом и Германией. В связи с этим «Газета Польска» опубликовала официальное коммюнике, в котором содержится резкий протест против преследований польских таможенных инспекторов и нарушения прав Польши в Данциге».

9 августа: «Фашистский официоз «Фелькишер Beobachter» в передовой статье заявляет, что Польша готовит военное нападение на Данциг».

14 августа: «В настоящее время германские силы в Данциге состоят из 1000 штурмовиков, 7 тысяч полицейских и около 20 тысяч членов так называемого «свободного корпуса».

17 августа: «Вчера утром в Данциге убит польский пограничник».

27 августа: «Польская печать сообщает об официальном визите в Данциг германского военного учебного корабля «Шлезвиг-Гольштейн»... Данцигские власти со вчерашнего дня установили контроль над пароходами, прибывающими в Данцигский порт... Все дороги и мосты на территории «вольного города» оцеплены данцигской вспомогательной полицией, которая проверяет документы всех приезжающих и обыскивает все автомашины и повозки».

30 августа: «Данцигский сенат издал распоряжение о реквизиции всех товарных составов, проходящих транзитным путем через Данциг в польский порт Гдыню».

1 сентября: «В течение последних суток данцигская полиция произвела массовые аресты среди поляков... Данцигские власти прекратили движение поездов на линии Данциг — Гдыня... Полиция заняла данцигский вокзал... На железнодорожных станциях Данцига вывешены германские флаги».

Последнее сообщение советские люди прочитали уже после того, как прозвучали первые залпы отнюдь не учебных орудий «учебного» линкора «Шлезвиг-Гольштейн», после того, как на нескольких направлениях германо-польскую границу пересекли передовые дивизии немцев, быстро углублявшиеся на территорию

Польши. Пикирующие бомбардировщики со свастиками и крестами на крыльях и фюзеляже уже сбрасывали бомбы на Варшаву, Катовице, Краков, Гдыню и другие города и населенные пункты.

Данцигская заноза сыграла свою роль, обострив политические отношения между двумя государствами до предела. А прямой повод для того, чтобы перейти через этот предел, дала гитлеровцам провокация, организованная в другом месте — в Пруссии. Здесь в городе Глейвице (Гливице), расположенном недалеко от границы, находилась небольшая вспомогательная радиостанция «Немецкого радио». Вечером 31 августа фашисты инсценировали «захват» ее «польским» отрядом, передали на польском языке сообщение о наступлении польской армии на Глейвиц и призыв к «соотечественникам», жившим в Пруссии, к восстанию. Для убедительности около радиостанции были убиты двенадцать немецких уголовников, переодетых в форму польской армии. Не беда, что передачу практически никто не услышал, включая тех, кто руководил провокацией. Можно было начинать войну. И через несколько часов она началась.

Как известно, вторжение Германии в Польшу переросло во вторую мировую войну. Была ли она неожиданной для современников? Нет, война не могла быть неожиданной. Политическая атмосфера в мире за несколько лет после прихода фашистов к власти в Германии накалилась до крайности.

Вот хроника только крупных конфликтов с 1935 года до 1 сентября 1939 года, в результате которых перекраивалась политическая карта мира или делалась попытка добиться этого с помощью оружия:

1935 год — начало итало-эфиопской войны, продолжавшейся и в следующем году;

1936 год — вступление германских войск в Рейнскую область и расторжение Локарнского договора Германией;

— фашистский мятеж в Испании;

1937 год — начало японо-китайской войны;

1938 год — оккупация Австрии германскими войсками;

— вторжение японских войск на советскую территорию и их разгром у озера Хасан;

— подписание на конференции в Мюнхене главами

правительств Англии, Франции, Германии и Италии соглашения о расчленении Чехословакии;

1939 год — оккупация Чехии германскими войсками;

— оккупация Клайпеды германскими войсками;

— захват Италией Албании;

— нападение японских войск на Монголию и их разгром советскими и монгольскими войсками у реки Халхин-Гол.

Все это время образовывались и распадались политические союзы, велись многочисленные переговоры, объявлялись мобилизации, с политических трибун звучали взаимные обвинения, делались «последние» предупреждения, писались ноты и меморандумы, агрессоры клялись в миролюбии.

Представление о степени напряженности международной обстановки дает информация о событиях за рубежом в последний мирный день, 31 августа 1939 года, опубликованная в наших газетах в первый день осени — первый день второй мировой войны. В северном и южном Китае японские войска отступают; в центральном — на фронте без перемен. Итальянские власти продолжают издавать распоряжения военномобилизационного характера. Венгрия, положительно отнесясь к оккупации территории Словакии германскими войсками, приняла тем не менее меры к защите своих границ. В Англии объявлено о решении провести полную мобилизацию флота, призвать оставшуюся часть резерва регулярной армии, а также добровольцев-резервистов BBC; местные власти готовят газоубежища; у зенитных орудий, госпиталей, правительственных зданий, крупных складов сооружаются защитные стенки из мешков с песком. Во Франции опубликован декрет, согласно которому железнодорожные компании обязываются немедленно предоставить в распоряжение правительства все средства транспорта, которые будут необходимы для обеспечения перевозок; из Парижа в провинцию в течение только одного дня вывезено 50 тысяч детей. В Голландии мобилизация резервистов практически закончена; на ближайшие два дня отменены все пассажирские поезда, так как железные дороги предполагается использовать исключительно для переброски войск и военного снаряжения. В Швеции призваны некоторые категории двух возрастов военнообязанных для службы в ВМФ и береговой артиллерии. Норвегия провела частичный призыв для службы в береговой обороне, Дания — для

службы в войсках ПВО. Президент США Рузвельт впервые совещался с членами недавно созданной Комиссии по военным ресурсам, призванной содействовать мобилизации промышленности в случае, если США окажутся втянутыми в войну. В Германии опубликован декрет о создании «Совета министров по обороне государства». Его председатель — Геринг, постоянные члены — Гесс, Фрик, Функ, начальник канцелярии Гитлера Ламмерс и руководитель верховного командования Кейтель. Распоряжения совета будут иметь силу закона. В Польше всеобщей мобилизации подлежат все офицеры и рядовые в возрасте до 40 лет, временные отпуска в армии отменены, объявлена всеобщая мобилизация транспорта; издан декрет о всеобщей трудовой повинности населения в возрасте от 17 до 60 лет¹.

Как видите, накануне войны войну не утаишь. Надо было быть одновременно и слепым, и глухим, чтобы не ощущать ее страшное дыхание. Судя по мерам предосторожности, предпринимавшимся правительствами разных государств, среди политиков ни слепых, ни глухих вроде бы не было. Тем более непонятной была их реакция на начало военных действий. Польша осталась в одиночестве перед лицом агрессора, хотя спустя два дня Англия и Франция, связанные с ней договорами о взаимопомощи, объявили Германии войну, которая в истории получила название «странной»: боевые действия практически не велись.

Чем же жила в предгрозовое время наша страна? Накануне войны — 28 августа — открылась внеочередная четвертая сессия Верховного Совета СССР 1-го созыва. В повестке ее работы три вопроса: проекты законов о сельскохозяйственном налоге, о всеобщей воинской обязанности и ратификация Договора о ненападении между СССР и Германией. С докладом по второму вопросу выступил нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов, с сообщением по последнему — председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов. И доклад, и сообщение были прямо связаны с создавшейся в мире обстановкой, являлись реакцией Советского государства на нее.

Если содержания доклада здесь можно не касаться, то мимо вопроса, явившегося причиной сообщения, пройти, на наш взгляд, нельзя. Он имеет определенное отношение к предмету нашего разговора, вызывал и

¹ «Правда», 1939, 1 сентября.

продолжает вызывать нередко взаимоисключающие мнения как у нас в стране, так и за рубежом.

Опубликованный в нашей печати 24 августа 1939 года Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом был подписан накануне в Москве В. М. Молотовым и министром иностранных дел правительства нацистов фон Риббентропом. Его текст состоял из семи коротких статей. Стороны обязывались воздерживаться от нападения друг на друга, не поддерживать ни в какой форме третью державу, если она нападет на одну из договаривающихся сторон, не участвовать во враждебных группировках, решать свои споры и конфликты только мирным путем. Оговаривалось, что договор будет ратифицирован в возможно короткий срок¹. Так и произошло.

В сообщении В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР, которое было сделано 31 августа, значительное место было отведено причинам срыва англо-франко-советских переговоров о заключении пакта взаимопомощи против агрессии в Европе. Они тянулись с апреля 1939 года. Отмечалось, что переговоры зашли в тупик из-за того, что Польша, защиту которой должны были гарантировать Англия, Франция и СССР, отказалась от нашей военной помощи. Неясными были гарантии со стороны западных партнеров военной помощи нашей стране, если она подвергнется агрессии. Переговоры от лица Франции и Англии вели второстепенные лица, не облеченные достаточными полномочиями, не имевшие права подписания военной конвенции.

Молотов заявил, что решение о заключении договора с Германией было принято после того, как военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик. «Мы не могли не поставить перед собою вопроса о других возможностях обеспечить мир и устранить угрозу войны между Германией и СССР»².

В сообщении была сделана ссылка на доклад И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б), в котором излагались принципы внешней политики СССР и допускалась возможность добрососедских отношений с Германией. Затем перечислялись ответные шаги фашистского правительства, включая заключение 19 августа торгово-кредитного соглашения. Значительная часть сообщения отводилась обоснованию необходимости улучшения полити-

¹ «Комсомольская правда», 1939, 24 августа.

² «Правда», 1939, 1 сентября.

ческих отношений с государством фашистского типа. Это было связано не только с негативной реакцией правительств и печати нефашистских капиталистических стран, но и с резкой критикой со стороны их социалистических партий, явным непониманием предпринятого нами шага зарубежными коммунистами. Да и в Советском Союзе внезапная смена внешнеполитической линии вызвала недоумение. Ведь еще неделю назад фашизм клеймился во всех речах, всеми средствами массовой информации и пропаганды. Теперь глава правительства заявил, что «в нашей внешней политике с несоветскими странами мы стояли и стоим на базе известного ленинского принципа о мирном сосуществовании Советского государства и капиталистических стран»¹. Он сказал, что различие в мировоззрениях и в политических системах не должно быть препятствием для установления хороших отношений между СССР и Германией.

Молотов назвал договор о ненападении «поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы».

Не могу удержаться от того, чтобы не привести образчик оригинальной логики в сообщении: с заключением договора «поле возможных военных столкновений в Европе суживается. Если даже не удастся избежать военных столкновений в Европе, масштаб этих военных действий теперь будет ограничен. Недовольными таким положением дел могут быть только поджигатели всеобщей войны в Европе». Трудно сказать, на кого была рассчитана такая «система» доказательств. И в момент произнесения она звучала наивно, а менее чем через два года была опрокинута страшной действительностью.

На сессии Верховного Совета СССР депутат А. С. Щербаков — первый секретарь МК и МГК ВКП(б) — предложил ввиду исчерпывающей ясности и последовательности внешней политики правительства прений по сообщению не открывать. Видимо, были опасения, что резкий поворот от антифашистской политики и пропаганды, столь естественных и понятных для коммунистов и всех советских людей, к союзу с германским фашизмом может вызвать у депутатов недоуменные вопросы. А поскольку такие вопросы, судя по всему, были на языке не только у депутатов, было решено заглушить их, продемонстрировав общую позицию обеих

---

¹ «Правда», 1939, 1 сентября.

палат Верховного Совета. Договор ратифицировали в тот же день.

Чуть более чем через месяц после подписания первого договора был заключен и второй — германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Он стал следствием поражения Польши в войне с Германией и воссоединения Западной Украины и Западной Белоруссии с Советским Союзом. Договор устанавливал границу между новыми соседями. В состав нашего государства вновь вошли земли, в отношении которых английский историк Л. Мосли сказал: «На востоке они (польские правители) проникли еще дальше на территорию Украины и Белоруссии, захватив огромные районы, которые никогда не были польскими землями, но которые правителям в Варшаве казались стратегически и экономически выгодными»¹. Напомним, что эти захваты были сделаны тогда, когда молодое Советское государство было крайне ослаблено разрухой, борьбой с белогаardeйцами и интервентами и не имело сил воспрепятствовать отторжению западных территорий Белоруссии и Украины.

Сразу же после появления каждого из двух упомянутых советско-германских документов средства массовой информации и пропаганды включились в формирование нового общественного мнения. Только что со страниц газет фашизм клеймился в связи с вмешательством в гражданскую войну в Испании, оккупацией Чехословакии, провокациями на границах других государств, расправами над коммунистами и другими прогрессивными деятелями, и вдруг страстные публицистические выступления и идеологически четко окрашенная информация уступили место сухому изложению фактов.

Западногерманский ученый В. Леонхард, сын репрессированных в СССР немецких коммунистов, вспоминает о том, как перемена политического курса отразилась на общественной жизни. В учебном курсе истории до подписания пакта победа Александра Невского над немецким рыцарским орденом на Чудском озере считалась важнейшим событием русской истории. После подписания эта битва упоминалась лишь мимоходом. Зато делался упор на историческое значение политики Петра I, способствовавшего созданию прусского государства

¹ Мосли Л. Указ. соч., с. 208.

и заложившего тем самым фундамент тесного сотрудничества между Пруссией и Россией¹.

После ратификации в передовых статьях и комментариях журналистов, ученых, представителей науки и культуры стали прославляться мудрость внешней политики государства и ее вдохновителя. Приведу в качестве характерного примера выдержку из выступления одного известного актера: «Великий Сталин, величайший человек не только современности, но и многих веков, учит нас считать нашей величайшей добродетелью...», и далее — все в таких же тонах.

Как было воспринято в стране, в мире резкое изменение в отношениях двух крупных государств? Конечно, неоднозначно.

Можно определенно утверждать, что в своей массе советские люди, питавшие справедливую ненависть к фашизму, были обескуражены. Особенно это касается членов партии, воспитанных в духе ленинского большевизма, интеллигенции, командирского состава армии и флота, кадрового рабочего класса, убеждения которого выковывались в горниле революции и гражданской войны, борьбы с различными политическими течениями, с истинными и, увы, придуманными врагами партии и народа. Конечно, предшествующие репрессии научили людей держать язык за зубами, но думать не запретишь.

Д. Краминов, работавший в то время в «Известиях», имел возможность ознакомиться с текстами коммюнике о советско-германских переговорах и договора о ненападении до их набора. Он вспоминает, что документы повергли всех в изумление, вызвали растерянность, «мы, встречаясь друг с другом взглядами, только пожимали плечами или разводили руками»². Другой журналист — ныне политический обозреватель «Нового времени» Л. Безымянский отмечает шоковое состояние, причиненное нашему обществу пактом 23 августа³. Посол Германии в Москве Шуленбург по поводу резкой смены ориентиров в пропаганде и реакции на это советских людей писал в Берлин следующее: «...Неожиданное изменение политики Советского правительства после нескольких лет пропаганды, направленной именно против германских агрессоров, все-таки не очень хорошо понимается населением. Особенности сомнения вызы-

¹ «За рубежом», 1989, № 9, с. 17.

² Краминов Д. В орбите войны. М., 1986, с. 59.

³ «Новое время», 1989, № 23, с. 36.

вают заявления официальных агитаторов о том, что Германия больше не является агрессором. Советское правительство делает все возможное, чтобы изменить отношение населения к Германии. Прессу как подменили. Не только прекратились все выпады против Германии, но и преподносимые теперь события внешней политики основаны в подавляющем большинстве на германских сообщениях, а антигерманская литература изымается из книжной продажи...

Недоверие, проявляемое в отношении Германии в течение нескольких лет, несмотря на эффективную контрпропаганду, которая проводится на партийных и производственных собраниях, не может быть уничтожено так быстро»¹.

* * *

В 1939 году я был слишком мал для того, чтобы интересоваться разговором старших поздним вечером, когда за окном уже стихал обычный шум Невского. Но в память врезался фотоснимок в газете, лежавшей на обеденном столе. Обращал на себя внимание не знакомый полувоенный китель Сталина, а строгий костюм и столь же строгий вид человека, стоявшего рядом с ним. Тогда я впервые услышал фамилию Риббентроп. Разговаривали отец, член партии, ответственный профсоюзный работник, и дядя — пианист по профессии и тогда еще беспартийный. Дед — ювелир-надомник, работавший в артели, слушал молча и постукивал молоточком по серебряной проволоке, устроившись, как всегда, у окна, где на подоконнике были разложены его инструменты: щипчики, тисочки, молоточки, паяльная лампа и множество других интересных вещиц, на которые смотреть можно было только издали, а о том, чтобы тронуть — и думать было нельзя. Женщины тихо передвигались по комнате, готовя ужин. На электроплитке пел негромкую песенку закипавший чайник. К сожалению, разговор тот уже не восстановишь. А интересно было бы узнать, какова была степень откровенности между близкими людьми? Насколько уже сделали свое дело официальная позиция и ее официальная пропаганда, вера в которые была достаточно высокой? Насколько довлело над отцом его положение коммуниста и ответственного работника?

¹ «Московские новости», 1989, № 39.

Люди старшего поколения, с которыми мне пришлось беседовать на эту тему спустя полвека, рассказывали о своих сомнениях, удивлении. Но говорили и о том, что особенно после сессии Верховного Совета общество в целом быстро успокоилось, восприняв договор как вынужденную, но необходимую меру, обеспечившую стране безопасность, сорвавшую попытку изолировать СССР от всего мира. Эти настроения усилились после того, как в Европе в орбиту военных действий стали втягиваться все новые и новые страны, а мы продолжали мирное строительство. Но это, так сказать, обывательское восприятие.

* * *

А каково было отношение к договору, необходимости его заключения тех, кто в большей или меньшей мере был к нему причастен? После подписания договора в Екатерининском зале Кремля состоялся прием. По свидетельству присутствовавших, проходил он натянуто, в холодно-вежливом тоне. Когда Риббентроп покинул зал и остались только свои люди, Сталин сказал: «Кажется, нам удалось провести их»¹. Н. С. Хрущев, которого нельзя заподозрить в симпатиях к Сталину, считал, что в августе 1939 года тот правильно оценивал значение советско-германского документа, понимал, что Гитлер хочет нас обмануть. Сталин говорил: «Тут, знаете, идет игра, кто кого перехитрит, кто кого обманет» — и полагал, что перехитрили Гитлера мы, получив шанс остаться нейтральными в уже неизбежной войне².

Маршал Жуков вспоминает свой разговор со Сталиным в начале мая 1940 года, в котором последний, когда речь зашла о международной ситуации, дал ей следующую оценку: «Французское правительство во главе с Даладье и английское во главе с Чемберленом не хотят серьезно влезать в войну с Гитлером. Они все еще надеются подбить Гитлера на войну с Советским Союзом. Отказавшись в 1939 году от создания с нами антигитлеровского блока, они тем самым не захотели связывать руки Гитлеру в его агрессии против Советского Союза. Но из этого ничего не выйдет. Им придется самим расплачиваться за свою недалекую

---

¹ Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1969, с. 251—252.

² «Огонек», 1989, № 30, с. 10.

политику»¹. В этих словах вполне ясно представлена позиция человека, чье слово было решающим в определении внешней и внутренней политики страны, а также и мотивы, ее определившие.

По убеждению Г. К. Жукова, нет никаких оснований утверждать, что Сталин полагался на пакт о ненападении. Руководство партии и правительство исходили из того, что пакт не избавлял от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть время в интересах укрепления обороны, препятствовал созданию единого антисоветского фронта. «Во всяком случае, мне, — пишет Жуков, — не приходилось слышать от И. В. Сталина каких-либо успокоительных суждений, связанных с пактом о ненападении»².

К. Е. Ворошилов близко стоял к Сталину, был одной из ключевых фигур довоенного руководства. Его оценка договора известна, в частности, со слов бывшего заместителя главного редактора «Известий» Я. Г. Селиха, имевшего давние и тесные отношения с маршалом. Ворошилов видел в договоре передышку, подобную той, какую Советская Россия получила, заключив с Германией в 1918 году Брестский мир. Он не возлагал никаких надежд на западных союзников, а ведь именно нарком обороны возглавлял переговоры с французами и англичанами и лучше чем кто бы то ни было был осведомлен об их ходе и перспективах³.

Приведем оценки договора некоторыми современниками, как связанными с внешнеполитической деятельностью, так и далекими от нее. Их жизнь, работа протекали в атмосфере того времени, поэтому восприятие событий ими не равноценно хладнокровному исследованию всех «за» и «против», которое спустя полвека можно прозреть, сидя за письменным столом.

Н. С. Хрущев спустя много лет писал: «Если рассматривать войну как игру и если есть возможность не подставлять в этой игре нашего лба под вражеские пули, к чему все время стремились западные державы, то этот договор имел оправдание. Я и сейчас так считаю... Я считаю, что договор 1939 года, подписанный Молотовым и Риббентропом, был исторически неизбежен в сложившейся ситуации. Он был выгоден для Советского

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 1. М., 1974, с. 192.

² Жуков Г. К. Указ. соч., т. 1, с. 253.

³ Краминов Д. Указ. соч., с. 60.

Союза. Это был шахматный ход. Его так надо рассматривать потому, что если бы мы этого не сделали, то все равно началась бы война против нас. Но она, может быть, сложилась бы в этой ситуации менее выгодно для нас. А здесь война начиналась, а мы стояли еще в стороне. Нам была предоставлена передышка»¹.

Николай Герасимович Кузнецов оставил после себя очень интересные воспоминания, охватывающие большой и насыщенный крупными событиями период жизни советского общества. Летом 1939 года он был «молодым», только что назначенным членом правительства и принимал участие в безрезультатно закончившихся переговорах с военными миссиями Англии и Франции.

Эти переговоры были предложены Советским Союзом в целях конкретизации совместных действий по противостоянию фашистской опасности в продолжение других, начатых еще в апреле. О «заинтересованности» англичан и французов в работе военных миссий говорят следующие факты: решение о встрече в Москве было принято 23 июля; 5 августа представители западных держав сели на пароход, который со скоростью 13 узлов в час пять дней плыл до Ленинграда; 11 августа гости прибыли в Москву. Согласитесь, что в век авиации и с учетом крайне накаленной обстановки в Европе путь до Москвы можно было преодолеть намного быстрее, не потратив на него и одного дня.

Затем выяснилось, что представитель Великобритании не имел при себе письменных полномочий, а представитель Франции имел такие полномочия, но без права подписи какого бы то ни было документа. Все эти факты на фоне взрывоопасной ситуации красноречиво свидетельствовали о том, что всерьез западные партнеры переговоры не воспринимали.

Десять дней разговоров прошли впустую. Именно разгозоров, поскольку не были даны ответы на конкретные вопросы и предложения советских представителей: какие силы могут задействовать англичане (французы предоставили такие сведения): разрешат ли Румыния и Польша, связанные с западными державами соглашениями, ввести на их территорию советские войска в случае войны (ведь СССР не имел общей границы с Германией)? Партнеры затягивали переговоры, не шли на конкретные договоренности.

Между тем «напряженность международной обста-

---

¹ «Огонек», 1989, № 30, с. 10, 11.

новки усиливалась с каждым днем, — пишет Н. Г. Кузнецов, — времени терять было нельзя... Из создавшегося положения требовался выход, нужен был немедленный поворот в нашей внешней политике. От этого зависела безопасность Родины».

Нарком отмечает, что едва ли кто-либо ожидал столь быстрого соглашения с Германией, но, учитывая сложную обстановку того времени, иного выхода у нас не было. И он перечисляет факторы, которые необходимо было учитывать: опасность со стороны Германии, еще не заверченный вооруженный конфликт с Японией, безрезультатные переговоры с Великобританией и Францией, явно враждебное отношение к нам Польши. А в результате договора с Германией мы получили почти двухлетнюю отсрочку столкновения с фашистским агрессором¹.

Крупный советский дипломат И. М. Майский, который в предвоенные годы был послом в Великобритании, считал, что в 1939 году СССР угрожала большая опасность агрессии со стороны Германии и Японии, являвшихся союзниками по «антикоминтерновскому пакту» — соглашению, направленному именно против нас. Более того, по его мнению, не исключена была вероятность создания единого капиталистического фронта против Советского государства, поскольку, как показали переговоры в Мюнхене, главы правительств Великобритании и Франции — Чемберлен и Даладье — в любую минуту могли перекинуться на сторону фашистских держав и в той или иной форме поддержать их нападение на СССР.

Наилучший выход из ситуации И. М. Майский видел в тройственном пакте взаимопомощи между Великобританией, Францией и СССР. Но на такой пакт западные державы не пошли. «В случае прекращения переговоров с Англией и Францией перед Советским правительством вырисовывались две возможные перспективы: политика изоляции или соглашение с Германией. Однако политика изоляции в тогдашней обстановке, когда на наших дальневосточных границах уже стреляли пушки (Хасан и Халхин-Гол), когда Чемберлен и Даладье прилагали величайшие усилия для того, чтобы толкнуть Германию на СССР, когда в самой Германии шли колебания, в какую сторону направить первый удар, — в такой обста-

---

¹ Кузнецов Н. Г. Указ. соч., с. 244—251.

новке политика изоляции была крайне опасна... Остался один выход — соглашение с Германией»¹.

Можно было бы привести высказывания и других наших соотечественников — современников события, о котором мы говорим, но все они близки по аргументам.

Имеются свидетельства того, как соглашение с СССР воспринималось руководством Германии. Накануне подписания договора, когда сомнений в этом уже не было, Гитлер на совещании с верхушкой вооруженных сил заявил, как зафиксировано в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдера, что Россия никогда не бросится, очертя голову, сражаться за Францию и Англию. Он сообщил, что русские готовы заключить пакт. «Таким образом, я выбил из рук западных господ (Англии и Франции) их оружие», — цитирует Гальдер Гитлера². В разговоре с министром иностранных дел Великобритании Э. Галифаксом, который за несколько дней до начала войны привез Гитлеру письмо Н. Чемберлена, фюрер заявил, что «...на этот раз Германии не придется больше воевать на двух фронтах, потому что соглашение с Россией является безоговорочным и означает изменение немецкой внешней политики на очень длительное время»³.

В Германии договор был воспринят так же неоднозначно, как у нас, но, естественно, с прямо противоположных идеологических позиций. В фашистской партии антикоммунизм был основой политического кредо, а СССР всегда считался главным врагом, который должен быть сокрушен как антипод фашистскому блоку. «Священная книга» национал-социалистов — гитлеровская «Майн кампф» содержала безапелляционные заявления о том, что жизненные пространства Германии находятся на территории европейской части СССР, и прежде всего — на Украине. Всего несколько месяцев назад германские газеты всячески обосновывали и поддерживали требование марионеточного «премьера» Карпатской Украины, образованной в конце 1938 года в восточной части Чехословакии, о присоединении к ней всей Советской Украины. И вдруг такой трудно-

---

¹ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. М., 1971, с. 395.

² Гальдер Ф. Военный дневник, т. 1. М., 1968, с. 57.

³ «За рубежом», 1989, № 2, с. 17.

объяснимый резкий поворот. Даже верхушка партии не вполне его понимала. Гитлеру пришлось объясняться.

На совещании с депутатами рейхстага и руководящими деятелями национал-социалистической партии (в конце августа) он вынужден был разъяснить, что пакт с Советским Союзом неправильно понят партией. Этот пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола. Разъяснение, сидимо, не было достаточно убедительным даже для фашистской элиты, если Ф. Гальдер, из дневника которого заимствованы эти сведения, отметил, что в конце речи последовали «аплодисменты по приказу, однако жидкие»¹.

Но в верхнем эшелоне власти Германии было немало людей, которые с самого начала отдавали себе отчет в том, что в глазах Гитлера договор — это очередной внешнеполитический маневр, вызванный конкретными целями и конкретной расстановкой сил. Об этом прямо говорил своему турецкому коллеге бывший посол Германии в Праге Эйзенлор. Более того, он подчеркнул, что и английские политики прекрасно понимают, «каким преходящим является наш союз с красной Россией»².

В массовом сознании немецкого общества отношение к договору было весьма противоречивым. Главный переводчик германского МИДа П. Шмидт свидетельствует, что «тогда в Берлине, а может, и во всей Германии, по крайней мере в довольно широких кругах населения, воцарилось чувство облегчения. Люди считали, что благодаря германо-советскому объединению... будет устранена угроза войны. Ведь существовало мнение, что это разорвет изоляцию Германии и что Англия и Франция не вступят в войну из-за Польши после того, как при гораздо более благоприятном для них соотношении сил год назад они не взялись за оружие из-за Чехословакии»³.

Американский журналист У. Ширер о реакции берлинцев на пакт писал по свежим впечатлениям: «Повсюду все читали это сообщение в газетах. По выражению на лицах людей, по разговорам можно было понять, что это известие им нравится. Почему? Для них

¹ Гальдер Ф. Указ. соч., т. 1, с. 73—74.

² Караосманоглу Якуб Кадри. Дипломат поневоле. М., 1978, с. 229.

³ «За рубежом», 1989, № 2, с. 16.

это означает, что ужасный кошмар окружения — войны на два фронта — вероятно, постепенно улетучивается. Еще вчера он давил на них. А сегодня его уже нет. На сей раз не потребуется удерживать громадный по протяженности фронт в войне с Россией»¹.

Были в Германии люди, которые понимали мотивы решения советского руководства примерно так же, как их понимали упоминавшиеся выше советские военные и государственные деятели.

Дипломат, представитель аристократического рода барон В. Путлиц, который решительно порвал с фашизмом и бежал в Англию, во время работы в германском МИДе внимательно следил за развитием политической обстановки в 1939 году. Он считал, что «Советское правительство должно было бы быть слепым или оказаться самоубийцей, чтобы соблазниться внезапными ухаживаниями Чемберлена, не потребовав надежных гарантий того, что все это не является просто-напросто ловушкой с целью втравить Советский Союз в кровопролитную войну с Гитлером, пока Англия будет исподтишка посмеиваться. Но г-н Стренг не мог предоставить таких гарантий. Тем временем сам Чемберлен без помех вел переговоры с министерскаль-директором Вольфратом и другими отечественными и иностранными посредниками, которых все время слали к нему Геринг, Гесс и Риббентроп».

О своем отношении к советско-германскому договору о ненападении он писал: «Я был кем угодно, только не образованным марксистом. Однако здравый смысл подсказывал мне, что, повинаясь чувству самосохранения, Советский Союз поступил так, как ему следовало поступить. Ни Гитлер, ни Чемберлен никогда не являлись друзьями Москвы. Когда они оба начинали грызться друг с другом, у Советского Союза не было никаких оснований вытаскивать из грязи ни того, ни другого»².

Но, конечно, не все антифашистски настроенные немцы, да и не только немцы, разделяли эту позицию. Для многих резкий поворот в советско-германских отношениях стал потрясением, вызвал осуждение предприятия правительства СССР шага. В их числе было немало коммунистов.

Уильям Ширер, находившийся в августе 1939 года в Берлине, узнав о заключении советско-германского пак-

¹ «За рубежом», 1989, № 34, с. 18.

² Путлиц В. По пути в Германию. М., 1957, с. 251—252.

та, записал в дневнике: «Друзья большевиков здесь в полном оцепенении... Этот шаг Сталина нанесет смертельный удар всемирному коммунизму. Каким образом французский коммунист, который, скажем, шесть лет учился ненавидеть нацизм превыше всего, сможет перенести идиллическую картинку объятий Москвы с Гитлером?»¹ Польский коммунист, советский разведчик Леопольд Треппер, который в это время находился в Западной Европе, вспоминал: «Как коммунисты, мы не могли одобрить пакта о ненападении 1939 года (речь идет о втором советско-германском соглашении. — В. П.). Как разведчики, мы не верили в его долговечность»².

В правительственных и военных кругах союзника Германии — Японии договор вызвал переполох. Как отмечал в своем дневнике Ф. Гальдер, «в Японии большое смятение. Осима во время приема у Вейцзеккера пытался заявить протест: «Наши взаимоотношения серьезно пострадали»... Большое смятение особенно в японской армии»³. Это понятно: она только что получила серьезный урок в Монголии. По мнению маршала А. М. Василевского, который в 1939 году работал заместителем начальника оперативного отдела Генерального штаба, заключение договора с Германией вынудило Японию признать свою неудачу у Халхин-Гола и пойти на подписание с нами 15 сентября соглашения о ликвидации конфликта⁴.

Официальные круги и буржуазная пресса Англии и Франции после заключения пакта обрушили на Советский Союз поток обвинений в коварстве, измене и т. п. Иного и ожидать было нельзя: крупная политическая игра была сорвана. Правда, уже тогда из общего хора выделялись голоса, звучавшие явным диссонансом. Такое, например, авторитетное в английской политической жизни лицо, как бывший премьер-министр Ллойд Джордж, видел спасение Европы от фашизма в союзе с СССР и в одной из своих статей задавал вопрос: «Почему премьер-министр и Галифакс не отправились немедленно в Москву, как только СССР изъявил согласие заключить военный союз с западными державами для обуздания агрессоров?» Он обращал внимание на то,

¹ «За рубежом», 1989, № 34, с. 18.

² «За рубежом», 1989, № 27, с. 19.

³ Гальдер Ф. Указ. соч., т. 1, с. 71. Осима — японский военный атташе в Берлине.

⁴ Василевский А. М. Дело всей жизни, М., 1974, с. 99.

что в то время, как с Советским Союзом вели переговоры второстепенные лица, сам Галифакс посещал Гимлера и Геринга. Чемберлен трижды летал к Гитлеру. Чемберлен посетил и Италию. Вывод старого политика был однозначным: «Чемберлен, Галифакс, Саймон не желают никаких связей с СССР»¹.

Надеюсь, что читатель получил определенное представление о том, как воспринимался советско-германский договор о ненападении в нашей стране и за рубежом осенью 1939 года.

Как же он оценивался и оценивается исследователями?

О позиции советских историков в предвоенные и послевоенные годы, вплоть до начала 80-х нет смысла говорить подробно, поскольку их оценки практически повторяют аргументы, приводившиеся в официальных политических документах и выступлениях. Коротко они сводятся к следующему:

а) Советский Союз предотвратил немедленное столкновение с Германией;

б) он выиграл время для подготовки к будущей войне;

в) рубежи обороны существенно отодвинулись на запад;

г) мюнхенский антисоветский фронт был расколот, и возникла возможность создания в перспективе антифашистской коалиции;

д) договор повлиял на стабилизацию политической обстановки на Дальнем Востоке.

Буржуазная историография в основном осуждала советско-германский пакт за то, что он сыграл решающую роль в развязывании войны, политически поддерживал фашизм, предал западные демократии, являлся частью стратегии, направленной на осуществление мировой революции, и т. д. Правда, не все буржуазные исследователи разделяли эти оценки, что мы покажем ниже.

В последние два-три года и в нашей стране ряд историков выражает сомнение в том, было ли оправдано с конкретно-исторической и политической точек зре-

---

¹ Цит. по: Краминов Д. В орбите войны. М., 1986, с. 48.

Эдуард Ф. Галифакс — министр иностранных дел, виконт Джон О. Саймон — бывший министр иностранных дел, выступавший за сближение с фашистскими государствами, позже — министр финансов.

ния подписание пакта, не проявлена ли была поспешность при его заключении? Такие вопросы задает, например, сотрудник Института истории СССР АН СССР Л. Н. Нежинский. Сам он ответов на эти вопросы не дает, хотя, спрашивая себя, напал бы немедленно Гитлер в противном случае на СССР, категорически отвечает: да ничего подобного!¹

Так же думает сейчас историк академик А. Самсонов. И он утверждает, что Гитлер не мог напасть на нас в сентябре 1939 года, что ему очень хотелось нейтрализовать СССР, чтобы расправляться с противниками поодиночке. «Что же касается передышки, которую нам этот договор якобы обеспечил, — пишет академик, — то фашистская Германия использовала ее гораздо эффективнее, чем мы»².

Историк М. Семиряга считает, что СССР сделал больше уступок «третьему рейху», чем получил от него. По его мнению, несмотря на сталинские чистки, Красная Армия по всем параметрам стояла на уровне своего времени, имелись солидные технические заделы на новую военную технику, что если бы все было наоборот, то Сталин не рискнул бы в сентябре 1938 года сконцентрировать силы для оказания помощи Чехословакии в случае просьбы с ее стороны.

Профессор М. Семиряга констатирует, что мюнхенский сговор вызвал серьезные и обоснованные опасения у Советского правительства. Стремление Запада обратить гитлеровскую агрессию в восточном направлении действительно существовало. Для него очевидно, что англо-франко-советские переговоры шли трудно.

«Но они все же шли, и этот тлеющий огонек нужно было поддерживать во что бы то ни стало», — заявляет историк. По его мнению, в сложный момент советское руководство покинуло чувство реализма и выдержки, оно «захлопнуло не ту дверь», «верх взяли эмоции, а не трезвый политический расчет». Была допущена серьезная ошибка в оценке международной ситуации исключительно под углом противоречий между СССР и всем капиталистическим миром, между тем как в центре мировой политики находились межимпериалистические противоречия между англо-французским блоком и Германией. Заключение договора было политическим просчетом Сталина.

¹ «Вопросы истории», 1988, № 12, с. 17—18.

² «Родина», 1989, № 1, с. 79.

Вслед за многими западными историками М. Семиряга утверждает, что, не будь договора, Германия вообще не рискнула бы ввязаться в авантюру против Польши, что опасность войны на два фронта для СССР была сильно преувеличена.

Иной путь развития историку представляется таким: надо было отвергнуть предложение Германии или затянуть переговоры с ней и терпеливо, упорно добиваться заключения военного соглашения с Англией и Францией¹.

Еще один ученый, доктор исторических наук Н. Попов, видит причины несговорчивости Запада прежде всего в нас самих: «Наивно или лицемерно удивляться и негодовать по поводу Англии и Франции в отношении с нами в тридцатые годы — причина этого не только в непоследовательности, трусливости и близорукости лидеров этих стран, но и в том, что общественность этих стран ставила нас с фашистской Германией на одну доску и должна была выбирать между двух зол».

Корни концепции умиротворения Гитлера (Мюнхен и прочее) историк видит в поддержке ее широкими слоями населения Европы, помнившими ужасы первой мировой войны. Этим он объясняет и то, что Германии и Италии позволили удушить республиканскую Испанию, и то, что махнули рукой на агрессию Италии против Абиссинии, и то, что отдали Гитлеру Судеты².

Историк В. Дашичев считает, что Сталин в искаженном виде представлял планы Англии и Франции, национальные интересы которых совпадали с советскими, неверно понял намерения Гитлера. По его мнению, именно Англия и Франция проявляли активность в противостоянии гитлеровской агрессии, а Сталин топил проекты и предложения западных держав, думая только о том, как бы раздуть революционный пожар в Европе. В подтверждение приводятся факты, интерпретация которых вполне совпадает с распространенными на Западе трактовками. А именно: да, был мюнхенский сговор с Гитлером, но на следующий день произошло беспрецедентное событие: советское посольство посетил английский премьер и поднял вопрос о заключении союза.

Хотелось бы спросить историка, что мешало премьеру сделать это до предательства Чехословакии, когда Советский Союз был готов помочь соседу своими вой-

¹ «Литературная газета», 1988, 5 октября.

² «Литературная газета», 1989, 1 марта.

сками? Тогда, возможно, и агрессии не было бы. Ведь для Гитлера Чехословакия во многом была «пробой пера».

Дашичев вспоминает, что Франция и Англия 31 марта взяли на себя гарантии безопасности и независимости Польши, а Советский Союз — нет; позже Англия заключила с Польшей соглашение о взаимопомощи в случае германской агрессии и т. п. По этому поводу можно сказать следующее: но разве нам неизвестно, чего стоили эти бумажки, когда дело дошло до драки? Или неизвестна позиция Польши в отношении СССР, когда, по существу, уже 11 мая ее правительство сделало весьма проблематичным достижение практических результатов на переговорах СССР с Францией и Англией: посол Польши заявил наркому иностранных дел М. Литвинову, что его страна не считает возможным заключение с СССР договора о взаимной помощи¹.

Иногда появляются удивляющие своей «логикой» рассуждения об ответственности тех или иных стран за начало мировой войны. Например, историк В. Чубаров считает, что «наибольшая ответственность — хоть и не вся — лежит на Германии. Просто потому, что взлет беспринципности в Германии был моложе, если можно так выразиться, чем в СССР». Так и хочется сказать: ах, она бедная, молодая! Жертва своей неопытности. А как же опытные Франция и Англия, проституировавшие и с Германией, и с СССР? Оказывается, «западные страны просто мыслили по-другому и не осознавали опасности, пытаясь умиротворить»².

И они были наивны. Детский сад, а не мировая политика, представленная опытными, прожженными игроками, посвятившими этому занятию всю свою жизнь.

Если суммировать спектр новых позиций по данному вопросу, который выявил право на плюрализм мнений в среде советских историков, он сводится к следующим основным тезисам:

а) советское руководство не все сделало для того, чтобы образовать союз с Англией и Францией;

б) Франция и Англия не могли пойти на союз со страной, которая была прежде всего «страной кровавой насильственной коллективизации, массовых репрессий и лагерей, страной террора, диктатуры, страной Сталина»;

¹ «Московская правда», 1989, 1 сентября.

² «Московский комсомолец», 1989, 3 октября.

в) договор с Германией нам был не нужен, так как, во-первых, нам не угрожала немецкая агрессия, во-вторых, мы были достаточно сильны, чтобы дать отпор, в-третьих, опасности войны на два фронта не существовало;

г) договор ускорил нападение на Польшу;

д) договор не принес никаких выгод, в том числе и выигрыша времени.

Попробуем разобраться без эмоций в этих утверждениях, оговорившись заранее, что вопросы о нашей военной мощи в 1939 году и о том, как мы использовали период с 23 августа 1939 года по 22 июня 1941 года для подготовки к будущей войне, мы затронем в следующих главах. Кстати, критики советско-германского договора о ненападении почему-то не упоминают о том, что Франция и Англия уже имели к тому времени такие договоры с Германией: англо-германская декларация о ненападении и о мирном урегулировании спорных вопросов была подписана 30 сентября 1938 года, а франко-германская — в декабре того же года¹.

Итак, первое: было ли у советского руководства желание и имело ли оно шансы вступить в военно-политический союз с Францией и Англией?

Подозрения по поводу попыток английских политиков столкнуть СССР с Германией у Сталина были. О двучии Великобритании он говорил американскому послу в СССР Дж. Девису еще летом 1938 года. Правительство Чемберлена, по его словам, ведет линию на усиление германской мощи, преследуя двоякую цель — протизопоставление Германии Советскому Союзу и подчинение Франции английскому влиянию².

Мюнхенский сговор, который произошел той же осенью, лишь укрепил предположения советских руководителей, что следующая сделка может быть заключена за счет СССР. На Ялтинской конференции, проходившей в феврале 1945 года, И. В. Сталин сказал У. Черчиллю, что если бы не было Мюнхена, то не было бы и советско-германского пакта³. А ведь после Мюнхена последовали и другие крупные уступки Гитлеру, которые подтверждали сомнения советских руководителей.

У. Черчилль в мемуарах отмечал, что Мюнхен и мно-

¹ «Всемирная история», т. 9, М., 1962, с. 658.

² «Вопросы истории», 1988, № 10, с. 31—32.

³ «Новое время», 1989, № 23, с. 39.

гое другое убедили русских, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что даже в таком случае от них будет мало проку. «Россия должна позаботиться о себе», — считал английский политик¹.

Но, может быть, сомнения все же не имели под собой серьезных оснований? Теперь, когда известно многое из того, что было сокрыто ранее, так утверждать нельзя. Американский посол в Париже Уильям Буллит писал, что после Мюнхена англичане и французы желали, чтобы дело дошло до войны между германским рейхом и Россией. К ее концу можно было бы «атаковать Германию и добиться ее капитуляции»².

Фактически это желание зародилось значительно раньше: в меморандуме британского министерства иностранных дел в феврале 1935 года делался расчет на то, что «потребность в экспансии толкнет Германию на Восток, поскольку это будет единственно открытой для нее областью, и, пока в России существует большевистский режим, эта экспансия не может принять форму лишь мирного проникновения»³. Германскую военную машину буквально «разворачивали» в сторону СССР. По словам чехословацкого публициста Карела Доудера, на последней встрече с Гитлером в Мюнхене Чемберлен сказал ему: «Для нападения на Советский Союз у вас достаточно самолетов, тем более что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах»⁴. Вскоре после этого Чемберлен совершил, как пишет В. Дашичев, беспрецедентный акт — пришел в наше посольство предлагать союз.

Французы также были готовы при первой удобной политической сделке пожертвовать СССР. Их министр иностранных дел Пьер Лаваль, вернувшись из Москвы, где он только что подтвердил франко-советский договор о взаимной помощи, заявил германскому послу: «Доведите до сведения своего правительства, что я в любое время готов отказаться от франко-советского пакта, с тем чтобы заключить франко-германский договор большого масштаба»⁵.

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955, с. 334.

² «Новое время», 1987, № 39, с. 19.

³ «Новое время», 1987, № 38, с. 18.

⁴ «Литературная газета», 1988, 5 октября.

⁵ «Презда», 1988, 30 сентября. Впоследствии Пьер Лаваль кончил свою политическую карьеру и жизнь бесславно. В 1942—1944 годах он возглавлял сотрудничавшее с оккупантами правитель-

Заметим, что и англичане, и французы строили свои расчеты на полной несовместимости социализма и фашизма. И расчет был в принципе верным. Именно в силу этой определяющей (идеологической) причины руководители СССР верили Гитлеру еще меньше, чем англичанам. А точнее — не верили вообще. Несовместимость двух систем находила подтверждение не в теоретических изысканиях, а в реальной политической жизни. Коммунисты репрессировались везде, где фашизм утверждался: сначала в Италии и Германии, а затем в захваченных Австрии и Чехословакии. Фашизм лицом к лицу противостоял нам в боях на земле Испании.

Гитлер долгие годы не делал никакого секрета из своих конечных устремлений. Восточное направление внешней экспансии германского фашизма было заложено уже в зародыш формировавшейся Гитлером идеологии. Оно со всей определенностью было обозначено в книге будущего фюрера «Майн кампф», в которой он изложил идеологические принципы фашизма. Гитлер писал: «Будущей целью нашей внешней политики не может быть ни западная, ни восточная ориентация. Ею явится восточная политика, направленная на приобретение необходимых земель для нашего немецкого народа»¹. Западногерманский военный историк профессор Андреас Хильгрубер отмечал, что «завоевание Европейской России для создания германской континентальной империи, как базы германских мировых позиций, было основной целью Гитлера, после того как он сформулировал в середине двадцатых годов свою программу»².

Обо всем этом хорошо были осведомлены Сталин и его окружение. Поэтому они настойчиво искали пути создания антифашистской коалиции. Договоры о взаимопомощи были заключены в 1935 году и с Францией, и с Чехословакией. По мере развертывания политических игр западных держав вокруг Чехословакии СССР неоднократно давал недвусмысленные сигналы о своей готовности в союзе с Великобританией и Францией прийти на помощь своему соседу. Но 19 сентября 1938 года эти две державы вручили Чехословакии ноту с требованием Виши, получившее свое название от небольшого города в Центральной Франции, в котором находилась в 1940—1941 годах его резиденция. В 1945 году был казнен как изменник.

¹ «Совершенно секретно! Только для командования». М., 1967, с. 30.

² Там же, с. 35.

нием удовлетворить территориальные притязания Германии и обещанием, что в таком случае она может рассчитывать на гарантии новых границ. Но при обязательном условии: отказаться от договора о взаимопомощи с СССР. В тот же самый день наша страна подтвердила чехословацкому президенту Э. Бенешу готовность выполнить свои договорные обязательства¹.

А через десять суток был Мюнхен. Упомянувшийся нами французский политический деятель Пьер Лаваль сразу после заключения мюнхенского соглашения предсказал, что оно неминуемо приведет к германо-советскому пакту². Объяснение этой неизбежности дает французский военный историк Пьер Ле Гуайэ: Советский Союз ничего так не опасался, как изоляции, которая была чревата схваткой один на один с Германией. Ле Гуайэ называет пророческими рассуждения французского дипломата Кулондра, согласно которым западным странам нужно было любой ценой не допустить, чтобы эти две державы остались одни лицом к лицу, так как в этом случае они могли бы прийти к соглашению³. Но те, от кого зависели политические решения, на подобные предложения не реагировали.

И тем не менее весной 1939 года СССР сделал новую попытку заключить соглашение не с Германией, а с Англией и Францией.

В середине апреля он предложил им трехстороннее соглашение, преследующее цель совместного отпора германской агрессии. Это обескуражило западных политиков. Постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Александр Кадоган считал, что «будет очень трудно отказаться от советского предложения. Мы утверждали, что Советы «проповедуют коллективную безопасность», но не вносят никаких практических предложений. Теперь они внесли их и будут нас критиковать за то, что мы их отвергаем»⁴. Обратите внимание: речь не идет о том, чтобы вступить в союз с нашей страной. Беспокоит, как «с честью» выпутаться из возникшей деликатной для англичан ситуации. Их позицию проявляет и запись в дневнике помощника главы внешнеполитического ведомства Великобритании, датированная 20 мая 1939 года, из которой, со слов

¹ «Правда», 1988, 30 сентября.

² Верт А. Франция 1940—1955 гг. М., 1959, с. 116.

³ «Огонек», 1988, № 18, с. 27.

⁴ «Новое время», 1989, № 23, с. 39.

лорда Галифакса, следует, что премьер-министр не хочет полного тройственного союза, а Советская Россия на меньшее не соглашается. Чемберлен опасался, что «после этого уже не удастся возродить политику умиротворения фашистских государств»¹. Так что, как видит читатель, отнюдь не щепетильность — иметь или не иметь дело с кровавым сталинским режимом — руководила лидерами английской политики, когда они склонялись в пользу кровавого гитлеровского режима.

Этот день — 20 мая — богат свидетельствами истинного отношения Великобритании к переговорам, которые шли уже больше месяца. Александр Кадоган записал в дневнике: «Премьер-министр заявил, что скорее подает в отставку, чем подпишет союз с Советами»².

Очевидно, что Советское правительство не знало всего того, что известно сегодня. Но оно наверняка тщательно анализировало открытые источники, например английскую прессу, близкую к правящей консервативной партии. А в ней нередко появлялись сообщения, подобные тому, что было опубликовано 19 мая в «Стар»: «Военное министерство не намерено участвовать в переговорах с Советским правительством. По мнению наших стратегов, вовсе не в национальных интересах подвергать английские военные секреты опасности разглашения в Москве. Французские генералы, по полученным сведениям, сопротивляются таким переговорам еще более энергично, чем британские»³. Не правда ли, четкий сигнал и для Сталина, и для Гитлера? Только каждый из них делал свои выводы. А между тем в действительности английское военное министерство думало иначе. В рекомендациях дипломатам заключение тройственного союза называлось лучшим средством сорвать возможное германо-советское сближение⁴.

Безусловно, настораживало советское руководство то подчеркнутое безразличие, которое демонстрировали Англия и Франция как за столом переговоров, так и в паузах между ними. Отставной политик Ллойд Джордж в одной из статей воспроизвел календарь переговоров Великобритании с СССР:

Лондон направил свое предложение о переговорах 15 апреля.

---

¹ Краминов Д. Указ. соч., с. 37.

² «Новое время», 1989, № 23, с. 39.

³ Цит. по: Краминов Д. В орбите войны. М., 1986, с. 36.

⁴ «Новое время», 1989, № 23, с. 39.

Москва ответила через два дня.

Лондон через три недели подтвердил старое предложение.

Москва ответила через четыре дня, предложив заключить тройственный союз и предоставить гарантии всем государствам Центральной и Восточной Европы.

Лондон через две недели принял предложение о военном союзе, воздержавшись от гарантий прибалтийским государствам.

Москва ответила через несколько дней.

Лондон послал в Москву чиновника министерства иностранных дел не самого высокого ранга для переговоров с Советским правительством, и тот свыше месяца торговался из-за второстепенных деталей.

Если это обстоятельство бросалось в глаза лицу, стоявшему уже в стороне от большой политики, то этого никак не могли не заметить те, кто был кровно заинтересован в результатах переговоров. Американский историк Б. Лиддел Гарт констатировал, что темпы англо-русских переговоров были медленными, как похоронное шествие¹. И тем не менее Москва продолжала добиваться соглашения, которое могло бы обуздать агрессивность фашистской Германии.

Она вела эти переговоры, даже несмотря на то, что ей, несомненно, было известно о параллельных контактах англичан с немцами. И в марте — июне, и в августе немцам предлагалось заключить широкое соглашение о невмешательстве в дела друг друга². Посредниками выступали крупные шведские промышленники, английские аристократы, дипломаты обеих стран, сновавшие между Чемберленом, Галифаксом и одной из ключевых фигур фашистского руководства — Герингом. Геринг был уже готов лететь в Лондон, и только за день до заключения советско-германского пакта Гитлер отменил этот полет. О том, насколько далеко зашло дело, можно судить по шифровке, которая полетела за океан от временного поверенного в делах США во Франции Эдвина Вильсона: «У меня сложилось впечатление, что, возможно, готовится второй Мюнхен»³. С учетом этих обстоятельств становится очевидно, что прежде всего англичане не хотели заключать соглашение с СССР

---

¹ Гарт Б. Лиддел. Вторая мировая война, 1976, с. 27.

² «Новое время», 1989, № 23, с. 40.

³ Там же, с. 39.

и факт тройственных переговоров использовали в качестве козырной карты в большой игре с немцами.

И все же СССР добился, что переговоры трех государств вырвались из схоластических споров дипломатов по поводу того, как, скажем, интерпретировать формулу «косвенной агрессии». Было решено перевести их на уровень военных делегаций. Уильям Стренг, английский партнер Молотова, сразу же написал в Лондон: «Если мы действительно начнем военные переговоры, то желательно в состав делегации включить по крайней мере одного высокопоставленного военного... Русские полагают, что с ними будут вести переговоры на том же уровне, что и с французами, и, во всяком случае, никак не ниже, чем с поляками... Советское правительство сочтет за оскорбление, если мы не пошлем в Москву в составе военной делегации кого-либо в том же ранге»¹.

Такое оскорбление было нанесено. Если французскую делегацию возглавлял достаточно известный специалист в области тактики и моторизации войск, активный сторонник новых идей в армии генерал Жозеф Э. Думенк (что, конечно, было все равно неравноценно нашему главе — наркому обороны), то англичан представлял адмирал Реджинальд Планкетт-Дракс, о котором за пределами военно-морских кругов, по словам Л. Мосли, никто и не слышал. Адмирал Дракс был адъютантом короля Англии, и во всем политическом мире было хорошо известно, какова в этой стране действительная роль монархии.

Мало того, что делегация была не представительна, она, как теперь известно, имела в кармане такое предписание: «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при тех или иных обстоятельствах. Поэтому следует стремиться свести военное соглашение к самым общим формулировкам»². Этого предписания английская делегация тщательно придерживалась, что и истощило терпение советского партнера.

О том, насколько безразлично англичане относились к возможности заключить соглашение с СССР, говорят и следующие факты. С мая 1939 года американские дипломаты в Москве получали регулярную и подробную

¹ Мосли Л. Утраченное время. М., 1972, с. 273.

² «Новое время», 1987, № 40, с. 20.

информацию о советско-германских контактах от сотрудника немецкого посольства Ганса Герварта фон Биттенфельда. Нет сомнения, что они делились этой информацией с англичанами. Связь между разведками двух стран всегда была тесной. В июне сами англичане получили такие сведения, да не из какого-нибудь сомнительного источника, а от главы германской секретной службы. Но желания заключить договор это им не прибавило. Английский историк Джон Эмерсон считает, что западное предложение «безопасности» на переговорах с СССР означало на деле отрицание этой безопасности. «Оно обещало выставить Советский Союз на переднюю линию огня, предположительно одного»¹.

В дневнике Георгия Димитрова — видного деятеля болгарского и международного коммунистического движения, работавшего в то время в Москве, есть запись разговора со Сталиным 7 сентября 1939 года, в котором последний сказал: «Мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры, но Англия и Франция хотели иметь нас в батраках и при этом ничего не платить»².

На фоне вялых англо-франко-советских переговоров напористое желание Германии нормализовать отношения с СССР выглядело вполне осязаемым.

Сравним приведенный Ллойд Джорджем график советско-английских контактов с действиями фашистских политиков.

17 апреля советский полномочный представитель в Берлине на встрече со статс-секретарем МИД Э. Вайцеккером поставил вопрос о судьбе советских заказов чехословацким заводам Шкода, оказавшимся под контролем немцев.

5 мая наш временный поверенный в делах был уведомлен об урегулировании этого вопроса.

20 мая посол Германии фон Шуленбург сообщил Молотову о желании его страны вступить в экономические переговоры. Ответная реакция была, как отметил посол, холодной.

30 мая Вайцеккер дал понять нашему дипломату в Берлине, что возможна нормализация политических отношений и вопрос о «Великой Украине», которая включала бы и Советскую Украину, снимается³.

¹ «Советская Россия», 1989, 1 сентября.

² «Правда», 1989, 18 августа.

³ Находившиеся за рубежом украинские националистические

28 июня Шуленбург вновь прощупывал в Москве возможность приступить к экономическим переговорам и улучшить отношения с СССР. Посол констатировал «бросающееся в глаза недоверие» Молотова.

27 июля в Берлине поверенному в делах СССР была изложена схема поэтапной нормализации отношений между двумя странами.

3 августа советского поверенного в делах принимает уже сам Риббентроп, который предлагает переустроить отношения между двумя странами, исходя из принципа невмешательства во внутренние дела друг друга.

И только тогда, когда 13 августа выяснилось, что у англичан и французов нет планов практического военного сотрудничества, СССР впервые дал Германии сигнал о согласии приступить к «поэтапному обсуждению экономических и других вопросов».

После этого события приняли ускоренный оборот.

15 августа Шуленбург известил Молотова о намерении Берлина послать в Москву Риббентропа. Реакция Молотова пока что сдержанная.

16 августа Шуленбург излагает весьма заманчивые условия улучшения отношений (о них чуть позже).

18 августа Молотов ставит предварительным условием приезда Риббентропа (но не раньше 26—27 августа) подписание 20 августа торгового соглашения.

В тезисах, подготовленных комиссией ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами, отмечается, что в Москве окончательно решили склониться в пользу пакта с Германией 19 августа, не исключая возможности достигнуть соглашения на тройственных переговорах «в последний час». Но возникший на них тупик не был ликвидирован¹.

21 августа советская сторона дает согласие на приезд Риббентропа и ведение переговоров с целью заключения пакта о ненападении (письмо Сталина Гитлеру).

23 августа советско-германский пакт был подписан.

Какие же конкретные немецкие предложения определили в конечном счете выбор советской стороны?

Прежде всего фашисты продемонстрировали готовность выполнить все, что от них требовали. Они соглашались строить планы «воссоединения» отторгнутой от СССР Западной и Советской Украины на основах «самостоятельности» и реставрации капитализма. Гитлеровская Германия, преследуя свои антисоветские и антипольские цели, до августа 1939 года поддерживала их в этом.

¹ «Правда», 1989, 23 мая.

сились на договор о ненападении сроком на 25 лет, немедленно заключить торговое соглашение, способствовать улучшению отношений СССР с Японией, учесть интересы СССР на Балтике, отказаться от планов создания «Великой Украины». Самое главное и притягательное состояло в том, что все свои обещания на тот момент Германия выполнила: торговое соглашение действовало, Япония прекратила военные провокации и, более того, незадолго до начала Великой Отечественной войны заключила с нами договор о ненападении. Прибалтику немцы оставили в покое, а разговоры о «Великой Украине» оборвались буквально на полуслове.

Очевидно, что советские политики, видя явное нежелание Великобритании и Франции разговаривать серьезно, поступили по принципу: лучше синицу в руки, чем журавля в небе. Иного ведь, что бы ни писали сегодня эмоциональные исследователи, не было дано.

Тогдашний посол Великобритании в СССР Сидс писал в одном из отчетов в 1940 году: «Сталин в августе стоял перед следующим выбором: с одной стороны — заключить сомнительное, неискреннее соглашение с Англией и Францией, которое ценой войны с великой державой вряд ли могло удовлетворить интересы СССР. Или же, заключив пакт с отчаянной Германией, достичь всего без какой-либо опасности быть вовлеченными в войну. Я должен признать, что реализм большевиков и их национальные интересы диктовали им единственно приемлемое решение»¹. Так виделась правомерность решения дилеммы, стоявшей перед советским руководством, английскому дипломату высокого ранга. В отличие от современных историков он жил в свое время и не знал, что будет через два года, так же, как и мы не знаем, что будет через год.

Теперь коснемся утверждения о том, что две западные державы не пошли на соглашение с СССР в силу высоких моральных принципов своей внешней политики, что с Советским Союзом они не хотели иметь дела, поскольку западное сообщество видело в нем страну репрессий похуже фашистской Германии. Это утверждение, конечно, высоко поднимает гуманизм западных демократий и возглавлявших их политиков, но, похоже, не совсем соответствует реалиям того времени. Я напому, что тогда существовали и британская, и французская империи, колонии которых нещадно эксплуатировались.

¹ «Известия», 1989, 23 августа.

ровались «гуманистами». Я напомним, что уже после трагедии второй мировой войны Франция, например, вела кровопролитные колониальные войны во Вьетнаме и Алжире. Так сказать, гуманизм для одних, кнут и пули для других.

В народной среде Страна Советов была достаточно популярна как государство, покончившее с эксплуатацией наемного труда, как непримиримый борец против фашизма, единственная страна, безоговорочно ставшая на защиту республиканской Испании. В пользу СССР высказывались не только коммунисты, но и такие всемирно известные деятели культуры, как Лион Фейхтвангер, Бертольт Брехт, Ромен Роллан, Анри Барбюс и многие другие. Материалы буржуазной прессы, даже тогда, когда писалась правда, не всегда принимались на веру из-за того, что еще чаще в них передергивались факты, сочинялись небылицы, выпирали несдерживаемые злорадия и сарказм.

Журналист Г. Цитриняк приводит несколько свидетельств того, насколько была осведомлена о репрессиях в стране русская эмиграция, то есть те, кто за рубежом в наибольшей мере интересовался происходившим на Родине.

Артист В. Валин: «Западные газеты обычно так искажали все события в СССР, что нам казалось: про репрессии все выдуманно».

Писательница Н. Ильина: «Меня тянуло к России, но о том, что там делается, я почти что не имела понятия».

Писательница Н. Берберова, рассказывая о парижском процессе перебежчика В. Кравченко, вспоминает, что свидетели, клянясь говорить правду, уверяли суд в отсутствии каких-либо лагерей в СССР. «И самое ужасное, — говорит Берберова, — что большинство находящихся в зале верили этим адвокатам Сталина».

Наконец, противопоставим мнению одного историка утверждение другого — Роя Медведева, который отмечает, что за рубежом «никто не знал тогда о подлинном размахе террора»¹.

Правящие круги западных держав, имевшие доступ к разведывательным данным, были осведомлены несомненно больше, чем общество в целом. Но, зная сегодня очень многое об их политических играх накануне второй мировой войны, имеем ли мы основания утверждать, что, поступившись принципами в отношении

¹ «Литературная газета», 1989, 21 июня.

ях с фашистской Германией, они с позиции высокого гуманизма и демократии подходили к возможности сотрудничества с СССР?

Не надо забывать и другое. Поскольку СССР был весьма закрытой для иностранцев страной, сведения о массовых репрессиях просачивались через границы крайне скупо. Между тем то, что происходило в центре Европы — еврейские погромы в Германии, Австрии, казни и концлагеря для противников фашизма — было постоянной темой средств массовой информации Старого и Нового Света. Волны беженцев разносили рассказы о жестокостях фашизма повсюду, куда они докатывались. К тому же еще вполне деятельным было поколение, в глазах которого два десятилетия назад Германия была безжалостным агрессором, а Россия — союзником. Это тоже надо иметь в виду.

Полагаю, что именно по совокупности приведенных выше причин, по свидетельству английского историка Л. Мосли, в середине мая 1939 года 92 процента из опрошенных британцев высказались за заключение пакта с Россией¹. Так что, похоже, и это объяснение причины нежелания Великобритании и Франции заключить договор с СССР нельзя считать достаточно аргументированным.

Далее. В отношении рассуждений о том, что в 1939 году нашей стране ничего не угрожало со стороны Японии и поэтому договор с Германией был не нужен, можно сослаться на факт, приведенный Л. Безыменским. В июне посол Германии в Японии Отт доносил в Берлин о японской инструкции, согласно которой «Япония должна быть готовой к тому, чтобы автоматически вступить в любую войну, начатую Германией, при том условии, что Россия будет противником Германии»². Читатели, вероятно, знают, что Отт считал своим близким другом журналиста Рихарда Зорге. Следовательно, японский фактор с учетом того, что было известно советскому руководству, приобретал большой вес на той чаше весов советской дипломатии, на которой лежали немецкие предложения.

И, наконец, об утверждении, что договор СССР с Германией ускорил нападение последней на Польшу. Оно позволительно тем, кто не имеет представления о механизме военной машины, рассчитанном на 'серьез-

¹ Мосли Л. Указ. соч., с. 225.

² «Новое время», 1989, № 23, с. 41.

ную войну. За неделю его невозможно запустить на полную мощность, а если он набрал полные обороты, то и остановить весьма сложно. Сошлюсь на такой военный авторитет, каким является начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер. Он записал в дневнике 14 августа: «...За короткий срок невозможно внести какие-либо существенные изменения в планы стратегического развертывания»¹.

Принципиальное решение о войне с Польшей Гитлер принял 3 апреля 1939 года. Срок нападения 1 сентября был определен уже спустя 8 дней и подтвержден 16 мая. Выше мы показали, как шло нагнетание немцами напряжения в их отношениях с Польшей. Оно усиливалось по мере нарастания подготовки к войне и достигло апогея в момент наивысшей готовности: провокацию на радиостанции отделяли от вторжения несколько часов. Этот «зазор» был также предусмотрен заранее.

Польша была обречена задолго до 1 сентября. Американский историк Ф. Шуман отмечал, что «все западные державы предпочитали гибель Польши ее защите Советским Союзом. И все надеялись, что в результате этого начнется война между Германией и СССР»². Английский историк Джон Эмерсон пишет: «Можно привести доводы в пользу того, что советско-германский договор «приблизил» начало войны. Но есть и контраргумент, который состоит в том, что главной ее причиной стал провал целенаправленных действий по выработке условий антигитлеровского соглашения. Советский Союз придерживался следующей позиции: соглашение должно было либо реально сдерживать Гитлера, либо создать военные предпосылки для его поражения. Ни того, ни другого не произошло. Иными словами, я не уверен в том, что подписание советско-германского договора зажгло «зеленый свет» войне»³.

Откуда же родилось рассматриваемое утверждение? Западногерманский историк Ингенборт Фляйшхауэр по поводу утверждения, будто пакт о ненападении открыл Гитлеру путь к войне, заявила, что «этот тезис родился в основном в недрах послевоенной немецкой историографии. Большинство авторов этих концепций сформировались как историки в условиях национал-социализма

---

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1968, т. 1, с. 27.

² Цит. по: «Новое время», 1987, № 41, с. 18.

³ «Советская Россия», 1989, 1 сентября.

и испытывали страх перед большевизмом»¹. Странно, почему этот тезис повторяется некоторыми нашими учеными.

Как уже говорилось, западные державы знали заранее и о планах, и о времени германской агрессии против Польши. Если они хотели отдалить или вообще сорвать начало войны, почему в таком случае британская военная миссия получила предписание затягивать переговоры с СССР до октября? ²

Сейчас, оглядываясь на лето 1939 года, можно со всей определенностью сказать, что даже самому опытному политику непросто было разобраться в хитросплетениях международной жизни на высшем ее уровне. Немцы вели переговоры одновременно с англичанами, поляками и СССР (не говоря уже о консультациях со своими союзниками-итальянцами), англичане — с немцами, французами, американцами, поляками, японцами и СССР, французы — с англичанами, немцами, итальянцами, поляками и СССР, поляки — с немцами, французами и англичанами, а мы — с англичанами, французами и немцами. Да не забудем, что в Европе были такие заинтересованные в исходе политической борьбы государства, как Венгрия, Румыния, Болгария, Греция, Испания, Бельгия, Голландия, скандинавские и прибалтийские государства. Они все время зондировали международную почву, лавировали между сложившимися блоками, стремясь обеспечить свои интересы и безопасность.

И тем не менее линия прежде всего Великобритании на срыв переговоров с СССР просматривается четко (Франция в то время в основном шла в фарватере политики своей более активной союзницы). Можно назвать ряд факторов, которые, на наш взгляд, лежали в ее основе.

Первый по значимости — резко отрицательное классовое отношение к самой возможности сотрудничества с государством противоположной общественной системы. Желание задавить государство, взорвавшее основы капитализма, представляющее угрозу правящему классу остального мира, не оставляло с 1917 года империалистические державы. Почему-то эту определяющую причину мы сейчас упускаем из виду. С классовой позиции (а она и сейчас не утратила своего значения, хотя мир существенно изменился за минувшие полвека) союз

¹ «Литературная газета», 1989, 16 августа.

² «Новое время», 1989, № 23, с. 41.

с агрессивной, но буржуазной фашистской Германией представлялся более логичным. И его до последнего момента добивался английский кабинет.

Вторая причина — попытка повернуть агрессора в восточном направлении, отвести опасность войны от себя. К приведенным выше авторитетным свидетельствам двуличия политики Великобритании во время переговоров с СССР добавим еще одно: Гарольд Икес — министр внутренних дел США — отмечал в секретном дневнике, что Англия лелеяла надежду столкнуть Россию и Германию между собой и самой выйти из воды сухой¹.

Третья причина — недооценка военных возможностей СССР и переоценка таких возможностей Польши. Л. Мосли утверждает, что Невилль Чемберлен остановил свой выбор на Польше потому, что считал ее вооруженные силы значительно превосходящими Вооруженные Силы Советского Союза. В одном из своих частных писем, а такие письма имеют для истории ценность потому, что над их авторами не довлеют политические соображения, он писал: «Я совершенно не верю в ее (России. — В. П.) способность осуществить эффективное наступление, даже если бы она этого хотела»². По мнению английского историка, «это был катастрофический просчет Чемберлена»³. Этот просчет лежит и на совести союзников — англичан. Я уже упоминал, что командующий сухопутными силами Франции Гемелен полагал, что польская армия способна вести войну с немцами по крайней мере до весны 1940 года.

Четвертая причина — давление на Англию Польши, Румынии, других стран, с которыми у нее были разного рода политические соглашения и которые опасались своего могущественного восточного соседа, исповедовавшего совсем иные идеологические принципы.

Так правы или не правы были англичане и французы, отвергнув стремление СССР к союзу с ними?

Один из столпов мировой политики 30—50-х годов У. Черчилль, анализируя события, предшествовавшие началу мировой войны, писал: «Английскому правительству необходимо было срочно задуматься над практическим значением гарантий, данных Польше и Румынии. Ни одна из этих гарантий не имела военной ценности иначе, как в рамках общего соглашения с Россией».

¹ Цит. по: «Новое время», 1987, № 39, с. 20.

² Мосли Л. Указ. соч., с. 212.

³ Там же, с. 207.

По поводу выдвинутого СССР на англо-франко-советских переговорах предложения о создании единого фронта взаимопомощи Черчилль писал, что «даже сейчас не может быть сомнений в том, что Англии и Франции следовало принять предложение России, провозгласить тройственный союз...»¹. В этом случае, считал английский политик, Гитлер не мог бы позволить себе ни начать войну на два фронта, ни испытать неудачу. Думается, что в этом вопросе с У. Черчиллем можно полностью согласиться.

Другое дело — право ли было советское руководство, что, дойдя до тупика в одних переговорах, поддалось на заманчивые посулы на других?

Прибегнем опять-таки к мировым политическим авторитетам. Уинстон Черчилль видел необходимость для СССР договора с Германией в том, что «Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи... Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной»². Это оценка, не побоюсь громких слов, великого политика, который, хотя и был на определенном этапе нашим союзником, всегда оставался принципиальным врагом социализма и Советской страны.

Еще одна крупнейшая политическая фигура на мировой арене тридцатых-шестидесятых годов — Шарль де Голль. Он писал в мемуарах: «...В позиции, которую занял Сталин, неожиданно выступив заодно с Гитлером, отчетливо проявилось его убеждение, что Франция не двинется с места и у Германии руки будут свободными и что лучше уж разделить вместе с ней добычу, чем оказаться ее жертвой»³. Как видим, взгляд у де Голля и у нас на возвращение западных украинцев и белорусов в семью своих народов разный. Но здесь важно другое — очевидность для политика правомерности шага Советского правительства в сложившихся обстоятельствах, понимание реальности для СССР стать жертвой фашистской агрессии уже в 1939 году.

Американский историк Б. Лиддел Гарт полагает: «Сталин прекрасно сознавал, что западные державы

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955, с. 331.

² Там же, с. 357—358.

³ Шарль де Голль. Военные мемуары. М., 1957, т. 1, с. 57.

давно склонны позволить Гитлеру двигаться на восток, на Россию. Возможно, он считал советско-германский пакт удобным средством, с помощью которого агрессивную деятельность Гитлера можно повернуть в обратном направлении. Другими словами, Сталин сталкивал лбами своих непосредственных и потенциальных противников. А это, по меньшей мере, означало ослабление угрозы Советской России и, вполне возможно, общее ослабление ее противников, что обеспечивало бы России доминирующее влияние в послевоенном мире»¹.

Не знаю, были ли у Сталина в 1939 году столь далеко идущие планы, несмотря на всю «революционную» риторику. Скорее всего на принятие решения оказали влияние два фактора: внешний — пример Мюнхена и опыт безуспешных англо-франко-советских переговоров и внутренний — неготовность к ведению современной войны.

Приведенные выше материалы убеждают автора в том, что Советский Союз, исходя из собственных интересов, не имел права допустить политической изоляции, дать шанс крупным капиталистическим государствам объединиться на антикоммунистической основе. Конечно, идеально было бы, если бы удалось создать коалицию антифашистских государств, как это предлагал СССР еще в 1938 году. Но ознакомление с политическими документами конца тридцатых годов показывает, что шансов на организацию такой коалиции у нас не было. И я полностью разделяю мнение известного специалиста по международным вопросам В. Фалина, что сегодня можно без оговорок утверждать: весной и летом 1939 года СССР напрасно тратил время и силы, добиваясь соглашений с западными державами; британское руководство нуждалось в поддержании видимости переговоров с СССР для предотвращения нормализации советско-германских отношений и для оказания давления на Берлин². Если партнер по переговорам занимает такую позицию, то здесь хоть лбом расшибись, но желаемого результата не добьешься.

Некоторые историки, например А. Чубарьян, отмечая неконструктивность англичан и французов на переговорах, считают, что советские дипломаты занимали на них слишком жесткую и бескомпромиссную линию, не желая отделить возможность политического соглашения от

¹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1976, с. 28.

² «Новое время», 1987, № 39, с. 20.

заклучения военной конвенции¹. Но разве фашистов останавливали пустые словесные декларации? Разве они не знали, каковы истинные намерения Великобритании и Франции? Гитлера могла остановить только реальная сила, а декларации или заявления в общей форме в его глазах ничего не стоили. Это уже показал аншлюс Австрии, поглощение Чехословакии, а затем и разгром Польши.

А. Чубарьян совершенно прав, утверждая, что участники тройственных переговоров недооценили опасности фашизма. Но, видимо, со стороны СССР степень этой недооценки была значительно меньше, если, даже заключив пакт с Германией, руководство СССР не оставило мысли о стратегическом сотрудничестве с англичанами и французами. Так, 23 августа Молотов сказал послу Франции, что «договор о ненападении с Германией не является несовместимым с союзом о взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом». Судя по всему, такой же сигнал получили и англичане, поскольку 24 августа их посольство в Вашингтоне было информировано, что по заявлению Молотова некоторое время спустя, например, через неделю, переговоры с Францией и Англией могли бы быть продолжены². Сигнал серьезный, но принять его западные державы не захотели даже тогда, когда стало ясно, что их дипломатическая игра провалилась сразу на двух направлениях и имеет смысл попытаться спасти положение там, где для этого дается реальный шанс.

Характерно, что чуть позже поведение наших бывших партнеров по переговорам стало совсем иным. Прервав переговоры, мы сохранили с ними дипломатические отношения, нигде не ущемляли их прямые интересы. Ведь нельзя же за таковые признать интересы Польши, за которые они сами не вступились. Между тем английские и французские политики занялись прямым науськиванием на нас других государств. Караосманоглу, хорошо знавший обстановку в дипломатическом мире 30-х годов, пишет: «...Разве мало усилий приложили Франция и Англия в разгар захвата Польши, чтобы заставить нас напасть на Россию? Сколько раз его превосходительство господин Эррио втолковывал каждому встречному турку о необходимости «подготовиться ко второму крымскому походу». Всякий раз, когда я виделся с послом

¹ «Известия», 1989, 1 июля.

² Цит. по: «Новое время», 1987, № 41, с. 19.

Франции в Гааге, он мне настойчиво твердил: «У вас есть армия в двадцать пять — тридцать дивизий... Нам ничего не стоит за пять-десять дней разрушить нефтяной район России и привести моторизованную Красную Армию в состояние неподвижности». Единственной целью, на которую опиралась эта призрачная стратегия, было намерение перенести центр тяжести войны на нашу страну — считал турецкий дипломат¹. Это еще один штришок к портрету западных демократов.

Но, может быть, СССР допустил ошибку, теряя время на переговорах с Великобританией и Францией? Нет. Нужно было попытаться образовать антифашистскую коалицию. И от этой попытки СССР отказался только за неделю до неотвратимой войны. А то, что она была неотвратима, стало ясно, когда надежды на военный союз с французами и англичанами рухнули.

Принес ли пакт, подписанный 23 августа, какие-либо выгоды нашему народу? Да, принес. О них уже говорилось выше, когда приводились мнения советских и зарубежных политиков, историков, очевидцев событий тех лет. Простым перечислением, поскольку уже многое сказано, назову отсрочку войны, позволявшую лучше подготовиться к ней (насколько эффективно она была использована — другой вопрос, и мы его коснемся в следующих главах); воссоединение украинского и белорусского народов и существенный перенос границы на запад; преодоление политической изоляции; предотвращение опасности войны на два фронта².

Теперь представим на минуту, что договора с Германией не было, как не было и соглашения о взаимопомощи трех стран (еще раз напомним, что английская военная миссия, отплывая в СССР, имела предписание затягивать переговоры до октября). И в такой политической ситуации в сентябре 1939 года две крупнейшие армии Европы двигаются навстречу друг другу. Одна — по территориям Западной Белоруссии и Западной Украины, входившим в состав Польши, другая — по тер-

---

¹ Караосманоглу Якуб Кадри. Дипломат поневоле. М., 1978, с. 180.

Эдуард Эррио — лидер французской партии радикалов, неоднократно возглавлял правительство Франции.

² Кроме того, в связи с Японией в тезисах Комиссии польских и советских ученых отмечается то важное обстоятельство, что заключение пакта с Германией сыграло положительную роль в ослаблении немецко-японских связей и антикоминтерновского пакта. («Правда», 1989, 25 мая.)

ритории самой Польши. Последствия их встречи при сохранении четкой конфронтации внешней политики и пропаганды двух государств легко было бы предугадать.

Н. С. Хрущев, который был членом Военного совета армии, действовавшей на тернопольском направлении, вспоминает, что, когда наши подразделения стали подходить к границе, некоторые территории восточнее ее были уже заняты немцами. Поскольку имелся договор, Гитлер «не хотел создавать с нами конфликты. Он хотел расположить нас, показать, что он человек слова. Немецкие войска были отведены, и наши войска вышли на границу»¹.

А не было бы договора, что тогда? С какой стати фашистские войска стали бы очищать приграничную территорию для советских войск? Следовательно, неизбежно было вооруженное столкновение, война. Несомненно, эта ситуация весьма устроила бы ушедших от серьезных переговоров с СССР Великобританию и Францию. И трудно сказать, как при антисоветской направленности политики повели бы себя в этом весьма вероятном конфликте ненадежные «гаранты» Чехословакии и Польши.

Но можно ли утверждать, что пакт с Германией имел только положительные стороны? Безусловно, нет. Во-первых, наша страна получила общую границу большой протяженности с самым агрессивным государством мира. А в дальнейшем, по мере вовлечения в орбиту германского влияния Финляндии, Венгрии и Румынии, эта граница протянулась от Баренцева моря до Черного. Во-вторых, ухудшились политические отношения с Великобританией, Францией и США, и мы в большей мере, чем это было в наших интересах, привязывались к политической линии Германии. В-третьих, пакт нанес удар по коммунистическому и антифашистскому движению, во многом отвратил от социализма прогрессивные слои буржуазного общества, подорвал за рубежом престиж первого социалистического государства как борца против крайней реакции, за интересы мира и социального прогресса. В-четвертых, в самой нашей стране пакт внес определенную сумятицу в политические и идеологические ориентиры; безадресная пропаганда бдительности и необходимости готовности к войне не играла достаточной мобилизующей роли.

¹ «Огонек», 1989, № 30, с. 10.

Уже упоминалось, что 28 сентября 1930 года, после того, как польское независимое государство на время исчезло с политической карты мира, был подписан второй советско-германский договор. Фиксация новых границ была неизбежна, но слово «дружба» в его названии звучало насмешкой над идеалами социалистического общества. Появлению этого слова есть объяснение: страх Сталина. Военный историк А. Орлов обращает внимание на то, что в августе Сталин вычеркнул слово «дружба», предложенное немецкой стороной¹. Но после этого за месяц развалилась крупная армия Польши. В Москве не ожидали столь быстрого поражения западного соседа. Оно напугало Сталина, и он готов был пойти на политические издержки во имя предотвращения немедленной войны.

Несомненно, что, как отметила и Комиссия польских и советских историков, в пакте были допущены серьезные нарушения международно-правовых норм, попирались ленинские принципы внешней политики, наносился ущерб международному рабочему движению; договор имел тяжелые последствия как для Польши, так и для СССР². Оценки справедливы. Они подтверждены ходом истории. Руководство Советского Союза, и прежде всего, конечно, Сталин, в период между двумя договорами с Германией потеряло чувство политической меры, целесообразности, сделало явно лишние шаги навстречу беспринципному, глубоко идеологически враждебному партнеру. Нельзя было подчинять идеологию внешней политике, выдвигать лживые обоснования. А одна ложь, как увидим далее, неизбежно тянет за собой другую. В конечном счете это стало одной из причин трагедии лета 1941 года.

---

¹ «Правда», 1989, 25 августа.

² Там же, 25 мая.

*...Всякую полосу общественного
развития нужно понять в особых,
ей и только ей свойственных чертах...*

Н. Бухарин

ТРИ КИТА ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Чем жила наша Родина в дни, когда решался вопрос войны и мира, когда затем на смену дипломатическому языку пришел язык пуль и снарядов?

Обратимся к прессе, отдавая себе полный отчет в том, что она, особенно в годы, когда у руководства страной находился И. В. Сталин, активно способствовала формированию культа его личности и отражала прежде всего официальную линию, которая настойчиво проводилась в жизнь. И тем не менее мы получим представление о задачах, на решение которых нацеливалось общество, об идеологических средствах их достижения и в известной мере — о восприятии народными массами. Но полной адекватности, понятно, здесь быть не может, поскольку сами средства информации осуществляют целенаправленный отбор мнений. Так было во

все времена. Это касается, кстати, и сегодняшней прессы. Только в 30—40-е годы отбор диктовался «сверху» и был однотипен для всех изданий, а теперь каждое издание, как правило, имеет свою ярко выраженную позицию, свой «характер».

У меня на столе лежит подшивка газеты «Комсомольская правда» за июль — сентябрь 1939 года. Интересно перелистывать пожелтевшие, впитавшие пыль десятилетия страницы. Они рассказывают как о событиях, которые навсегда вошли в историю нашей страны, так и о том, что казалось в то время значимым, но не прошло проверку временем.

Это не первая моя встреча с довоенной прессой. Знакомство с ней началось с того, что в 1953/54 учебном году я выбрал темой курсовой работы в институте предысторию стахановского движения и его становление. Одним из источников сведений могли стать газеты конца двадцатых-тридцатых годов. Для того чтобы их получить, потребовалось письмо от института в московскую Историческую библиотеку. И вот в небольшом помещении специального хранения я листаю подшивки «Правды», «Известий», «Комсомольской правды». Первые же номера центральных газет поразили меня обилием самой разнообразной информации, касавшейся отнюдь не только политической и социально-экономической жизни страны. Новости культуры, происшествия, судебная хроника, зубастые фельетоны, развернутые сообщения о спортивных состязаниях, объявления, реклама — все это подавалось читателю живым журналистским языком и резко контрастировало с прессой моих пятидесятых. Увы, не в пользу последней. Понятно, что я старался как можно полнее использовать уникальную по тому времени возможность познакомиться с периодом, когда меня еще не было на свете или я только начинал ходить под стол пешком. Впоследствии каждый раз, когда для этого представлялась возможность, я не упускал случая окунуться в мир статей, очерков и репортажей, которые рассказывали о событиях вчерашнего дня, а для нас — далекой истории.

Вот и теперь с тем же ожиданием встречи с прошлым, с именами, ставшими гордостью или позором моей страны, я переворачиваю ломкие, обтрепанные по углам газетные листы.

«Комсомолка» — газета молодежная, и проблемы, которыми живет страна, приобретают в ней особую

окраску. Что прежде всего бросается в глаза — моментальная реакция на крупное событие и интенсивное, напористое его освещение и разъяснение в течение недели, месяца, пока другое событие, другая кампания не отодвинут его сначала на третью полосу, а затем и вообще вытеснят из газеты. ...Внеочередная сессия Верховного Совета СССР, подготовка к выборам в местные Советы депутатов трудящихся, принятие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о развитии общественного животноводства в колхозах, годовщина выхода «Краткого курса истории ВКП(б)», пленум ЦК ВЛКСМ, открытие Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, уборка урожая, подписка на очередной государственный заем третьей пятилетки, подготовка к призыву молодежи в армию, празднование тысячелетия эпоса армянского народа «Давид Сасунский», Всесоюзный парад физкультурников... И в связи с каждым из таких событий — роль молодых, задачи комсомола, лучший опыт, критика отстающих.

Из номера в номер в рубрике «Комсомольская жизнь» появляются статьи ответственных партийных и комсомольских работников центра, республик и областей, нацеливающие на участие комсомольцев в государственной и хозяйственной жизни, пропагандирующие изучение экономики производства, воспитание у молодежи чувства нового, рассказывающие о подшефных стройках, о лучших комсомольских организациях, о первых на производстве, в учебе, военной подготовке, спорте. При той ответственности и дисциплине, которая существовала тогда в комсомоле, особенно на крупных предприятиях, где молодежь испытывала влияние сильных партийных организаций (а в их рядах многие коммунисты прошли через революцию и гражданскую войну), воспитательное воздействие таких публикаций было немалым.

Однако, несмотря на присутствие характерных для того времени штампов и жесткой целенаправленной идеологической обработки, материалы о буднях комсомольской работы, которых было очень много в каждом номере, не создают образа «сахарного» комсомольца. С лучшими ясно — на них надо ориентироваться. Но здесь же остро бичуется нарушение принципов индивидуального приема в ВЛКСМ, практика огульных исключений, сезонность в пропагандистской работе. Газета критикует Саратовский обком за кабинетный стиль ра-

боты, Харьковский — за отрыв от жизни, Ворошиловградский — за невнимание к условиям работы и отдыха комсомольцев, Бакинский — за слабое знание проблем производства, Челябинский — за отставание в подготовке трактористок...

Сквозная тема прессы тех лет — соревнование. Соревновалась вся страна. Из номера в номер публикуются рассказы о стахановцах, о ходе соревнования имени третьей, сталинской пятилетки, о вкладе комсомольцев в движение многостаночников. Участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки из среднеазиатских республик и Азербайджана обращаются к труженикам села с призывом продолжить соревнование в 1940 году. Коллектив Северодонецкой железной дороги вызывает на соревнование всех железнодорожников страны. Комсомольцы-стахановцы Одесского порта возглавляют соревнование морских портов. Пионеры и школьники проводят оборонные соревнования...

Грозная международная обстановка диктовала необходимость укрепления обороны страны, повышения готовности к войне. Комсомол был шефом авиации и флота, и поэтому «Комсомолка» особенно широко освещала будни, ход боевой подготовки частей и кораблей, празднование дней Военно-Морского Флота и авиации. Военная профессия была престижной, и в училища, особенно танковые и авиационные, проводился требовательный отбор. Газета рассказывала об учебе и жизни курсантов, о моральных и профессиональных качествах будущих командиров, их упорстве в достижении поставленных задач. Предстоящий осенний призыв молодежи в армию подавался как праздник. Со страниц газеты не сходила рубрика «На «отлично» подготовимся к призыву», в материалах которой рассказывалось о военно-физкультурной работе в коллективах заводов, фабрик, колхозов, совхозов. С письмом к призывникам обращаются Герои Советского Союза. В помощь им — рубрика «Изучай военное дело». Ее статьи посвящены ружейному огню, ближнему бою, ручной гранате, форсированному маршу. Комментируется только что принятый на сессии Верховного Совета СССР закон о всеобщей воинской обязанности, рассказывается о подвигах советских воинов в боях у озера Хасан, о вступлении Красной Армии на земли Западной Украины и Западной Белоруссии, теплом приеме, оказанном воинам трудовым народом этих территорий.

На фоне столь большого внимания прессы к военной тематике, описания учебных сражений трудно объяснить крайне скупое освещение реального вооруженного конфликта на реке Халхин-Гол. Небольшая сводка о ходе боев, появившаяся в третьей декаде июля, дополнилась в первый день сентября кратким сообщением штаба советско-монгольских войск о ликвидации остатков японо-маньчжурской армии, вторгшейся в приграничную полосу МНР.

Обстановка секретности окружала все, что было связано с войной на Халхин-Голе. Ее участник профессор-консультант Академии общественных наук при ЦК КПСС Н. И. Ганин вспоминает, что даже Указ о присвоении звания Героя Советского Союза и награждении орденами и медалями 17 тысяч советских воинов, отличившихся в Монголии, вышел без указания времени, места и обстоятельств «образцового выполнения боевых заданий» (формулировка из Указа)¹. Хотя в стране все знали о войне с Японией: у одних воевали родные, у других — знакомые, у третьих — знакомые знакомых и т. д.

Большое место газета отводила идеологическим и теоретическим материалам. Сейчас, спустя полвека, темы — «противоположность между городом и деревней и ее устранение», «сочетание личных и общественных интересов колхозников — ключ укрепления колхозов», «национальная политика партии Ленина — Сталина» кажутся насмешкой над здравым смыслом и реалиями жизни.

В освещении теоретических вопросов особенно явно проступает, с позиций наших сегодняшних знаний, догматическое окостенение мысли, которое нес с собой усиливавшийся культ личности И. В. Сталина. «Орудие борьбы трудящихся всего мира», «Могучее оружие большевизма», «Овладеть сокровищницей ленинско-сталинских идей», «Знаменательная годовщина» — это только некоторые из заголовков статей, посвященных «Краткому курсу истории ВКП(б)». В них подчеркивается, что книга «почти целиком написана товарищем Сталиным», что, составленная при личном его руководстве и участии, она «обогащает знанием законов общественного развития, идейно закаляет наши кадры для практической работы по построению ком-

---

¹ «Известия», 1989, 20 августа.

мунизма»¹. Авторами материалов отождествляются идеи Ленина и Сталина, предаются анафеме «предатели революции и социализма». В честь годовщины выхода книги на ВСХВ воздвигнута скульптура — рабочий, который, как знамя, держит книжку «Краткого курса».

Еще в начале тридцатых имя Сталина не мелькало так часто в прессе. Теперь же в одном номере газеты его можно встретить десятки раз. Публикуются, например, лозунги ЦК ВЛКСМ к XXV Международному юношескому дню. В его весьма кратких призывах имя Сталина, эпитет «сталинский» упоминается 13 раз. Вот обращение железнодорожников Московского узла и актива Наркомата путей сообщения к «Великому машинисту локомотива революции товарищу Сталину». Вот письмо четырех Героев Советского Союза в годовщину разгрома японцев у озера Хасан, озаглавленное «С именем Сталина — за Родину». Ссылками на Сталина, цитатами из его произведений, возвеличиванием вождя перегружены речи партийных, государственных и комсомольских деятелей, статьи ученых и работников культуры.

К 1939 году репрессии стали затухать, но их отголоски то и дело встречаются на страницах прессы: в рассказах об истории партии, в заметках с мест, повествующих о саботирующем строительство социализма бывших атаманах, белогвардейцах, кулаках, нэпманах, мужьях иностранных подданных. Нетрудно представить, что их ждало после таких публикаций.

В то же время немало материалов способствовало воспитанию у молодежи чувства любви к Родине, советского патриотизма. Освещались славные победы русского оружия, например в Полтавской битве и Гангутском сражении, прославлялись подвиги талантливых начдивов гражданской войны Николая Щорса и Василия Чапаева. В таких материалах нередко умело переплетались традиции и современность, героическое историческое прошлое и задачи сегодняшнего дня, в молодежной среде культивировалось представление о неисчерпаемости народных сил, о безграничных возможностях нового общественного строя.

Эти же цели во многом определяли и задачи социалистической культуры. Конечно, и она была в полной мере подключена к прославлению Сталина и его со-

---

¹ «Комсомольская правда», 1939, 8 сентября; 1939, 10 августа.

ратников, особенно «железного наркома обороны» К. Е. Ворошилова, имя которого по популярности стояло, пожалуй, на втором месте. Но в то же время очень много публикаций посвящалось советской многонациональной культуре, ее огромному разнообразию.

Украинская, дагестанская, армянская, ленинградская поэзия, тбилисский и свердловский театры, творческий смотр театральной смены. Обсуждаются проблемы юношеского и детского кино. Автор хвалит доньше известные зрителю фильмы «Белеет парус одинокий», «Дума о казаке Голоте», сериал по автобиографическим произведениям Максима Горького и критикует ленты с ничего не говорящими нам названиями. Видимо, правильно хвалит, правильно критикует, если время распорядилось так же. В статье о критикобоязни в числе других писателей упрекается в этом грехе и нынешний патриарх советской прозы Леонид Леонов, которого обидели замечания в адрес его пьесы. Еще сильнее перепало поэтам А. Суркову и А. Жарову, пославшим критику открытку с нецензурными выражениями¹.

В другой статье осуждается «легковесное, непродуманное отношение к своей теме, неумение взглянуть в жизнь и понять истинные причины душевных конфликтов, безусловно, существующих в действительности», что и привело поэта «к холостому литературному выстрелу»². О каком «стрелке» это, как вы думаете? О двадцатичетырехлетнем Константине Симонове. Это он в поэме «Пять страниц» не смог, по мнению двух критиков, принадлежавших к прекрасному полу, разобраться в проблемах любви и дружбы, совместить поэзию первого чувства с прозой семейной жизни. Досталось и певцу Леониду Утесову, но не за репертуар, а за книгу о своем жизненном и творческом пути, в которой критик увидел проявления нескромности, саморекламы.

Вероятно, выпуская книгу в «Молодой гвардии», было бы непростительно пройти мимо претензий, высказывавшихся полвека назад. Издательство упрекается в отсутствии четкого тематического профиля, в следовании порочному принципу — дать всего понемножку, а в конечном счете — «в антигосударственной практике, направленной на разбазаривание государственных средств, к развалу дела создания советской юношеской

¹ «Комсомольская правда», 1939, 9 августа.

² «Комсомольская правда», 1939, 20 августа.

литературы». Сильно сказано, но есть в материале, видимо, и обоснованные замечания о том, что политическая литература не всегда доступна пониманию молодежи, не использует яркую, живую художественную форму, что мало книг о патриотизме и самоотверженности, что недостаточно выпускается художественных, приключенческих и фантастических произведений, нет своего авторского актива. Мимо издательства прошли «Мужество» Веры Кетлинской, «Танкер «Дербент» Юрия Крымова¹.

Имена, имена... Какие имена мелькают на газетных полосах! Одни уже закрепились в общественной, культурной жизни тридцатых годов, прославились на полях сражений, другие — в полной мере о себе заявят в годы войны, в середине века...

Вот и в богатой спортивной хронике мы встречаем фамилии тех, кто вошел в летопись советского спорта: легкоатлеты братья Знаменские, Нина Думбадзе, футболисты братья Старостины, Григорий Федотов, Борис Пайчадзе, боксеры Николай Королев, Евгений Огуренков, штангисты Яков Куценко, Григорий Новак, многие, многие другие.

Но что это? Грозная статья о некоторых пороках в организации футбола. В чем же состояли они пятьдесят лет назад? Увы, во многом в том же, что и теперь: в несовершенных тактике и технике, в грубости и недисциплинированности, в порочной практике переманивания звезд, в слабости судейства. Судя по всему, все развивается на свете, кроме футбола!

Массовость спорта все же была в те годы в меньшей степени лозунгом, чем сейчас. Вся страна готовилась к физкультурному параду в Москве. Спортивные праздники и парады проходили на предприятиях, в деревнях и поселках, в столицах республик, в Ленинграде, других крупных городах РСФСР. Пропаганде спорта придавалось большое значение. Во Всесоюзный день физкультурника с письмом к советской молодежи обратились тогда еще немногочисленные и поэтому всем известные Герои Советского Союза В. Гризодубова, М. Раскова, И. Спирин, Б. Туржанский, П. Ширшов, В. Хользунов... Менее чем через две недели летчик комдив Виктор Степанович Хользунов, участник антифашистской войны в Испании, и еще три члена его эки-

---

¹ «Комсомольская правда», 1939, 5 августа.

пажа погибнут на подмосковном полигоне при испытании новых авиационных бомб. Урны с их прахом захоронены на Новодевичьем кладбище. Именем В. С. Хользунова назван один из переулков Москвы.

Какие же процессы шли в молодом обществе в 1939 году?

Уже забывающейся историей стали нэп и острые дискуссии в науке и в партии о возможных альтернативах последующего развития общества и его экономики. Многим их участникам в годы репрессий они стоили жизни и в лучшем случае — исковерканной судьбы. В основном были осуществлены задачи культурной революции, с кровью и болью, тяжелыми жертвами в острой классовой борьбе завершились коллективизация сельского хозяйства и формирование нового класса — колхозного крестьянства, шел второй год третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства, продолжившего линию на форсированную индустриализацию страны. Проходивший в марте XVIII съезд партии, на котором были подведены итоги второй пятилетки, отметил завершение реконструкции промышленности и земледелия на основе передовой техники, окончательную ликвидацию остатков эксплуататорских классов, назвал важнейшим завоеванием укрепление морально-политического единства советского общества и дружбы народов СССР. Съезд утвердил третий пятилетний план, в котором важное место отводилось укреплению обороноспособности государства. Основная экономическая задача страны теперь состояла в том, чтобы догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения. Съезд констатировал, что в СССР построено в основном социалистическое общество, и определил содержанием нового периода в его развитии завершение строительства социализма и постепенный переход к коммунизму. Был сделан вывод о возможности построения коммунизма в одной стране¹.

Теперь мы хорошо знаем, насколько далеки от действительности многие оценки и констатации того времени, насколько часто желаемое выдавалось за действительное, насколько утопическими были важные прогнозы, в том числе и приведенные выше. Ныне, как известно, многому из того, что еще недавно трактовалось как

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1985, т. 7, с. 49—50.

безусловные достижения социалистического строя, нередко дается совершенно противоположная оценка. Попробуем разобраться прежде всего в тех явлениях и процессах, которые повлияли на степень готовности страны к отражению немецко-фашистской агрессии.

Начнем с культурной революции. Возможно, не все молодые читатели знают, в чем состояла ее суть. Тем более что сам термин в сознании многих ассоциируется с нелепой и крайне жестокой политической кампанией в Китае, охватившей целое десятилетие общественной жизни этой страны и перечеркнувшей многие предшествовавшие завоевания китайского общества.

С культурной революцией в Советском Союзе было связано прежде всего создание новой системы народного образования и просвещения, охватившей практически все население страны, формирование новой, социалистической интеллигенции из крестьян и рабочих во всех сферах жизнедеятельности, зарождение и развитие социалистической культуры нашего общества, ее материальной базы, утверждение марксистско-ленинской идеологии.

Социалистические преобразования в экономике требовали соответствующих изменений в образовательном, профессиональном уровне миллионов людей, в их отношении к трудовым, другим общественным обязанностям. Задача была грандиозная, если учесть, с какого уровня ее пришлось решать.

В дореволюционной России около 72 процентов населения в возрасте от 9 до 49 лет не умело ни читать, ни писать. Четыре пятых детей и подростков не имели возможности получать образование. На Кавказе, в Закавказье и в Средней Азии положение было намного хуже, не говоря уже о российском Севере и Дальнем Востоке. На территории нынешних среднеазиатских республик, например, численность неграмотного населения достигала 96—98 процентов. Свыше 40 народностей в стране не имели своей письменности.

Состав учащихся высших учебных заведений царской России четко отражал положение классов в обществе: в восьми университетах страны 38,3 процента студентов приходилось на дворян и выходцев из среды чиновников, еще 18,8 — на детей лиц духовного звания, купцов и так называемых почетных граждан. Студенты, происходившие из мещан и цеховых, составляли 24,4 процента, из крестьян — 12,7. Несколько лучше для выходцев

из рабочих и крестьян было соотношение в высших технических учебных заведениях: в четырех втузах их доля достигала 48,3 процента¹. В ходе первой мировой и гражданской войн значительная часть интеллигенции не вернулась с полей сражений, а массовая эмиграция еще более обеднила интеллектуальный потенциал страны. Учитывая большие масштабы намечавшихся экономических и социальных преобразований, его предстояло создавать во многом заново. Судите сами. В 1914 году в школах России училось немногим больше 8 миллионов детей, из них в средних школах — меньше миллиона, или 12,4 процента. В специальных средних школах занималось на всю страну всего 79 тысяч человек².

За решение задач образования молодая социалистическая республика взялась решительно и последовательно. В декабре 1919 года был принят декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», обязывавший все население республики в возрасте от 8 до 50 лет обучаться грамоте на родном или русском языке. Летом 1920 года была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности, которая добровольно или в порядке трудовой повинности привлекала к преподаванию около 200 тысяч человек. К концу года в стране работали 55 педагогических вузов, в то время как до революции их было два десятка. Только в течение первого года действия декрета грамоту освоило около трех миллионов человек, а к концу 1927 года ликвидировали неграмотность примерно 10 миллионов взрослых³. Одновременно и очень быстрыми темпами происходило развитие общеобразовательной школы, а также средних и высших учебных заведений. Хотя статистика не для всех подобна стихам, приведу еще цифры, которые, на мой взгляд, небезынтересны.

Если в 1928/29 учебном году в начальных и средних школах обучалось 12,6 миллиона человек, то в 1936/37 учебном году — 28,8 миллиона, доля учащихся средних школ возросла с 29,5 до 62 процентов. По всей стране всеобщее начальное образование было обязательным, а в городе семилетнее обучение стало правилом. Число занимавшихся в средних специальных

---

¹ Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.). М., 1939, с. 126.

² 20 лет Советской власти. Стат. сб. М., 1938, с. 81.

³ История социалистической экономики СССР. М., 1976, т. 1, с. 409, 412; т. 2, с. 466.

школах увеличилось с 206 тысяч до 770 тысяч, в высших учебных заведениях — со 177 тысяч до 542 тысяч. В 1914 году в России было 91 высшее учебное заведение, в 1937 году в СССР — 683; работали почти 3,5 тысячи техникумов и других средних специальных учебных заведений¹.

Повышение общего образовательного уровня населения, создание системы народного образования всех ступеней были важнейшими предпосылками для решения крупных народнохозяйственных задач.

Бурно развивалась сеть профессиональной подготовки рабочих и крестьян в соответствии с требованиями производства. На 1 октября 1936 года на каждые сто рабочих крупной промышленности (под этим термином понимались современные по масштабам производства и технической вооруженности предприятия всех отраслей промышленности — от добывающих до текстильной) приходилось 40, прошедших технику, и 24 обучающихся². Рабочие кадры готовили школы фабрично-заводского обучения, различные кружки и курсы. Только школы ФЗУ за годы второй пятилетки дали 1,4 миллиона квалифицированных рабочих.

Глазная роль в росте технических знаний трудящихся отводилась обучению в ходе самого производства. В это время партия выдвинула лозунг, созвучный объективным потребностям развития экономики: «Кадры, овладевшие техникой, решают все!» С начала второй пятилетки развернулось массовое движение рабочих за овладение техникой и сдачу общественно-технического экзамена на знание современной техники. С 1935 года был введен государственно-технический экзамен. Эти меры благотворно сказались на росте производительности труда, качестве продукции, уменьшении брака.

Приток техники в сельское хозяйство потребовал массовой подготовки необходимых для ее использования и обслуживания кадров. С 1934 по август 1937 года работе на тракторах было обучено почти 1200 тысяч человек, на комбайнах — 139 тысяч, на автомашинах — 84,5 тысячи³.

¹ 20 лет Советской власти. Стат. сб. М., 1938, с. 81, 82;

Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1939, с. 64, 121.

² 20 лет Советской власти. Стат. сб. М., 1938, с. 83.

³ Там же.

Призеденные данные, по-моему, не требуют особых комментариев, настолько они красноречивы. То, что было сделано в сжатые сроки для подготовки кадров всех уровней для отраслей и сфер народного хозяйства, иначе как революцией не назовешь.

Процесс повышения образовательного уровня населения шел одновременно с его приобщением к культуре, более того, оба процесса оказывали друг на друга взаимообогащающее влияние. Ныне не без основания сожалеем, что в годы становления социалистического государства во многом была утрачена преемственность с культурой прошлого, что из нашей жизни надолго ушли замечательные произведения литературы, изобразительного искусства, музыки. Это горькие потери, которые сейчас восполняются с опозданием. Лучше, если бы их не было. Но эти потери, очевидно, были неизбежны. Ведь произошел классовый переворот, и вместе с насильственно свергнутыми классами ушло не только то, из-за чего их свергли, но и многие непреходящие ценности, которые они накопили, носителем которых они были. Почему-то некоторые потомки неграмотных в своей массе крестьян, рабочих и ремесленников напрочь забыли, что их прародителям и родителям возвращающиеся к нам из небытия произведения до революции не были знакомы, что эта культура им не принадлежала, что в лучшем случае тысячи из миллионов могли приобщиться к ее несомненному богатству. И то, что сегодня мы имеем возможность оценить ее по достоинству, корнями своими имеет знания, накопленные нашим старшим поколением, бравшим в руки букварь нередко в зрелые годы.

Правда, сейчас оказывается, что чуть ли не каждый второй наш гражданин потомок, если не рюриковичей и боярина Кучки, то уж по крайней мере князей Волконских или Трубецких. В тридцатые годы претензии были меньше — тогда популярным было родство с лейтенантом Шмидтом. Я, увы, к высокородной элите не принадлежу и своему интересу к сокровищам советской, русской и мировой культуры обязан моей матери — дочери ремесленника, получившей среднее образование в годы Советской власти, и моему отцу — крестьянскому сыну, сумевшему к четырем классам церковноприходской школы добавить после революции целую коллекцию школ и курсов, увенчанную дипломом о высшем образовании. И в основе их профессиональных знаний

и культурного уровня так же, как и у десятков миллионов других советских людей, своими руками создававших новое общество, лежала культурная революция двадцатых-тридцатых годов. Самая принципиальная отличительная черта ее — охват большей части населения страны, образование и культура действительно для масс. Для этого необходимо было создать соответствующую материальную базу. В 1914 году во всем государстве было 222 народных дома — очагов культуры для трудящихся, из них в сельской местности — 88. В 1937 году в стране насчитывалось 95,6 тысячи клубных учреждений, в том числе в сельской местности — свыше 88 тысяч¹.

Роль клуба в общественной жизни довоенного общества, особенно в глубинке, была, не побоюсь сказать, исключительной. Это был центр и политической, и культурной жизни. Сюда приезжали образованные люди из района, области, а то и из Москвы и рассказывали, чем живет такая громадная страна, что происходит во вдруг открывшемся селянам необъятном мире. Здесь «крутили» фильмы, выступали приезжие профессиональные и местные самодеятельные артисты, работали художественные кружки и курсы ликбеза, выпускали стенгазету, проводили общие собрания. Здесь же в одном из шкафов умещалась сельская библиотека, на столах лежали подшивки центральных и местных газет.

Не забудем, что тяга к знаниям, к новому была большой, а источников информации, подобных телевизору, который позволяет из своей «норы» следить за всей планетой, не было. Радиоприемники были редкостью, радиосеть доходила далеко не до всех населенных пунктов. Поэтому на встречу с лектором, на киносеанс, на концерт силком тащить людей не приходилось. Да и молодежи было где собраться: потанцевать под гармошку или даже патефон, поиграть в забытые еще деревенские игры, переходившие из поколения в поколение. Я не собираюсь идеализировать деревенскую жизнь тех лет. Были и пьянки «по-черному», и драки, и «тощие» трудоводни. Но было и то, о чем мы сейчас говорим, — тяга к знаниям и культуре.

Индивидуальные библиотеки, которые сейчас есть почти в каждом доме, тогда были редкостью, хотя несколько любимых книжек имелось почти в каждой семье. Поэтому большое значение для общества имело

¹ 20 лет Советской власти, с. 85; История социалистической экономики СССР. М., 1978, т. 4, с. 501.

создание широкой сети общественных библиотек. В 1937 году их насчитывалось порядка 70 тысяч против 12,5 тысячи до революции. Число книг и журналов в библиотеках быстро увеличивалось и в 1937 году достигло 127 миллионов экземпляров, в то время как пятью годами раньше было немногим больше 90 миллионов¹.

Это увеличение отражает прежде всего весьма интенсивное развитие за годы второй пятилетки полиграфической базы. Именно тогда начали давать печатную продукцию такие известные и поныне предприятия, как комбинат «Правда», Печатный двор в Ленинграде, полиграфический комбинат в Ташкенте, Дом книги в Тбилиси, крупные типографии в Баку, Казани, Чебоксарах и другие. Тиражи книг и журналов в стране резко подскочили. Сравните: 568 миллионов в 1928 году, 659 миллионов в 1933 году и 950 миллионов в 1938 году².

Чем же загружены были полиграфические мощности, какую духовную пищу давали они читателям?

Ассортимент печатной продукции не мог не соответствовать политической обстановке в стране, усилению культа личности ее руководителя. К 1939 году за несколько месяцев с момента своего первого появления «Краткий курс истории ВКП(б)» вышел тиражом 13,7 миллиона экземпляров. Он должен был вытеснить, заменить все предшествовавшие публикации по истории партии. В одном только 1938 году тираж работ Сталина составил почти 27 миллионов, в то время как ленинские произведения были изданы в количестве 7,2 миллиона экземпляров, а труды Маркса и Энгельса — 3,2 миллиона³.

Но в то же самое время большими тиражами выходили произведения, которые ныне составляют классику советской литературы. Именно в эти годы были написаны лучшие книги Михаила Шолохова, Алексея Толстого, Александра Фадеева, Николая Островского, Константина Паустовского, Валентина Катаева, Ильи Ильфа и Евгения Петрова и многих, многих других замечательных художников слова, которые писали о том, что пережили

---

¹ 20 лет Советской власти, с85; История социалистической экономики СССР, т. 4, с. 500.

² Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.). М.—Л., 1939, с. 131.

³ Там же.

их современники в недавнем прошлом, о том, чем они жили в их настоящем.

Старшее поколение особенно увлекалось произведениями Максима Горького, Александра Серафимовича, Лидии Сейфуллиной, они им были близки и ценны тем, что в них жила тяжелая правда о пережитом прошлом, оставшемся за барьером революции.

Ну а дети тридцатых годов воспитывались на новинках, выходивших из-под пера Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Агнии Барто, Аркадия Гайдара. Не их ли книжки вам еще недавно читали папы и мамы? Не их ли стихи вы помните до сих пор? Не их ли имена придут в первую очередь вам на ум, когда вы задумаетесь над тем, что читать своим детям?..

Многие публицисты, обращая сегодня свой критический взор на события 50-летней давности, нередко подходят к ним с нынешними мерками и оценками, игнорируя конкретную историческую обстановку тех лет и социальную психологию масс того времени. Справедливо говорится о том, что на многих произведениях литературы и искусства 30-х годов лежит печать тематической односторонности, строгой классовой селекции. Да, это так. Например, значительная часть романов, кинофильмов или пьес, живописных полотен тех лет посвящена драматической теме революции и гражданской войны, и описание этих исторических событий принадлежало исключительно тем, кто воевал на красной стороне баррикад. Но могло ли спустя одно-два десятилетия после кровавой междоусобицы быть иначе? Волновали ли новое общество трагедии и переживания белой гвардии, русского вынужденного зарубежья? Думаю, что мы недоучитываем стереотипы общественного сознания того времени, которые складывались под влиянием и субъективных, и объективных условий. Новая, нарождающаяся интеллигенция — вчерашний крестьянин и рабочий — не воспринимала чуждые им по духу, по интересам, устремлениям ценности буржуазно-помещичьей культуры. Для приобщения к ним заново тоже нужно было время. К тому же многие художники слова с мировой славой, оказавшись за рубежом, активно выступали против Советского государства и тем самым давали повод для того, чтобы их произведениям в условиях «усиления классовой борьбы» был закрыт путь на родину.

Под этим флагом максимализм, неизбежный при защите революции, не только впоследствии не отмер за

полной ненадобностью, но сумел переродиться в ничем не оправданные репрессии, объектом которых стали как люди, в том числе выдающиеся деятели литературы и искусства, так и их произведения, труды. Известно, что из культурного богатства советского общества на многие десятилетия были вычеркнуты произведения А. Платонова, М. Булгакова, И. Шмелева, И. Бабеля, десятков других художников слова. То же происходило и в других областях искусства.

Нельзя не учитывать и то, что уровень общей культуры рабочих и крестьян и даже новой, советской интеллигенции был недостаточен для того, чтобы понять общечеловеческие ценности, содержащиеся, скажем, в поэзии Гумилева, Цветаевой, Бальмонта, Волошина или Хлебникова, в полотнах и рисунках «мирискусников». Новая культура еще не впитала в себя подлинные сокровища старой. Для этого нужно было время.

Вместе с тем уже в двадцатые-тридцатые годы высокообразованный или стремящийся к этому читатель мог наслаждаться великолепными произведениями, выходившими в издательстве «Academia», в сериях «Классики мировой литературы» и «Сокровища мировой литературы». Именно в это время вышли или начинали выходить снабженные богатым справочным материалом собрания сочинений А. Пушкина, Л. Толстого, Стендаля. Для любителей живописи и скульптуры открылись музеи-дворцы, собравшие в свои залы шедевры, хранившиеся в частных коллекциях. Любителей музыки и театра волновала русская и мировая классика в исполнении великолепных оркестров, выдающихся солистов-певцов, пианистов, скрипачей. В нотных тетрадах Якова Глиэра, Дмитрия Шостаковича, Александра Прокофьева, Арама Хачатуряна, Дмитрия Кабалевского рождалась советская музыкальная классика. Всеми шедеврами мирового и советского искусства, являвшимися народным достоянием, мог воспользоваться каждый человек по мере того, как созревала его потребность в приобщении к ним, тем более что возможности для этого с каждым годом становились все шире и шире. Например, в 1913 году в России было всего 177 профессиональных театров, а в 1940 году — 908. До революции было немало народных театров, организовывавшихся интеллигенцией, но и их число не могло сравниться с огромным количеством театральных кружков и самодеятельных театров при десятках тысяч Домов культуры и клубов по

всей стране. Число музеев за то же время увеличилось со 180 до 990¹. По нынешним меркам не так уж много, но ведь все познается в сравнении.

Не столь давно на американской земле мне пришлось беседовать с преподавателем русского языка и литературы одного из высших учебных заведений на западе США, сыном белого офицера, уехавшего из России через Китай и осевшего в Америке. Он выразил сожаление обеднением русской культуры по причинам, о которых мы говорили выше. Я сказал ему, что мы тоже об этом сожалеем и сейчас многое из того, что составляет действительную ценность и было утрачено по недоразумению или по недомыслию, вернулось к нам. Но нельзя забывать, а тем более игнорировать, скольким талантам из самых широких народных слоев нашей многонациональной Родины открыла дорогу Советская власть в искусстве, науке, в других сферах деятельности. И сколько представителей дореволюционной интеллигенции поставили свои знания на службу народу, поскольку считали своим долгом жить с ним одной судьбой. Я назвал моему собеседнику десятки фамилий и тех, и других, которые пришли на память. Не все так просто и однолинейно, как иногда кажется, особенно, если речь идет о прошлом.

* * *

При всей трудности и неоднозначности процессов, свершавшихся в рамках культурной революции, прогрессивное ее значение для приобщения десятков миллионов людей к образованию, профессиональным знаниям, культуре, для возмужания нового строя несомненно.

В двадцатые годы пути развития новой деревни обсуждались в стране широко. Кооперация в принципе не подвергалась сомнению, но многие партийные, советские работники, ученые считали, что до высшей ее формы в виде полного обобществления должно пройти много времени, а все становление необходимо вести на основе полной добровольности, когда крестьянин убедится в преимуществах новых форм организации производства. Так считал и В. И. Ленин. Сама эта постановка допускала альтернативность путей развития сельскохо-

---

¹ Народное хозяйство в СССР за 60 лет. Юбилейный статистический справочник. М., 1977, с. 606, 608.

зяйственного производства, их длительное сосуществование.

Однако уже к началу массовой коллективизации, а решение об этом было принято осенью 1929 года, в партии ни у большинства ЦК ВКП(б), ни у группы Бухарина, в которую входили такие видные деятели, как Рыков и Томский, не было сомнений в ее необходимости.

В заявлении на ноябрьском (1929 г.) Пленуме эти три члена Центрального Комитета отмечали, что огромный размах капитального строительства и усиление ведущей роли индустрии «не могут мириться с господством в сельском хозяйстве единоличного двора, сохи, чересполосицы...»¹. Их расхождение с большинством, возглавлявшимся Сталиным, состояло в том, что они принципиально не допускали чрезвычайных мер, видя в них измену ленинизму и скатывание на позиции троцкистов. Но, как и остальные, считали коллективизацию неизбежной и необходимой.

Коллективизация в деревне была практически завершена во второй пятилетке. На середину 1938 года в колхозы вошли 93,5 процента крестьянских хозяйств, а показатель коллективизированной посевной площади был еще выше — 99,3 процента².

Позади осталось раскулачивание зажиточных крестьян, под которое попала и значительная часть середняков. Нэп создал благоприятные условия для роста кулацких хозяйств. И в 1927 году их насчитывалось около 900 тысяч. Но в 1928—1929 годах были приняты меры по подрыву их экономических и политических позиций, в результате чего к осени 1929 года число кулацких хозяйств снизилось до 600—700 тысяч. Затем началась кампания по насильственному раскулачиванию, под которую, по оценке ученых В. П. Данилова и Н. В. Тепцова, попало от 1 до 1,1 миллиона крестьянских хозяйств. Следовательно, было «раскулачено» от 400 до 500 тысяч семей середняков³. А это не меньше двух миллионов крестьян.

Установочным здесь было постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», принятое в начале 1930 года и провозгласившее переход от политики огра-

¹ Цит. по: «Вопросы истории КПСС», 1988, № 8, с. 28.

² Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.), с. 85.

³ «Правда», 1988, 16 сентября.

ничения кулачества к политике его ликвидации как класса. Постановление определило жесткие сроки коллективизации в важнейших зерновых районах страны: в основном закончить ее осенью 1930 года¹. Сразу после этого началось форсированное вовлечение крестьян в колхозы, так что удельный вес коллективизированных крестьянских хозяйств возрос с 3,9 процента в 1929 году до 23,6 в 1930 году и 52,7 процента в 1931 году².

Жесткое, неразборчивое, безоглядное «раскулачивание» и принудительное объединение в колхозы обернулись массовым ростом недовольства крестьянства, доходившим до вооруженных выступлений. Только с начала января по середину марта 1930 года их отмечено свыше двух тысяч. Гибли недовольные крестьяне, гибли коммунисты, активисты колхозного движения, происходила массовая депортация крестьянства.

Насильственно вовлекавшиеся в колхозы крестьяне широко использовали и методы экономического саботажа: уничтожали свой скот, портили имущество, поджигали колхозное добро. Поэтому даже тем из проводивших коллективизацию, кто ничего не понимал в сельском хозяйстве, стало ясно, что дальше таким путем идти нельзя. Уже в феврале пришлось скорректировать установки, приостановив форсирование коллективизации и раскулачивания, признать необходимость учета местных условий, особенно в республиках. В марте появилась статья Сталина «Головокружение от успехов», переложившая ответственность за перегибы и спешку с коллективизацией на местные кадры. Начался довольно значительный отлив крестьян из колхозов. Временно коллективизация отступила, чтобы вскоре вновь набрать галопирующий темп.

К концу тридцатых позади остался и страшный голод 1932—1933 годов, поразивший житницы страны — Украину, Кубань, Дон, Поволжье, другие области Черноземья и Центральной России. Некоторыми авторами называются многие миллионы умерших от голода. Поскольку расхождение в цифрах очень велико и, кроме того, трудно пока что определить, кто умер от недоедания, кто пробрался в город, а кто был как кулак выслан из родных

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984, т. 5, с. 73.

² Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегод. М., 1936, с. 278.

мест в малообжитые районы Севера и Дальнего Востока, в Сибирь и Казахстан, не будем умножать число прикидок. Рано или поздно точные цифры станут известны¹.

В ряде публикаций сейчас отмечается, что многое можно было сделать, чтобы предотвратить гибель людей от голода: снизить планы хлебозаготовок, выделить зерно для сева из общесоюзного фонда... Действительно, чрезвычайные обстоятельства должны диктовать чрезвычайные меры.

Кстати, в 1931 году такие меры предпринимались: крестьяне получали продовольственные и семенные ссуды, которые помогли ослабить массовый голод. А вот утверждение, что голод никак не связан со стихийными бедствиями, очевидно, не соответствует действительности. Если вести отсчет от 1891 года, то 1931 год войдет в число десяти наиболее засушливых лет². Да и 1932 год не для всех районов был в этом отношении благополучным. Чингиз Айтматов, который был очевидцем событий этого года, вспоминает не только массовое разорение, мор, но и засуху.

Природный фактор наложился на явные политические просчеты в проведении коллективизации: ее безудержное форсирование, грубое нарушение экономических связей между городом и деревней, когда хлебозаготовки превратились в новый вариант продразверстки времен военного коммунизма, потерю миллионов крестьянских рук из-за репрессий, всякого рода мобилизаций и бегства в город в надежде спастись от голода и тех же репрессий.

Очевидно, что в условиях существенного недобора зерна (сравните: в 1930 году было собрано 83,5 миллиона тонн, в то время как валовые сборы в 1931 и

---

¹ Историк В. П. Данилов наглядно показал, к чему приводит некритическое отношение к цифровому материалу. П. В. Волобуев назвал число раскулаченных хозяйств в отдельных районах страны равным 10—12 процентам. Редакция, опубликовавшая эти данные, слова «в отдельных районах» опустила. Цифры появились в печати. Специалист по экономике сельского хозяйства Г. Шмелев повторил их в своей журнальной статье, разошедшей тиражом в 350 тысяч экземпляров. Поскольку Г. Шмелев — специалист, ему и вера. А 12 процентов — это 15 миллионов человек. В. П. Данилов оценивает число высланных примерно в 2,5 миллиона. («Знание — сила», 1989, № 3, с. 2.) И эта цифра, конечно, гигантская. За ней — огромная трагедия для тех, кого коснулась высылка, для их близких.

² БСЭ, 3-е издание. М., 1972, т. 9, с. 383.

1932 годах были меньше 70 миллионов тонн¹), картофеля, сахарной свеклы ухудшение продовольственного положения страны было неизбежно. Должен был пострадать или крестьянин, или рабочий, который мог получить продукты только из села. Выбор был сделан не в пользу крестьянства. Видимо, возобладало обывательское представление, что оно на земле, поэтому как-нибудь вывернется, а у рабочего выхода нет. Добавьте к этому, что хлеб был одним из главных источников валюты, использовавшейся в интересах индустриализации. А миллионы людей погибали...

Крестьянство не сразу смогло оправиться от совпавших по времени ударов власти и природы, не сразу смогло приспособиться к работе в условиях коллективных хозяйств. Нельзя не учитывать, что, ко всему прочему, нарушения ленинских принципов кооперации — добровольности, постепенности вовлечения в нее крестьянина, убеждения силой примера — привели к тому, что крестьянин в массе своей психологически оказался не готов к коллективному труду. На своей земле он никогда не был стеснен в личной инициативе, привык к самостоятельным решениям. А что такое коллективная инициатива, подчинение общему решению, особенно тогда, когда оно диктуется из-за неведомых далей и применительно к конкретному полю или скотному двору, превращается в бессмыслицу? Это нередко подрывало веру в новую форму организации работы в деревне. В результате всех организационных, психологических и природных неурядиц пострадало не только растениеводство. Линия на максимальное обобществление скота подорвала и животноводство. Уровень 1928 года по поголовью крупного рогатого скота так и не был достигнут вплоть до начала войны. Еще более резко упало поголовье овец и коз, лошадей, а в свиноводстве на этот уровень вышли лишь в 1936 году².

Но в 1939 году голод был уже позади, хотя в 1936 году собрали всего 55,8 миллиона тонн зерна³. Этот год значится в той же неблагоприятной десятке, что и 1931 год. Тем не менее еще в 1935 году были отменены карточки сначала на хлеб, муку и крупу, а позже и на остальные продовольственные товары, продажа которых была нормирована. Больше к карточкам до начала

---

¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987, с. 208.

² Там же, с. 253.

³ Там же, с. 208.

войны не возвращались. Урожаи зерновых 1935, 1938 и 1939 годов превышали 70 миллионов тонн, а в 1937 году сбор зерновых был рекордным — 97,4 миллиона тонн¹.

В 1938 году в стране насчитывалось 242,4 тысячи колхозов, объединявших 18,8 миллиона крестьянских хозяйств. Они обслуживались 6,4 тысячами машинно-тракторных станций (МТС), в которых была сосредоточена основная сельскохозяйственная техника: тракторы, комбайны, грузовые автомобили. С их помощью обрабатывалось свыше 93 процентов колхозных площадей². МТС призваны были стать основными государственными организациями в деревне, через которые осуществлялся технический прогресс, организационное, политическое руководство колхозами, внедрялись достижения сельскохозяйственной науки.

В 1958 году МТС упразднили. Так нужны ли они были в свое время? Очевидно, нужны. Широкая механизация сельского хозяйства была неизбежна. Но техники, особенно в конце двадцатых — начале тридцатых годов, было мало, кадров механизаторов не хватало, поэтому наличные силы надо было использовать с наибольшей отдачей. Следует учесть и то обстоятельство, что многие колхозы были экономически очень слабыми и механизацию работ своими силами осуществить не могли.

В своей зоне МТС обслуживали несколько десятков колхозов, имея с ними договоры на проведение комплекса полевых работ от вспашки до уборки. Расчет осуществлялся натурой. Таким образом, они служили связующим звеном между колхозной деревней и индустриальным городом: через них в город шли продукты питания и сельскохозяйственное сырье, а из города — техника и удобрения.

С помощью МТС в механизации основных сельскохозяйственных работ был достигнут большой прогресс: с 1932-го по 1938 год доля пахоты яровых тракторным плугом возросла с 19 до 71,5 процента, сева яровых тракторной сеялкой — с 20 до 56,7, механизированной уборки зерновых — с 14 до 48,4 и молотбы от механического привода — с 40 до 95 процентов³.

К 1939 году несколько выправились экономические

¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 208.

² Социалистическое строительство Союза ССР, с. 85, 86.

³ Там же, с. 92.

отношения между городом и деревней, очевидным стал вред уравниловки. Стимулирующая роль трудодня возросла. Если до 1933 года соотношение между высшей и низшими группами работ в трудодне было два к одному, то с февраля этого года оно стало четыре к одному¹. Положительным шагом в закреплении сдельщины на селе стал новый устав сельскохозяйственной артели, принятый в 1935 году. Что очень важно, он гарантировал личное подсобное хозяйство колхозников.

Почему это так важно? Да по той отнюдь не простой причине, что, по словам бывшего наркома (а затем министра) сельского хозяйства И. А. Бенедиктова, в довоенные годы от 60 до 90 процентов овощей, мяса, молока, яиц и другой сельскохозяйственной продукции давали личные подсобные хозяйства. Для крестьян именно они, а не коллективное или государственное хозяйство служили источником большей части денежных доходов. Бенедиктов свидетельствует, что Сталин считал такое положение объективно неизбежным на длительный период и поэтому не трогал приусадебные участки².

Но вернемся в 1939 год, когда сплошная коллективизация была реальностью и сельский труженик в основном работал в колхозах. Мы говорили о тех народных трагедиях, которые сопровождали ее становление, но в то же время было бы ошибкой представлять всю коллективизацию сугубо насильственным актом, вызвавшим сопротивление всего крестьянства. Публицист А. Стреляный выяснял отношение к ней тех, кто пришел в первые колхозы. Старики считали, что если бы не было колхозов, в деревне остались три-четыре крупных хозяйства, на которых батрачили бы все остальные. По их мнению, коллективизация была выгодной беднейшим слоям, крестьянской молодежи, особенно женщинам, так как расширялись их жизненные перспективы³. Очевидно, что эти соображения подталкивали широкие слои крестьян к колхозам.

Выдворенный в 1978 году на запад философ А. Зиновьев, крестьянский сын по происхождению, вспоминает, что его мать — колхозница, прошедшая через все «круги» коллективизации, испытывала тем не менее к ней благодарное чувство, поскольку коллективизация

¹ История социалистической экономики СССР, т. 4, с. 328.

² «Молодая гвардия», 1989, № 4, с. 56.

³ «Знание — сила», 1989, № 3, с. 3.

открыла перед ее детьми горизонты, о которых ранее немыслимо было и мечтать: один сын стал профессором, другой — директором завода, третий — полковником, еще трое — инженерами. «Нечто подобное, — констатирует А. Зиновьев, — происходило с миллионными русскими семьями (и заметим, что не только русских. — В. П.). Колхозы, будучи трагедией, вместе с тем освободили миллионы людей от пут частной собственности и от тупости прежней деревенской жизни»¹.

Объективно анализируя время становления коллективизации, нельзя забывать, что миллионы крестьян боролись за Советскую власть в революцию и гражданскую войну, считали ее своей, нередко слепо верили в разумность того, что исходило от ее имени, а перегибы связывали с конкретными исполнителями, тем более что к этой мысли подталкивала названная выше статья Сталина, ее пропаганда и действительные ошибки местных руководителей. В глазах современников с колхозами ассоциировалось появление новой техники на полях, электрификация и радиофикация (последняя воспринималась молодежью с не меньшим восторгом, чем нынешняя радиоэлектроника), культурная революция, о которой мы уже говорили.

На селе было немало энтузиастов сельскохозяйственного производства: талантливых организаторов, звеньевых, бригадиров, механизаторов, агрономов, рядовых тружеников полей и ферм, которые добивались отличных результатов в труде. Вся страна знала председателей колхозов Ф. Гринько, Ф. Дубковецкого, М. Посмитного, механизаторов П. Ангелину, К. Борина, колхозников М. Демченко, М. Гнатенко и десятки других. Их имена были не менее популярны, чем имена полярников, летчиков, героев гражданской войны, боев на озере Хасан, на реке Халхин-Гол.

Вера в колхозы была достаточно высокой, и она усиливалась по мере того, как в памяти сглаживались репрессии, переселения, голод, как на глазах стали прибывать сельскохозяйственная техника, удобрения, улучшились экономические условия хозяйствования, несколько лет подряд собирались неплохие урожаи. Казалось, еще несколько лет напряжения сил, и наступит долгожданное изобилие... Сама логика последующих событий нашей истории говорит о том, что, если бы колхозный строй нес крестьянству только несчастье, оно не защищало бы

¹ «Московские новости», 1989, № 33, с. 16.

так самоотверженно Советскую власть в годы войны, не стремилось сохранить колхозную собственность даже в условиях вражеской оккупации.

Уже в 1939 году промышленность получила гарантированную сырьевую базу. Производство хлопка-сырца сделало особенно чувствительный рывок с 1935 года. В 1939 году его было собрано в 2,25 раза больше, чем в 1934 году.

Это позволило практически освободиться от импорта, за исключением определенного количества тонковолокнистого хлопка (в 1938 году текстильная промышленность потребляла всего 2 процента импортного хлопка¹). С того же года урожаи сахарной свеклы не опускались ниже 14 миллионов тонн, а в среднем за год в 1935—1939 годах составили почти 17 миллионов, в то время, как до этого рекордным был урожай 1930 года — 14 миллионов тонн. Менее стабильными были сборы семян подсолнечника и льноволокна. Если сравнить среднегодовые данные за две первые пятилетки с аналогичными показателями за предшествовавшие пять лет (1924—1928 годы), то по семенам подсолнечника хронологически мы получим следующую динамику (в миллионах тонн): 1,87; 1,75; 1,28. То есть регресс очевиден. Со льноволокном картина в те же периоды была такой (в тысячах тонн): 275, 462; 364,6².

Но в целом колхозная деревня удовлетворяла сырьевые потребности быстро развивавшейся индустрии и, помимо хлопка, поставками своей продукции позволила до минимума снизить импорт шелка-сырца, шерсти, кожи, джута. СССР становился крупнейшим производителем чая, новолубяных, эфиромасличных и других культур. А высокая степень самообеспеченности — это залог экономической независимости.

Если каких-либо видов сельскохозяйственного сырья производилось меньше, чем до коллективизации, то это компенсировалось жесткой связью между его производителем и потребителем. В основном все произведенное попадало по назначению, поскольку в сельском хозяйстве на местах государство имело своего бдительного представителя — МТС, знавшего конкретную ситуацию с урожаем, принимавшего участие в его получении, контролировавшего выполнение обязательств каждым колхозом и неукоснительно осуществлявшего директиву

¹ История социалистической экономики СССР, т. 4, с. 297.

² Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 208.

центра. Надо заметить, что в чрезвычайной ситуации во время войны МТС благодаря отлаженной системе посредничества между сельскохозяйственным и промышленным производством играли важную роль в максимальной мобилизации ресурсов.

В лице колхозной деревни индустрия получила не только надежный источник сырья. Село становится основным резервом пополнения рабочей силы в городе. Из деревни уходила в первую очередь молодежь, подхваченная волной энтузиазма или в надежде получить новый шанс в жизни. Явление это при всей своей закономерности неоднозначно. После войны отток людей из деревни (а покидали ее наиболее здоровые и образованные люди) приобрел в целом ряде регионов, особенно в Центральной России, необратимый характер и истощил, обескровил ее.

В тридцатые годы формировалось и то, что в последующем определило длительный застой нашего сельского хозяйства: в коллективизированном селе стало вызревать безразличное отношение значительной части крестьянства к результатам своего обезличенного труда. Тогда это был только первый симптом опасной болезни. Крестьянин лишь недавно оторвался от «своей» земли и сохранял воспитанное столетиями почти святое отношение к ней.

Помочь закреплению такого отношения к земле могло умелое использование рычага материальной заинтересованности. Но этого не было сделано в должной мере. Главным фактором, определявшим благосостояние сельского труженика, было не коллективное, а личное подсобное хозяйство. В 1940 году в совокупном доходе семьи колхозника на долю последнего приходилось 48,3 процента, в то время как удельный вес доходов из колхозного «котла» составлял 39,7 процента¹.

Последующие перегибы аграрной политики, которым она была подвержена как, пожалуй, никакая другая политика в сфере экономики, способствовали тому, что болезнь безразличия к труду развивалась и оказалась крайне запущенной. Целые поколения крестьян выросли, впитав с молоком матери иную психологию: колхозное — это ничейное. А труд без души, без осознания его важности полноценного результата не дает.

Означает ли это, как сейчас пытаются нас убедить некоторые ученые, писатели, публицисты, что колхоз-

¹ «Октябрь», 1988, № 2, с. 11.

ный строй изначально был ошибкой и чем скорее мы от него уйдем, тем лучше для общества? Убежден, что нет. Мне импонирует позиция такого знатока деревни, как писатель Борис Можжев. Констатируя, что за 60 лет колхозно-совхозная система так и не смогла обеспечить в достатке страну продовольствием, он видит главную тому причину в том, что коллективным формам хозяйствования не дали раскрыть их возможности¹. После иных решений в области аграрной политики в 50—70-е годы рождалась шальная мысль, а не сидит ли за спиной у Хрущева или Брежнева кто-то очень хорошо знающий сельское хозяйство, но работающий не на нас? Как известно, анекдотов по этому поводу ходило немало. Полагаю, что, доверив выработку аграрной политики тем, кому ее выполнять, наше общество, не ломая своей социалистической природы и умело подключив как новые, так и испытанные столетиями организационные формы ведения сельского хозяйства, сумеет вырваться из тисков ситуации, недостойной в конце двадцатого века для одного из богатейших по потенциальным возможностям государств мира. Тогда, в условиях здоровой конкуренции и действия экономических рычагов, жизнеспособные коллективные хозяйства смогут доказать свои преимущества. Ну а слабые должны будут бороться за свое существование или трансформироваться в иные структуры.

* * *

К началу второй мировой войны СССР уже был второй по мощи индустриальной державой мира. И добился этого действительно в исторически кратчайший срок — за две пятилетки. В том, что индустриализация была нужна социалистическому государству, как любому смертному воздух, ни у кого ни в прошлом, ни в настоящем не было и нет сомнений. Без нее невозможно было бы ликвидировать экономическую отсталость страны, обеспечить ее обороноспособность, решать задачи, стоящие перед обществом в период перехода от капитализма к социализму.

Курс на индустриализацию был взят еще на XIV съезде ВКП(б), проходившем в последние дни 1925 года. Констатируя экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики и продвижение

¹ «Правда», 1989, 31 июля.

экономики СССР в сторону социализма, съезд в числе директив, которыми должен был руководствоваться Центральный Комитет в сфере экономики, назвал и следующую: «Обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования».

В другой директиве ставилась задача развертывать социалистическую промышленность на основе повышенного технического уровня, однако в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и с финансовыми возможностями государства¹. Какой-либо детализации провозглашенного курса в материалах съезда не было.

Последующие два года прошли в теоретических дискуссиях о темпах и методах осуществления индустриализации. За ускоренную индустриализацию, предполагавшую высшее напряжение сил и средств, из видных деятелей партии выступали Л. Троцкий, Л. Каменев, Г. Зиновьев, Г. Пятаков. Большинство членов Центрального Комитета партии, включая И. Сталина, С. Орджоникидзе, Ф. Дзержинского, М. Калинина, А. Рыкова, Н. Бухарина, исходило из того, что темпы индустриализации должны диктоваться реальными возможностями, а сама она — сопровождаться ростом благосостояния всех слоев трудящихся.

Позиция большинства нашла отражение в директивах по составлению первого пятилетнего плана, принятых в конце 1927 года на XV съезде ВКП(б). Учитывая капиталистическое окружение, директивы ориентировали на необходимость при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию отраслей, на которые выпадает главная роль в обеспечении обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время.

Но одновременно ставилась задача, которую мы сегодня назвали бы оптимизацией темпов роста: «Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на **ближайший** год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы **длительно** наиболее быстрый темп развития».

И еще одно положение, которое не могу не процити-

¹ КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 429.

ровать: «Неправильно исходить из требования максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение всей народнохозяйственной системы. С другой стороны, неправильно было бы отказываться от привлечения средств деревни к строительству индустрии; это в настоящее время означало бы замедление темпа развития и нарушение равновесия в ущерб индустриализации страны»¹. Верные мысли, и, если бы ими руководствовались в 1929 и последующие годы, страна избежала бы многих бед. Но этого не произошло.

Первый год пятилетки был успешным: многие важнейшие количественные и качественные показатели развития экономики не только были выполнены, но и перевыполнены. Именно с этого года в реальный фактор экономического роста стало превращаться социалистическое соревнование. Однако то ли несомненные успехи, то ли внешнеполитическая ситуация, то ли сложное переплетение этих и других причин сказались, но руководство страны необоснованно пошло на ломку пятилетнего плана, пересмотр его в сторону более высоких заданий, используя патриотическую волну социалистического соревнования, энтузиазм и уверенность молодого общества в своих силах. Волевым порядком снизу и сверху шел пересмотр планов без учета реальных экономических возможностей. Я бы сказал, что происходило нечто вроде китайского «большого скачка», только четверть века раньше.

В этих условиях экономические методы управления, во многом отлаженные в конце двадцатых годов, оказались оттеснены на второй план. Не все в руководстве страны и обществе разделяли такое к ним отношение.

Председатель Госплана СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б) В. В. Куйбышев в начале 1931 года, констатируя ставку партии на инициативу и энтузиазм рабочих масс, писал: «Но совершенно очевидно, что одной ставки на этот подъем рабочей общественности недостаточно. Мы должны использовать во что бы то ни стало прямую заинтересованность и рабочего класса в целом и отдельного рабочего. Мы должны так поставить систему заработной платы, чтобы она стимулировала выпуск про-

¹ КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 276, 277.

дукции хорошего качества, делала бы для рабочего абсолютно невыгодным производить брак, производить плохую продукцию»¹.

Он же, выступая перед инженерно-техническими работниками Москвы в последние дни 1931 года, подчеркивал, что «...обезличию противостоит хозрасчет. Благодаря хозрасчету становится возможным действительный контроль качества работы и ее проверка, становится возможным установление ответственности за работу...»².

В том же году 28-летний преподаватель Экономического института красной профессуры, будущий член Политбюро ЦК ВКП(б) и председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский критикует в журнале «Большевик» практику проведения кредитной реформы за то, что «вместо кредитования конкретных хозяйственных сделок было установлено огульное кредитование под план. Тем самым для Госбанка была исключена возможность контролировать рублем выполнение предприятиями и объединениями хозяйственного плана...

Вместо проведения в жизнь на базе хозрасчета договорных отношений между предприятиями и объединениями — поставщиками и потребителями — получилась полнейшая бюрократизация снабжения, ослабление контроля потребителя над поставщиком в вопросах качества продукции, снижения себестоимости и своевременности доставки...

Наконец, вместо борьбы за накопление прибылей, снижение себестоимости и мобилизацию внутренних ресурсов имело место ослабление заинтересованности хозорганов в финансовых результатах своей деятельности...»³.

Не правда ли, многое проецируется на сегодняшний день? И это не случайно. Более полувека назад началось формирование административно-командной системы управления экономикой. Уже в своем зародыше она несла все те свойства, которые и поныне препятствуют нормальному ходу экономической реформы.

Сейчас уже много написано о том, что первая пятилетка фактически не была выполнена досрочно за 4 года и 3 месяца, что итоги ее были приукрашены. В подтверждение тому приведу намечавшуюся и фактическую

¹ Куйбышев В. В. Избранные произведения. М., 1958, с. 253.

² ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 79, оп. 1.

³ Вознесенский Н. А. Избранные произведения. М., 1979, с. 35.

динамику только трех абсолютных показателей производства промышленной продукции. Плановые наметки были обнародованы на шестнадцатой конференции ВКП(б), проходившей в апреле 1929 года.

С 1927/1928 по 1932/1933 годы производство электроэнергии должно было вырасти с 5 миллиардов киловатт-часов до 22 миллиардов; фактически в 1932 году было произведено 13,5 миллиарда киловатт-часов. За пятилетку добычу угля намечалось довести с 35 миллионов тонн до 75 миллионов; в 1932 году было «выдано на-гора» 64,3 миллиона тонн. Выплавку стали вначале планировалось поднять с 3,5 миллиона тонн до 10 миллионов. Затем в ходе кампании, о которой мы упоминали, появилась цифра 17 миллионов, а реальная жизнь низвела ее до 6,1 миллиона тонн в 1932 году¹.

Но я далек от налета непонятного мне злорадства по поводу недостигнутых темпов и недополученных тонн, которое имеется в некоторых публикациях, посвященных предвоенной экономике. Для нас, живущих в мире, на который не падает тень свастики благодаря тому, что было достигнуто тогда, остается только сожалеть, что многое не было осуществлено и зачастую по причине столь укоренившегося у нас субъективного подхода к развитию экономики, пренебрежения к объективным закономерностям ее роста. И ничто не должно заслонять то великое, что было сделано советскими людьми вопреки ошибкам и просчетам.

Да, было и в то время стремление оттрапортовать «под фанфары» к юбилейной дате, а затем мучиться с недоработками и недоделками. Точнее, эта показушная практика зародилась именно в те времена. Характерный пример ее порочности — история сооружения Сталинградского тракторного завода. По плану его должны были ввести в конце 1930 года. С учетом этого срока поступало оборудование из-за границы. Но 26 июня открывался XVI съезд ВКП(б), и пуск решили приблизить на три месяца. Скомкав монтаж и поступаясь нормальной организацией производства, 17 июня первый трактор отправили в подарок съезду, а завод после этой гонки больше года не мог выйти на проектную мощность.

Да, было и невыполнение, и приукрашивание показа-

---

¹ КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 450; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбил. стат. сб. М., 1977, с. 201, 206, 208.

телей пятилетки, которое оправдывали тем, что люди не должны терять веру в свои силы и возможности, в непогрешимость руководящей идеи, в гениальность вождя.

Да, были допущены серьезные просчеты на стадии формирования плана. Ведь такой всеобъемлющий народнохозяйственный план составлялся впервые. ГОЭЛРО по своим масштабам не идет в сравнение с ним при всей ценности опыта, который он дал.

Да, были трудности с освоением мощностей предприятий, вызванные серьезными недостатками в организации производства, нехваткой квалифицированных кадров рабочих, техников, инженеров, управленцев. Введенный в 1932 году в строй действующих Магнитогорский комбинат, например, лихорадило по этим причинам вплоть до конца следующего года. Никак не удавалось обеспечить основное производство сырьем, хотя оно лежало всего в 150 километрах, выйти на запроектированные мощности. А это, в свою очередь, сдерживало выпуск продукции у таких крупных потребителей магнитогорского металла, как Сталинградский и Харьковский тракторные заводы.

Но при всем том было бы непростительно игнорировать, что в те же четыре года многое было сделано и того, что при подготовке пятилетнего плана не намечалось. Причем изменения касались принципиальных, ключевых направлений индустриализации, повышения степени неуязвимости экономики в грядущих испытаниях.

Так, в плане предусматривалось, что юг Украины полностью сохранит и даже упрочит свои позиции лидера металлургии. Но уже в ходе пятилетки в 1930 году на XVI съезде ВКП(б) была поставлена задача стратегического значения: создать на востоке второй основной угольно-металлургический центр СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири. Выполнение этой задачи, убежден, сыграло в Великой Отечественной войне решающую роль среди экономических предпосылок нашей победы. В конце пятилетки Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты вступили в строй действующих предприятий с учетверенными по сравнению с ранее планировавшимися мощностями¹.

¹ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1934, с. 104.

Решительный поворот в размещении производительных сил в восточном направлении имел глобальный характер. XVI съезд ВКП(б) признал необходимым форсированное развитие в восточных районах (Урал, Сибирь, Казахстан, Средняя Азия) и других отраслей промышленности, опирающихся на местные сырьевые ресурсы (цветная металлургия, текстильная промышленность и др.). Такое решение в сложной международной обстановке диктовалось тем, что до Великой Октябрьской социалистической революции три четверти промышленного производства было сосредоточено всего в трех районах: центральном, северо-западном и на юге Украины. Каких-то существенных изменений в размещении с тех пор не произошло. Исходя из опыта войн прошлого, можно было считать, что, по крайней мере, два из названных выше промышленных районов находились в глубоком тылу. Однако «война моторов» коренным образом меняла ситуацию, и это было учтено.

Конечно, такая коренная ломка не могла не сказаться на ранее принятых показателях и пропорциях. Но она была в интересах страны.

Этим не исчерпываются изменения по сравнению с принятым планом. Приведу только некоторые примеры. Развитие современного машиностроения, особенно авиационной и автотракторной отраслей, заставили пересмотреть программу производства качественного металла: дополнительные капиталовложения были направлены на расширение подмосковного завода «Электросталь», реконструкцию сталинградского «Красного Октября», московского «Серпа и молота», некоторых уральских металлургических заводов. Из построенных двух крупнейших новых заводов инструментальной промышленности — московских «Калибра» и «Фрезера» — один не был предусмотрен пятилетним планом¹.

Эти и другие подобные им корректировки требовали пересмотра структуры несравненно меньших, чем сейчас, капиталовложений, перераспределения людских и материальных ресурсов, изменения программ развития тех отраслей, у которых забирали ресурсы. Конечно, такое перекраивание сказывалось на выполнении плана в целом, но оно было необходимо.

Главный же итог первой пятилетки заключается в

---

¹ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. 2-е изд., М., 1934, с. 104, 73.

том, что народное хозяйство страны встало на прочную индустриальную основу. В эти четыре года и три месяца вошли в строй предприятия, которые и сейчас составляют гордость нашей экономики: Днепрогэс, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Запорожсталь, Челябинский завод ферросплавов, автомобильные гиганты ЗИЛ и ГАЗ, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Ростовский, Ташкентский, Саратовский и Гомельский заводы сельскохозяйственных машин, Подольский завод имени С. Орджоникидзе, московский «Шарикоподшипник», первые очереди «Калибра» и «Фрезера».

Да разве все их перечислишь, если за пятилетку только крупных промышленных предприятий было построено порядка 1500. Конечно, не надо забывать, что многие крупные объекты промышленности, транспорта и энергетики, такие, как Днепрогэс, СТЗ, Турксиб, Уралмаш, закладывались до начала пятилетки, но такого разворота индустриального строительства, который начался с первой пятилетки, страна не знала. И этот факт не могут заслонить никакие рассуждения на тему о том, когда темпы роста были выше — при нэпе или после него.

Громадный объем строительства, оснащения предприятий передовой техникой потребовал чрезвычайной мобилизации сил всей страны. Новейшая техника для ключевых объектов индустриализации закупалась в Европе, Северной Америке. В 1931 году около 40 процентов американского экспорта промышленного оборудования шло в СССР, в том числе до 58 процентов вывозившихся из США металлообрабатывающих станков, более 77 процентов тракторов¹. Только для Сталинградского тракторного завода заказы выполняли 70 американских фирм и 100 предприятий. Тысячи советских специалистов во Франции, Германии, Америке разыскивали необходимое оборудование, заключали сделки, следили за отправкой грузов в СССР, обучались работе на новейшей технике, организации современного производства. Директор строившегося СТЗ В. Иванов, например, пробыл в США почти полгода.

Для таких масштабных закупок иностранной техники, для обучения специалистов за границей нужна была наличная валюта. В долг нам никто ничего не давал. Поэтому во имя осуществления индустриализации, без ко-

---

¹ «Правда», 1937, 21 сентября.

торой государство существовать не могло, за границу продавалось все, что можно и что нельзя: лес, нефть, пушнина, лен и, конечно, один из главных в то время источников поступления валюты — хлеб. Наибольшая выручка за вывоз хлеба была получена в 1930 году — 883 миллиона рублей. Нефтепродукты и лес вместе тогда принесли 1 миллиард 400 миллионов рублей, пушнина и лен — почти 500 миллионов. Хлеб выкачивали из деревни даже в самые неурожайные, голодные годы. В 1932—1933 годах, когда в стране был голод, а цены на зерно на мировом рынке резко снизились, его все же продали на 389 миллионов рублей¹. То, что индустриализация во многом была осуществлена за счет перекачки жизненных сил (в прямом и переносном смысле этих слов) из деревни — это факт. В результате были созданы условия для того, чтобы не погибла страна. Но погибали крестьяне. Их жизни были положены на алтарь индустриализации. И эти жертвы мы не имеем права забывать.

Продавались за границу не только материальные, но и художественные ценности. Последнее время об этом много написано. Вывоз начался еще в 20-х годах и достиг пика в годы первой пятилетки, когда только из Эрмитажа навсегда ушли за рубеж бесценные полотна Яна Ван Эйка, Боттичелли, Тициана, Ван Дейка, Веласкеса, Рембрандта, Тьеполо и многих других художников мировой известности.

По себе знаю, как больно смотреть в зарубежных музеях на произведения выдающихся мастеров, зная, что когда-то они украшали залы наших музеев. Но при всей этой боли, а у искусствоведов, художников, скульпторов она, несомненно, сильнее, чем у любителей искусства, не надо забывать, ради чего были проданы эти произведения. Я не хочу говорить о том, много или мало выручили мы за художественные ценности. Мне представляется это кощунственным, как и сама продажа. Слишком велика и неизмерима духовная утрата. Однако если быть объективным, то не надо замалчивать тот факт, что на вырученные миллионы закупались не предметы роскоши для партийных функционеров и членов правительства, а оборудование заводов, другая техника, без которых не состоялась бы индустриализация. Это тоже была жертва во имя жизни страны.

В связи с первой пятилеткой остановлюсь еще на

---

¹ «Правда», 1988, 28 октября.

двух экономических и социальных явлениях, которые с ней непосредственно связаны.

Первое — это ликвидация безработицы впервые в истории послефеодального развития человечества. В начале пятилетки число безработных в СССР, состоявших на учете бирж труда, превышало 1,7 миллиона человек. Много это или мало? Прикиньте сами, если в 1928 году количество рабочих и служащих в нашем народном хозяйстве определялось в 11,4 миллиона человек. Через год с небольшим (на 1 апреля 1930 года) безработных стало меньше почти на 700 тысяч, а через семь месяцев на биржах труда было зарегистрировано всего 240 тысяч человек¹. К концу второго года пятилетки Советский Союз стал первым на планете государством, ликвидировавшим безработицу, обеспечив полную занятость трудоспособного населения.

Возможно, кто-нибудь из молодых читателей скажет: «Подумаешь, безработица. Для капитализма это постоянное явление, и ничего, живут. Есть пособия, есть благотворительные столовые».

Во-первых, здесь надо заметить, что к безработице двадцатых годов, как в СССР, так и в развитых капиталистических странах, нельзя подходить с мерками капитализма Западной Европы и Северной Америки конца восьмидесятых годов.

В нашей стране в годы нэпа она нарастала. Если в начале 1922 года безработных было всего 160 тысяч, то к 1924 году их насчитывалось уже 1240 тысяч. Правда, к 1925 году цифра не имевших работы уменьшилась на 260 тысяч², но затем, как видно из приводившихся выше данных, безработица вновь стала набирать темп. Основную массу безработных составляли неквалифицированные рабочие. Неиссякаемым источником пополнения их рядов были выходцы из деревни, оказавшиеся там лишними в силу усиления ее социальной дифференциации, неизбежно сопутствующей оживлению рыночных отношений. Этот процесс шел, даже несмотря на проводившуюся в интересах беднейших слоев крестьянства налоговую политику государства. Неквалифицированный рабочий в городе при избытке рабочих рук зарабатывать мало, а когда лишался места, его материальное положение становилось крайне тяжелым, если не катастрофическим. Особенно это касалось тех, кто был обрече-

¹ Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977, с. 461, 462.

² История социалистической экономики. М., 1976, т. 2, с. 222.

нен семьей. Через биржу труда в конце двадцатых прошли мои родители. Светлых воспоминаний о себе она у них не оставила.

Между тем экономист Н. Заславский рисует весьма радужную картину нэповской безработицы в СССР: пособия до двух третей зарплаты (только не забыть бы, что зарплата была низкая), льготы. А вот для картины времен индустриализации, когда биржи труда были закрыты, им берутся уже иные краски: создание малоэффективных рабочих мест, «чтобы загнать на предприятия», «невиданная спекуляция на трудовом энтузиазме» и т. п. И, похоже, экономист не берет в расчет, что на «малоэффективных рабочих местах» обманутыми трудящимися, «прикрепленными к фабрично-колхозной системе»¹, наша экономика была выведена на второе место в мире.

Если затронуть вопрос о безработице в наше время, то, побывав как в развитых, так и в экономически отставших странах, могу сказать, что не видел даже в Европе и Северной Америке никого, кто применительно к себе считал бы ее благом.

Десятилетия классовой борьбы рабочих и служащих на фоне послевоенного усиления позиций социализма, распада колониальной системы, периодического прихода к власти социал-демократических партий, существование которых правые партии вынуждены принимать в расчет даже тогда, когда находятся у власти, выработали социальные механизмы, которые удерживают безработицу в определенных рамках, предусматривают материальные пособия, иную помощь. Но любое пособие имеет временный характер, оно меньше ранее получаемой заработной платы, а устроиться быстро на новую работу удастся отнюдь не всегда. В Великобритании осенью 1988 года свыше 6 месяцев не имели работы 57 процентов всех безработных, в том числе 25 процентов — более четырех лет. В Испании и Бельгии доля длительно безработных еще выше — 65—70 процентов. Всего же в странах Западной Европы более 7 миллионов длительно безработных практически не имеют шансов получить рабочее место.

Отсутствие ясной перспективы получения работы гнетуще действует на людей, особенно если они имеют семью или их возраст становится дополнительным ограничением возможности найти постоянный источник дохо-

¹ «Социалистическая индустрия», 1989, 5 октября.

да (в странах Западной Европы длительно безработные, достигнув пенсионного возраста, теряют право на получение пособия).

Кстати, сильно бьет безработица и по молодым, которые только ищут своего места в жизни, еще не приобрели высокой квалификации. Больше страдают от нее национальные меньшинства. Вот некоторые данные: при уровне безработицы в США в 1988 году 5,4 процента экономически активного населения (в Европе он выше — 10,3) этот показатель у национальных меньшинств составил 10, а среди негритянской молодежи — 28,4 процента¹.

Как видите, приведенные данные не относятся к «до-историческому периоду». В современном капитализме безработица продолжает оставаться одной из сложнейших экономических и социальных проблем, чреватой не только личными трагедиями миллионов людей, но и ростом преступности, особенно в молодежной среде, других антиобщественных проявлений. Так что ликвидация безработицы в Советском Союзе имела в свое время отнюдь не пропагандистское значение. Она решила ряд крупнейших социальных вопросов, в том числе повлияла на повышение уровня доходов, образования, вовлекла в русло активной общественной жизни сотни тысяч людей, сузила сферу преступности. Ликвидацию безработицы с полным правом можно считать важнейшим социально-экономическим итогом первой пятилетки.

Хочу напомнить, что СССР покончил с безработицей в те годы, когда капитализм был охвачен самым разрушительным за всю свою историю экономическим кризисом (1929—1933 годов), затронувшим наиболее развитые государства. Число безработных оценивалось в 26 миллионов человек, что составляло четверть всех занятых в производстве. С одной стороны, это сильно повысило авторитет Советского Союза в глазах трудящихся капиталистических стран, с другой — подталкивало капиталистов к необходимым для нас экономическим связям. Была и третья сторона: опасение руководства СССР, что правительства капиталистических стран попытаются выйти из кризиса, ввести безработицу в обычное русло за счет милитаризации и войны. А СССР был «бель-

---

¹ «Мировая экономика и международные отношения», 1988, № 3, с. 74; 1989, № 3, с. 80.

мом на глазу» капиталистического мира и, следовательно, наиболее вероятным, по мнению И. В. Сталина и его окружения, объектом нападения. Это подталкивало к еще большему форсированию индустриализации, еще большему напряжению сил и жертвам.

Второе, о чем нельзя не упомянуть в связи с первой пятилеткой, — это начало всеохватывающего социалистического соревнования. «А надо ли вспоминать об этом порождении времен культа личности и застоя?» — спросит иной читатель, знающий о соревновании лишь по публикациям, касающимся его негативных сторон: формализма, расплывчатости многочисленных форм, заорганизованности. В самом деле, например, в десятой пятилетке центральными партийными и профсоюзными органами было одобрено свыше 600 починов. Немудрено было в них запутаться, если на каждом предприятии «культивировалось» несколько десятков разноплановых форм соревнования.

Наше сегодняшнее отношение к социалистическому соревнованию мы сформировали в то время, когда его суть уже была безнадежно опошлена формализмом хрущевских «коммунистических» форм, надуманных брежневских «инициатив». Но при этом напрасно списываются со счетов возможности социалистической состязательности. Мы охотно и вполне обоснованно говорим о том, какое значение в преобразовании страны В. И. Ленин придавал, скажем, новой экономической политике или кооперации. И столь же обоснованно призываем отделять от их сути все нетипичное, наносное. Но, когда речь заходит о социалистическом соревновании, Ленин забывается нами напрочь. Вот и получается: «выгодный» Ленин, «невыгодный» Ленин. Это в нашей истории было неоднократно и, к сожалению, еще не изжито.

Статью «Как организовать соревнование?» В. И. Ленин написал в декабре 1917 года, а увидела она свет только в январе 1929 года — в первый год первой пятилетки. Момент публикации был выбран очень удачно: новые задачи гигантского масштаба получили подкрепление ленинскими идеями тогда, когда на промышленные предприятия и стройки пришли массы вчерашних крестьян, незнакомых с заводской дисциплиной труда, не имевших навыков работы со сложной техникой. Им нужны были ясные ориентиры, примеры, которым надлежало следовать, облеченные к тому же в форму со-

стязательности, доступную пониманию каждого человека.

Ленин писал, что «социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно **широко**, действительно в **массовом** раз­мере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый край и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами.

Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти, — организовать соревнование»¹.

Непререкаемость авторитета Ленина, умелая пропагандистская работа партии, средств массовой информации, административного аппарата, связывавшая принципиальные ленинские установки с задачами текущего момента и генеральной перспективы конкретного коллектива и каждого его члена, в считанные месяцы обеспечили массовость соревнования: весной 1929 года им было охвачено 2 миллиона человек. А тогда это составляло половину численности рабочих².

С призывом к трудящимся развернуть массовое соревнование обратилась XVI Всесоюзная партийная конференция ВКП(б). В мае вышло первое специальное постановление Центрального Комитета партии «О социалистическом соревновании фабрик и заводов». В постановлении отмечалось, что конкретными задачами соревнования должны быть: выполнение и превышение промфинпланов, намеченных норм по снижению себестоимости и поднятию производительности труда, улучшение качества продукции, борьба с прогулами и браком, уменьшение накладных расходов, достижение образцовой производственной дисциплины, активное проведение технических усовершенствований и рационализация производства с широким привлечением рабочего изобретательства.

ЦК предостерегал от попыток бюрократической регламентации соревнования, от опасности его превращения «в парадную перекличку организаций без действительного участия масс». Руководство соревнованием возлагалось на профсоюзы³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 195.

² «Правда», 1988, 28 октября.

³ КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 508—509.

Как видите, мысли в этом небольшом по размерам документе были высказаны верные, цели поставлены конкретные, понятные каждому. На этой основе и началось разворачивание соревнования. Приведем такой пример: в мае 1929 года киевский «Большевик» заключил договор о соревновании с киевским «Арсеналом», сумским заводом имени Фрунзе и Брянским машиностроительным. Договор предусматривал достижение конкретных задач каждым предприятием именно по тем показателям, которые были определены в документе, а это — основные задачи всякого производства.

В постановлении ЦК ВКП(б) предусматривалось поощрение победителей соревнования. А осенью вышло специальное постановление СНК СССР «О премировании за улучшения, достигнутые в порядке социалистического соревнования, рабочих и служащих», согласно которому 40 процентов экономии, полученной в ходе соревнования, шло на эти цели¹. Среди названных выше четырех предприятий в 1930 году лучшим был «Большевик». Его старейший рабочий И. И. Саваков вспоминал, что, помимо переходящего Красного знамени, заводчане получили сто тысяч яиц, тонну коровьего масла, картошку и сапоги. По свидетельству первого начальника шахты имени Губкина в Белгородской области Н. М. Шумейко, в связи с соревнованием на его предприятии подписывались такие приказы: «За ударную работу премировать грузчика Иванова новыми ботинками, десятком яиц и дополнительной пайкой хлеба»; «Стахановцу Ванникову за доблестный труд выдать новый костюм к празднику 1 Мая»². Тогда такое поощрение воспринималось без улыбки. Время было тяжелое, и радовались любому приварку к зарплате.

Основной формой соревнования в годы первой пятилетки было движение ударных бригад, ставившее целью повышение норм выработки, уплотнение рабочего дня, то есть выход на уровень производительности труда, соответствовавший той технике, которой к тому времени располагало производство и которой надо было овладеть численно выросшему за счет крестьянства рабочему классу.

Такая нацеленность соревнования была неслучайна. Производительность труда все больше отставала от запланированного уровня: в 1929—1930 годах на 12 процен-

¹ История социалистической экономики СССР. М., 1977, т. 4, с. 138.

² «Труд», 1987, 23 сентября.

тов, а в 1931 году — более чем на 21 процент¹. Соревнование в определенной мере сглаживало это тревожное явление, обусловленное и недостаточными навыками в организации современного производства, и несостыкованностью ввода мощностей в сопряженных отраслях производства, и частыми в то время нарушениями трудовой дисциплины, и непреодоленной уравниловкой в оплате труда.

Вторая пятилетка (1933—1937 годы) во многом исправляла недостатки первой, значительно усилила положительные тенденции, наметившиеся в ходе индустриализации, и укрепила экономическую мощь страны.

Количество введенных в действие крупных промышленных предприятий составило 4500. Новыми мощностями пополнились отрасли топливной промышленности, закончилось строительство Дубровской, Гороховской, Свирской, Шатурской электростанций, в народное хозяйство стал поступать металл с Криворожского, Новолипецкого, Новотульского заводов, с Азовстали и Зестафонского завода ферросплавов. В машиностроение влились Уральский и Краматорский заводы тяжелого машиностроения, Челябинский тракторный, Харьковский турбинный, Ворошиловградский паровозостроительный, Новочеркасский локомотивостроительный заводы, Уралвагонзавод, Московский завод револьверных станков имени Орджоникидзе, Горьковский завод фрезерных станков. В легкой промышленности заработали первые очереди Ташкентского и Барнаульского хлопчатобумажных комбинатов, Костромского льнокомбината, Бакинского и Полтавского трикотажных комбинатов, обувных фабрик в Тбилиси, Свердловске, Ташкенте, Новосибирске. Завершилось строительство нескольких мясокомбинатов, в том числе в Москве, Ленинграде, Баку, Брянске и т. д.²

Продолжалось целенаправленное изменение отраслевой структуры промышленности, благодаря чему она все в большей мере соответствовала структуре, характерной для промышленно развитых государств мира.

В связи с этим уместно напомнить, что сейчас в публикациях, посвященных довоенной истории, нередко поднимается вопрос о том, что было бы, если бы линия нэпа была продолжена и руководство страны не пошло на форсирование индустриализации ценой больших

¹ История социалистической экономики СССР, т. 3, с. 147.

² Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1939, с. 40—42.

жертв. Некоторые авторы утверждают, что ничего плохого не случилось бы, и в качестве одного из основных аргументов ссылаются на то, что темпы роста промышленности во времена нэпа были очень высокие. Выше, чем в тридцатые годы, особенно если учесть, что итоги первой пятилетки были сильно приукрашены.

Читатель, возможно, заметил, автор до сих пор практически не использовал данные о темпах роста стоимостных показателей тех лет. Их корректировка в сторону завышения имела место, и лучше подождать, когда серьезные исследователи установят степень искажения реального состояния экономики.

Но в следующем случае придется их использовать. Когда упоминаются высокие темпы развития промышленности в условиях нэпа, нельзя упускать из виду ее отраслевую структуру. Какой же она была в высшей точке, достигнутой нэпом?

В 1928 году удельный вес производства средств производства (группа «А») составлял в ней только 39,5 процента, а производства предметов потребления — 60,5 процента (группа «Б»).

Передо мной статистический справочник «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 годы». Вот отраслевая структура промышленности в 1926/27 хозяйственном году (в процентах):

текстильная	— 30,8
пищевкусовая	— 21,8
горная и горнозаводская	— 14,9
обработка металлов и машиностроение	— 10,0
химическая	— 4,9
кожевенно-меховая	— 4,4
деревообрабатывающая	— 4,3
добыча и обработка металлов	— 3,3
полиграфическая и бумажная	— 3,0

Можно было с такой структурой промышленности вести современную войну? Обеспечил бы в дальнейшем нэп изменение структуры, гарантировавшее страну от поражения в ней? На этот счет можно вести только чисто теоретические споры, не забывая при том, что каждая экономическая система имеет логику своего развития. А индустриализация, и это история подтвердила, позволила к началу войны коренным образом изменить соотношение между группой «А» и группой «Б» промышленности, в короткий срок «перевернуть» его:

61 к 39 процентам (данные 1940 года)¹. В то время такая или близкая к ней структура была жизненно необходима. Это позже, уже после войны, «собственная логика» развития тяжелой индустрии, оторванной от потребительского рынка и управляемой командными методами, затянула экономику в порочный круг самообслуживания отраслей, производящих средства производства. Тогда и надо было ломать не нужную в новых условиях структуру промышленности, используя при этом иные рычаги управления.

Современная структура индустрии позволяла свести на нет экономическую зависимость от капиталистического мира по важнейшим видам сырья, энергоносителей, продукции обрабатывающей промышленности. И эта линия последовательно выдерживалась руководством партии и правительством. Об этом говорят, в частности, следующие цифры. В 1927/28 хозяйственном году весь каучук и алюминий, потреблявшиеся в СССР, поступали из-за рубежа. Спустя всего лишь десять лет — в 1937 году — доля импорта в их потреблении уже составляла соответственно 24 и 5 процентов. В том же 1927/28 году свыше 68 процентов автомобилей, 63 — тракторов, 37 — хлопка, 28 — суперфосфата и 21 процент картона, поступивших в народное хозяйство, были импортированы. А спустя десять лет ввоз иностранной продукции этих видов был практически прекращен. За тот же период удельный вес импорта в потреблении продукции машиностроения упал с более чем 30 до менее 1 процента², хотя по ограниченному числу ее видов он продолжал оставаться довольно значительным и в третьей пятилетке. Затраты на приобретение за границей черных металлов в первой пятилетке составили 1,4 миллиарда рублей, а в 1937 году — всего 88 миллионов³.

Вторая пятилетка еще в большей мере закрепила имевший стратегическое значение для страны сдвиг в размещении производительных сил на восток от Волги.

Приведем небольшую таблицу, которая показывает, насколько всего за пять лет возросла в экономике роль только одного Урало-Кузнецкого промышленного региона (включая Казахстан).

---

¹ Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 гг. М., 1927. с. 316.

² БСЭ, 2-е изд., т. 50, с. 289.

³ «Правда», 1988, 28 октября.

Удельный вес Урало-Кузнецкого промышленного региона в общесоюзном производстве (в процентах)¹.

Виды продукции	1932 г.	1937 г.
Электроэнергия	8,2	14,9
Уголь	16,8	24,1
Нефть и газ	1,17	5,0
Чугун	24,4	28,3
Медь	57,7	74,4
Продукция машиностроения	6,5	8,4
Бумага	5,2	14,8

Напомним, что, кроме этого региона, быстрое наращивание промышленного производства происходило в Поволжье, Предуралье, в ряде северных районов страны, в других краях и областях Сибири, на Дальнем Востоке, в Закавказье и Средней Азии. Особое значение имело включение в народное хозяйство новых нефтяных районов в Башкирии, Казахстане, Куйбышевской области.

Известно ленинское высказывание о том, что без экономического подъема «не может быть и речи о сколько-нибудь серьезном повышении обороноспособности»². Экономический подъем в годы второй пятилетки был налицо. Но это был необходимый, мы бы сказали, фон для обеспечения должной обороноспособности. Главным ее условием являлось развитие отраслей, работавших на оснащение армии, авиации и флота.

Решительные меры по созданию новых промышленных центров в первую очередь затрагивали отрасли оборонной промышленности. К топливно-металлургической базе восточных районов страны «привязывались» интенсивно сооружавшиеся предприятия по производству боевой техники, оружия, боеприпасов. Понятно, что развивались эти отрасли не только на Востоке, но и в «старых» промышленных районах. И повсюду развивались быстро. В целом продукция оборонных отраслей за годы второй пятилетки увеличилась в 4 раза, а общий рост объема промышленного производства статистика того времени оценивала в 2,2 раза.

Не все шло так гладко, как того хотелось. Например, в 1937 году план выпуска стрелкового и артиллерийского оружия был выполнен всего на 70 процентов³. Но в целом считалось, что советская военная техника на-

¹ Итоги выполнения второго пятилетнего плана..., с. 44, 45.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 168.

³ История второй мировой войны. 1939—1945 гг., т. 2, с. 190.

ходится на должном уровне. Такой вывод подтверждался тем, что в вооруженных конфликтах (в Испании, на озере Хасан, в Монголии) она зарекомендовала себя не хуже противостоявшей ей зарубежной. Об этом же свидетельствовали и многочисленные мировые рекорды, устанавливавшиеся нашими авиаторами. Только в 1937 году их было порядка трех десятков — и на дальность, и на высоту, и на скорость полета.

Нельзя сказать, чтобы те, кто отвечал за оснащение Вооруженных Сил современной техникой, не думали о ее совершенствовании. Напротив. В конце 1937 года был принят план научно-исследовательских и конструкторских работ, в котором главной задачей ставилось создание более совершенного оружия путем разработки новых образцов и модернизации наиболее перспективных из ранее созданных систем. Укреплялась научно-исследовательская база оборонной промышленности. На ее предприятиях создавались крупные опытные цехи, конструкторские бюро.

О внимании к вопросам повышения обороноспособности страны говорит и серия организационных мер. В 1936 году был образован Народный комиссариат оборонной промышленности, весной 1937 года создается Комитет обороны с задачей координации всех мероприятий по вопросам обороны (он заменил Совет Труда и Обороны при СНК СССР). В начале 1938 года при этом комитете учреждается Военно-промышленная комиссия, призванная обеспечить мобилизацию и подготовку всей промышленности для выполнения заданий по производству вооружения.

И тем не менее, несмотря на весь разворот оборонных отраслей, несмотря на все организационные меры, все рекорды и победы, видимо, с середины тридцатых годов начинается не замеченное нашим политическим и военным руководством техническое отставание Вооруженных Сил. Пройдет еще немного времени, и выяснится, что самый быстрый танк — это не самый боеспособный, что вчера еще самый скоростной и высотный самолет сегодня уступает зарубежным образцам, что тягач и автомашина имеют преимущество перед лошадью, что автомат и пулемет превосходят винтовку, даже если вооруженный ею боец блестяще владеет искусством штыкового боя...

Но к сентябрю 1939 года такое понимание еще не созрело. Тем более что многих из тех, кто мог бы по-

мочь осознать нарастание отставания наших Вооруженных Сил в технике, тактике, организации, уже не было в живых. Инициатива иных придавлена смерчем репрессий, гронесшимся над военными кадрами, другие еще не освоились на непривычных высоких командных должностях, третьим от природы не было дано таланта предвидеть, командовать, находить новаторские решения, отстаивать свою позицию.

Когда читаешь выступления политиков, военных, публицистов тех лет, часто, даже очень часто обращавшихся к теме обороноспособности страны, создается ощущение, что партийные и государственные деятели убеждали военных, что все идет как надо, военные с готовностью это подтверждали и заверяли, что дела идут даже лучше, чем надо, а средства массовой информации и пропаганды несли это убеждение в народ.

Это тем более трагично, что страна работала с полной отдачей сил, и зримые успехи способствовали еще большему энтузиазму, новым дерзаниям. Во второй пятилетке социалистическое соревнование подняло знамя, которое оно достойно несло два десятилетия, пока это знамя не затерялось в море других знамен, флагов и вымпелов.

А началось все в ночь на 31 августа 1935 года, когда молодой забойщик донбасской шахты «Центральная-Ирмино» Алексей Стаханов за одну смену вырубил 102 тонны угля, превысив тем самым техническую норму в 14 раз. Конечно, к рекорду готовились, создавали для него благоприятные условия. Но я не вижу в этом ничего плохого. Каждый из нас знает, что хорошо работать можно тогда, когда ничто не отвлекает, все необходимое под рукой, да и психологическая обстановка благоприятствует. То есть необходимы условия для такой работы. А рекорд тем более требует подготовки, где бы он ни ставился: в производстве или спорте. Видимо, только «печальные рекорды» можно совершить экспромтом.

Те, кто поднял рекорд Стаханова на уровень массового патриотического движения трудящихся, сумел разглядеть в нем то, что придавало новое качество развитию производства: опору на современную технику, совершенное владение ею, на высокую организацию производства. Именно на этой основе стало возможным повышение производительности труда, ломающее прежние технические нормы, не соответствовавшие ни воз-

возможностям новой техники, ни возросшей квалификации трудящихся.

Экономическая, техническая, социальная базы для этого и других трудовых рекордов в отраслях народного хозяйства были созданы. Ведь не случайно буквально через день забойщик донбасской шахты имени Карла Маркса Терехин за 6 часов вырубил 119 тонн угля. Затем работавший на одной шахте со Стахановым Концедалов добыл 125 тонн угля. Сам Стаханов 9 сентября вырубил 175 тонн, а горловский шахтер Никита Изотов поразил всех, подняв рекорд до 240 тонн угля. Аналогичные процессы шли во всех отраслях промышленности, транспорта, в сельском хозяйстве. Иными словами, движение, получившее название стахановского, было подготовлено самой логикой развития производства, возросшим профессиональным уровнем трудящихся и, конечно, тем не всегда ощутимым через толщу десятилетий, что зовется «духом времени».

В том же 1935 году на декабрьском Пленуме ЦК ВКП(б) была принята резолюция «Вопросы промышленности и транспорта в связи со стахановским движением». Заметьте, спустя всего четыре месяца это было уже массовое движение, охватившее все отрасли материального производства.

Вот как в резолюции определялось его существо: «Стахановское движение означает организацию труда по-новому, рационализацию технологических процессов, правильное разделение труда в производстве, освобождение квалифицированных рабочих от второстепенной подготовительной работы, лучшую организацию рабочего места, обеспечение быстрого роста производительности труда, обеспечение значительного роста заработной платы рабочих и служащих»¹.

Высокие индивидуальные нормы выработки стахановцев служили ориентиром в отраслях. Массовое превышение действовавших норм позволило в 1936 году повсеместно перейти на новые, что подталкивало к их достижению и отстающих. К концу этого года новые нормы в отраслях промышленности были освоены 75—90 процентами рабочих, а в марте 1937 года в основной химии нормы в среднем были выполнены на 130,5 процента, в черной металлургии — почти на 138, в машиностроении и металлообработке — на 139, в бумажной

---

¹ КПСС в резолюциях..., т. 6, с. 285.

промышленности — на 114 процентов¹. И вновь они были пересмотрены весной 1937 года, и вновь началось соревнование за их перевыполнение. В движении стахановцев активно стимулировались новаторство и рационализация. К концу второй пятилетки в промышленности насчитывалось 2,8 миллиона стахановцев и ударников.

В те времена в ходу был лозунг: «Труд в СССР — дело чести, славы, доблести и геройства!» Радио, кино, пресса. делали все, чтобы укрепить веру в этот лозунг. Благодаря их работе имена героев труда знали все, от мала до велика. Фамилии шахтера А. Г. Стаханова, кузнеца А. Х. Бусыгина, фрезеровщика И. И. Гудова, ткачих Е. В. и М. И. Виноградовых, машиниста П. Ф. Кривоноса, трактористки П. Н. Ангелиной были известны каждому человеку. Их пример вдохновлял соревнующихся. Лучшие из лучших премировались квартирами, ценными подарками, поездками в Москву, путевками в здравницы; они становились депутатами местных, республиканских, союзных выборных органов. И об этом знали все.

Ныне отношение ко многим трудовым починам 30-х годов меняется. Мы подходим к ним с позиций сегодняшнего дня, а это неправильно. Их нельзя вырывать из исторического контекста, не учитывая духа времени. Приведу один только пример. Депутаты Верховного Совета СССР П. Ангелина, П. Ковардак, М. Мухортова, В. Бахолдина, К. Валгаева выступили с инициативой подготовить в 1939 году без отрыва от производства 100 тысяч женщин-трактористок. В сентябре того же года в тракторных бригадах МТС и совхозов обучалось уже около 105 тысяч женщин, а всего призыва подхватили 200 тысяч человек².

Хорошо это или плохо? С точки зрения влияния на организм женщины вибрации, шума и грохочего, о чем тогда не задумывались (да и не знали) — плохо. Но это было время, когда казалось, что возможностям человека нет предела, что эмансипация женщины распространяется и на те виды деятельности, которые считались уделом только мужчин. Но значение почина женщин-механизаторов в полной мере можно оценить только с учетом того, что спустя два года они оказа-

---

¹ История социалистической экономики СССР. М., 1978, т. 4, с. 96.

² «Комсомольская правда», 1939, 21 сентября.

лись вполне готовыми заменить мужчин, пересевших с тракторов на танки.

Когда началась вторая мировая война, СССР был занят реализацией третьего народнохозяйственного плана. Он был утвержден в марте 1939 года XVIII съездом ВКП(б) по установившейся не лучшей практике, когда план рассматривается спустя более чем через год после того, как началась пятилетка. Во главу его было поставлено осуществление основной экономической задачи СССР: «Догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки, окончательно решить эту задачу в течение ближайшего периода времени»¹. Задача казалась дерзкой, но выполнимой. Ведь, как было отмечено на съезде, социалистическое общество в основном построено, темпы развития экономики — самые высокие в мире. Строятся не только заводы-гиганты, но и целые города вокруг них. Повысился жизненный уровень. Поэтому утверждение, что в третьем пятилетии СССР вступил в новую полосу развития — в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму, хотя и поражало современников своей перспективой, но и вдохновляло, обнадеживая скорой лучшей жизнью. «Все, что построено — построено нами, все в наших руках». За пятилетие ставилась задача поднять народное потребление в полтора-два раза. План ориентировал на всемерное развитие машиностроения и всей тяжелой промышленности, широкое внедрение в производство достижений науки и техники.

В то же время в строках резолюции съезда ощущается тревога, обусловленная развитием международной обстановки. Один из акцентов плана — создание крупных государственных резервов, прежде всего по топливу, электроэнергии и продукции оборонных отраслей.

Третья пятилетка объявлялась пятилеткой специальных сталей. Здесь также связь с повышением обороноспособности угадывалась легко. Задания по увеличению производства цветных металлов откровенно связывались с потребностями обороны страны.

В очередной раз в пятилетнем плане появляется запись: «Предусмотреть более быстрый рост объема капитальных работ и строительство новых предприятий

¹ КПСС в резолюциях..., т. 7, с. 56.

в восточных и дальневосточных районах Советского Союза»¹. Между Уралом и Волгой намечено создать новую нефтяную базу — «второе Баку», на Дальнем Востоке — еще одну металлургическую базу. Съезд поставил стратегическую задачу создать в этих районах, в частности на Урале и в Поволжье, предприятия-дублеры по ряду отраслей машиностроения, нефтепереработки и химии, «чтобы устранить случайности в снабжении некоторыми промышленными продуктами с предприятий-уникумов»². Вполне очевидно, какого рода «случайности» при этом имелись в виду.

Маршал Жуков спустя три десятилетия оценивал с военной точки зрения линию партии на ускоренное развитие промышленности в восточных районах, создание там предприятий-дублеров в важнейших для обороны страны отраслях как имевшую исключительное значение для судеб страны³.

Судите сами: в результате целенаправленной политики индустриального развития территорий, находящихся к востоку от Волги, здесь перед войной (в 1940 году) производилось почти 29 процентов железной руды, около 36 процентов угля и 25 процентов кокса, 32 процента стали и проката, 22 процента электроэнергии, выпускалось свыше 27 процентов тракторов и до 32 процентов металлургического оборудования, почти столько же минеральных удобрений, значительное количество химической и машиностроительной продукции⁴. К началу войны на этих территориях размещалась пятая часть всех оборонных предприятий, выпускавших 18,5 процента военной продукции, а по некоторым ее видам — свыше трети⁵.

Внимание уделялось не только промышленному, но и сельскохозяйственному развитию восточных районов. В 1940 году они (включая Казахстан и Среднюю Азию) поставили около 28 процентов зерна, порядка трети молока и молочных продуктов, скота и птицы, около 90 процентов хлопка-сырца⁶.

За неполные 3,5 года пятилетки в народное хозяйст-

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 7, с. 69.

² Там же.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 1, с. 215.

⁴ Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970, с. 59, 62.

⁵ История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 94; История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 12, с. 154.

⁶ Кравченко Г. С. Указ. соч., с. 63.

во влиялись еще три тысячи крупных промышленных предприятий, и в их числе — Новотагильский и Петровск-Забайкальский металлургические, Среднеуральский и Балхашский медеплавильные, Уфимский нефтеперерабатывающий заводы, Московский завод малолитражных автомобилей, Сегежский и Марийский целлюлозно-бумажные комбинаты.

После потрясений коллективизации, завершение которой XVIII съезд ВКП(б) назвал труднейшей задачей социалистической революции, явно набирала силу колхозная деревня. Об этом со всей очевидностью говорят статистические данные, скорректированные уже в наше время.

Среднегодовой валовой сбор важнейших сельскохозяйственных культур¹

(во всех категориях хозяйств; в миллионах тонн)

Годы	Зерно	Хлоп- пок- сырец	Сахар- ная свекла	Семена подсол- нечни ка	Льно- волокно (тыс. т.)	Карто- фель	Овощи
За 5 лет, предше- ствовавших пяти- леткам (1924—1928)	69,26	0,58	7,9	1,87	275	41,1	10,45 *
Первая пятилетка (1929—1932)	73,65	1,13	9,72	1,75	462	45,73	14,73
Вторая пятилетка (1933—1937)	72,84	1,87	14,6	1,28	364,6	49,76	14,2
Третья пятилетка (1938—1940)	80,8	2,52	16,2	2,1	345	51,7	10,1

* Среднегодовой сбор за 1927—1928 гг.

Как видите, кроме снизившихся сборов льноволокна и овощей, производство остальной сельскохозяйственной продукции устойчиво шло в гору.

Успехи в отраслях народного хозяйства отражали и рост дисциплины труда, и трудовой подъем на фоне несомненных успехов, и сознание, что многое надо успеть до того, как разразится война. А тревожное чувство, несмотря на приглушенную в средствах массовой информации и пропаганды тему военной угрозы, жило в людях. Ветеран киевского завода «Большевик»

¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987, с. 208—209.

И. И. Саваков утверждал: «Пусть что хотят говорят историки, но все-то мы знали, что новой войны нам не миновать»¹. Во имя интересов Родины, во имя социализма, во имя своего счастья, будущего своих детей люди трудились самоотверженно.

Отмечая массовый трудовой порыв миллионов строителей, рабочих, инженеров и техников, ученых и организаторов производства, надо в то же время помнить, что успехами индустриализации мы обязаны не только им. Нельзя забывать сегодня о тех, кто был направлен на те же самые стройки, лесоповалы, сооружение каналов под ружьем. Были среди них враги Советской власти, озлобленные ею? Были. Но были и те, кто попал и под «кампанию» раскулачивания, поисков «врагов народа», кто сам без принуждения готов был работать на индустриализацию, а оказался ее бесправным рабом.

Поскольку выселялись с обжитых мест сотни тысяч людей, их «трудоустройством» занималась специальная комиссия, возглавлявшаяся заместителем председателя СНК СССР А. А. Андреевым, направлявшая потоки крестьянских семей по заявкам хозяйственных организаций.

Нельзя без боли читать документы, подобные протоколу заседания комиссии от 30 июля 1931 года:

«Слушали: вопрос о дополнительных заявках на спецпереселенцев и распределении их.

Постановили: ...обязать ВСНХ в 3-дневный срок представить ОГПУ свои окончательные заявки на спецпереселенцев;

удовлетворить заявку Востокстали на 14 тысяч кулацких семей, обязав в 2-дневный срок заключить с ОГПУ соответствующие договора;

заявки Цветметзолота — на 4600 кулацких семей и Автостроя ВАО — на 5 тысяч кулацких семей — удовлетворить;

по углю удовлетворить заявки на спецпереселенцев: Востокугля — на 7 тысяч кулацких семей, по Кизеловскому и Челябинскому углю — на 2 тысячи кулацких семей, заявку по подмосковному углю на 4500 кулацких семей принять условно; по торфу принять условно заявку на 31 тысячу кулацких семей. ...В соответствии с этими заявками предложить ОГПУ произвести необходимое перераспределение по районам и выселение кулаков...»².

¹ «Труд», 1987, 23 сентября.

² Цит. по: «Правда», 1989, 23 июля.

Обратите внимание на «некурортные» районы спецпереселения, учтите, что, если энтузиастам новостроек жилось нелегко, а то и трудно, тем, кто работал под конвоем, было намного тяжелее; если в 1932 году все ощутили на себе голод, то для тех, кто был за колючей проволокой, он был еще более страшной трагедией, часто последней трагедией в жизни.

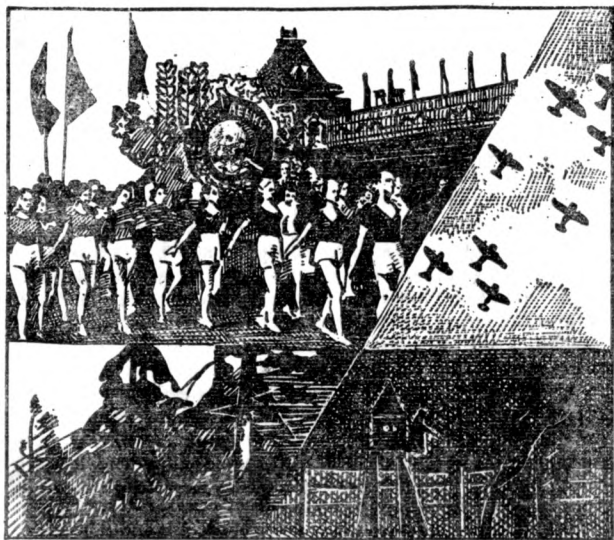
* * *

Долгое время явления, которые мы рассматривали в этой главе, оценивались как сугубо прогрессивные. Теперь нередко «чихом» им даются обратные оценки. Но в крайности здесь впадать нельзя. Мы, живущие полвека спустя, имеем все возможности для того, чтобы судить о деяниях прошлого по конечному результату, для того, чтобы не называть форсированную коллективизацию поголовным энтузиазмом крестьян, не заслонять величие индустриализации отдельными, пусть и крупными, просчетами в ее проведении, не видеть в приобщении десятков миллионов людей к знаниям и культуре пропаганду сталинизма так же, как не камуфлировать необоснованные репрессии необходимостью отпора врагам народа.

В одной из своих полемических статей Чингиз Айтматов писал, что, не будь Сталина, Днепрогэсы, Магнитки все равно появились бы — в них историческая необходимость развития¹. И в этом он прав. Действительно, индустриализация была объективной необходимостью. После революции за нее высказывались Ленин и Троцкий, Сталин и Каменев, Бухарин и Орджоникидзе, Рыков и Дзержинский и многие другие, нередко с диаметрально противоположных позиций трактуя ее пути, темпы, источники развития. И имя Сталина не должно заслонять или накладывать свой отпечаток на то, что явилось результатом усилий десятков миллионов людей и предметом их законной гордости.

---

¹ «Известия», 1988, 3 мая.

*Если ты стреляешь в свое прошлое
из пистолета, будущее выстрелит в
тебя из пушки.*

Из книги Расула Гамзатова
«Мой Дагестан»

ЖАЛЕТЬ ИЛИ ЗАВИДОВАТЬ, ЗАВИДОВАТЬ ИЛИ ЖАЛЕТЬ?

Каким же было это общество, прошедшее менее чем за десятилетие через культурную революцию, коллективизацию, индустриализацию, своими руками в небывало короткий срок и на совершенно новых политических и экономических принципах построившее второе по экономической мощи государство мира?

Нет, я не собираюсь дискутировать на тему, был то казарменный социализм, или социализма вообще не было, или это был все же социализм, но деформированный, обезображенный командно-административной системой, репрессиями, другими ущемлениями демо-

кратии. Скажу только, что последнее из перечисленных восприятий общественно-экономической системы, сложившейся в довоенное время, мне ближе.

Здесь мне хотелось бы вместе с читателем разобраться, что определяло жизненную линию общества конца тридцатых — начала сороковых годов. Было ли оно обществом социального оптимизма, видевшим светлую историческую перспективу, верившим в нее, или представляло собой тьму забитых, запуганных, отупевших рабов, размножившихся по привычке, работавших из-под палки, послушно вскидывавших руки по команде, формально одобряя творившийся произвол?

Оценки этому обществу публицистами и учеными сейчас даются диаметрально противоположные.

Вот как характеризует его состояние после 1934 года журналист Ю. Феофанов: «...В обществе появилась эпидемия болезни, которую можно обозначить как «синдром толпы». Толпа, известно, живет по законам извращенной диалектики: она неуправляема и в то же время легко направляется одним междометием — «ату его»; не имея убеждений, она тем не менее охвачена единым порывом...» И далее: «общество превратилось в толпу»¹. Эту характеристику общество получило от журналиста в связи с массовой кампанией одобрения процессов против «врагов народа». А что знало оно о процессах? То, что с этими «врагами» боролся еще Ленин; то, что они совершали не только мнимые, но и реальные ошибки; то, что они составляют меньшинство в партии и пытаются расколоть партию; то, что общество уверенно идет вперед, а ему пытаются мешать; то, что процессы открытые и «враги» во всем сознаются. Не было у этого общества той информации, что есть у нас. И еще не будет двадцать лет. За что же мы навешиваем на него ярлык тупой, слепой, все разрушающей толпы, не видя ни особых исторических обстоятельств, в которых стало возможным то, что сейчас бросает тень на самую идею социализма и на почти двести миллионов людей, ни заслуг этого общества перед нами, живущими ныне? Статья Ю. Феофанова называлась «Возвращение к правде». Если мы возвращаемся к правде, то это должна быть полная правда.

В. Селюнин убеждает читателя: «Хорошего в прошлом мало. Те истоки не напоят нас. Они либо пересохли, либо опоганены». У него резонно спрашивает В. Андри-

¹ «Известия», 1988, 13 апреля.

янов: «А какие напоят? Чьи?»¹. Других истоков, помимо тех, что были в нашем неоднозначном прошлом, у нас нет. Мы до сих пор не замечаем, что пьем из прежних, хотя и засоренных. И вместо того, чтобы расчистить их, убрать заваливший их хлам, предлагается пить из иных, не проверив даже качество их воды. Десятилетия современной истории Югославии, Венгрии, Польши нам наглядно показывают, что механически прилаженные друг к другу элементы разных общественных систем взаимно отторгаются, порождая кризисные ситуации. Но нам почему-то зазорно учиться на чужих ошибках, мы хотим иметь свои. Не упустить бы время, когда даже на своих ошибках учиться будет поздно.

А. Друзенко публикует в «Известиях» фотографию, сделанную в 1936 году на авиационном параде в Тушине. На ней рядом с Л. Кагановичем — ближайшим сподвижником И. Сталина, человек, лицо которого замазано чернилами. В заметке, сопровождающей фотографию, делается добрая попытка восстановить его имя. И в ней же текст: «Тогда, известно, в моде были всевозможные празднества, шествия, парады — и на земле, и в небесах. В них воплощался казенный оптимизм, который по замыслу «вождя народов» должен был символизировать всенародное благоденствие». И дальше несколько саркастических слов по поводу современных «радетелей» чистоты наших идеалов, нашего славного исторического пути»². Чем же отличается А. Друзенко от тех, кто полвека назад замазывал в редакции чернилами фотографию? Они-то это делали, возможно, и не по убеждению, а по приказанию или из страха. А достойно ли сейчас походя мазать чернилами всю историю социализма, поможем ли мы кому-нибудь спокойно разобраться в прошлом, чтобы наметить верную дорогу в будущее? Кажется, мы уже имели возможность вдоволь насмотреться, как ранящие слова оборачиваются разрушительными делами.

Не случайно через месяц редакция поместила несколько писем с отповедью журналисту. Приведу выдержку только из одного: «Может быть, вы не станете отрицать, — пишет А. Куксо из Бологого, — что эти казенные оптимисты в считанные годы вывели страну из разрухи и отсталости, выдержали войну с гитлеризмом, освободили от ига фашизма многие страны Ев-

¹ «Правда», 1989, 6 июня.

² «Известия», 1989, 5 февраля.

ропы, в считанные годы восстановили опять свое хозяйство, да в конце концов и вам, сегодняшним авторам, спасли жизнь?

Может быть, вы согласитесь, что «празднества, шествия, парады — и на земле, и в небесах» — это не так уж и плохо было. Люди радовались своим достижениям, люди пели. Вы, конечно, непременно добавите: «А в это время расстреливали такого-то, такого-то, такого-то...» Вы будете правы. Да... Это и есть жизнь со всеми сложностями и противоречиями. Я тоже скорблю о потерях, но я не буду при этом бездумно хулить время, в которое ваши отец и мать были молодыми».

В примечании редакция отметила, что таких писем — большинство. Других — единицы. Готов подписаться под позицией редакции: «Были достижения, но именно — народа. ...Именно они, люди, а не вождь и не начертанный им «социализм», создали то, чем мы можем гордиться сегодня»¹.

К оптимизму, казенному или реальному, мы еще вернемся. Сейчас же несколько слов по поводу празднеств, шествий и парадов. Они есть во всех странах мира. Во Франции и Индии, США и Бразилии. И там их больше, чем у нас. Их ждут, им радуются.

В конце пятидесятых я начинал свой трудовой путь в научно-исследовательском институте. На демонстрацию выходили доктора и кандидаты наук, аспиранты, младшие научные и мы — научно-технические сотрудники с окладом 780 дореформенных рублей (то есть 78 рублей минус подоходный, бездетность и взносы). Все вместе пели, танцевали, при остановках колонны играли в третий лишний, забегали в гастрономы и кафе, что тогда было незорно. Рядом шли другие колонны с оркестрами, аккордеонами, гармониями, гитарами. Пс-рекидывались словами, подшучивали, знакомились, старались перепеть и перетанцевать друг друга.

На моих глазах в том же коллективе искренность и веселье стали уходить как вода в песок (вот о чем бы задуматься). На демонстрацию надо было затаскивать «в порядке очереди». Шли, беседуя о показателях прибыли и эффективности, с любопытством поглядывая на время от времени «возгорающиеся» соседние колонны. Может быть, журналист по этому времени судит о другом? Тогда мне жаль, что он не застал того — другого, которое мой возраст позволил мне «зацепить».

¹ «Известия», 1989, 4 марта.

Политический обозреватель «Московских новостей» Д. Казутин, прослушав по радио выступление социолога К. Мяло, в котором она защищала идеалы и символы двадцатых-тридцатых годов, дает ей такую отповедь: «Для достижения этих целей (целей обновления. — В. П.) сегодня мало пригодны и столь чтимые Ксенией Мяло красноезвездные буденовки и матросские пулеметные ленты. Трудности перестройки в том, что над нашими умами тяготеют и мертвые уже традиции живых еще поколений»¹.

Как изящно автор похоронил «живые еще поколения» — не правда ли? Долой традиции. Все народы их имеют, нам они ни к чему. Каждое поколение должно создавать свою традицию, а другие — ее столь же изящно хоронить. Бедные буденовки, в которых еще не разочаровались наши дети. Их-то за что? Они вроде бы к сталинизму отношения не имеют. Родились раньше, вместе с революцией. За красный террор? А как насчет белого террора? Интервенции?

В США ежегодно выходят десятки фильмов о первых переселенцах и ковбоях. В них играют дети, соответствующая «амуниция» на все возрасты продается в любом детском магазине. А ведь переселенец и ковбой — это не только романтика, но и жестокое, варварское уничтожение индейского народа. Однако традиция. И американцы берегут ее. Значит, она приносит какую-то пользу. Но об этом мы не задумываемся. Мы спешим оказаться «святее папы», не утруждая себя анализом не то что отдаленных — ближайших последствий сокрушения символов, идеалов, традиций даже тогда, когда они не имеют ничего общего с устаревшими, вредными, а то и опасными догмами.

Иной раз создается впечатление, что мы задались целью, каждый в своей области деятельности, перечеркнуть все, что нам досталось в наследство. Во время Московского кинофестиваля прошлого года был организован ретроспективный показ фильмов под названием «Кино тоталитарной эпохи. Фильмы времен Сталина, Муссолини, Гитлера 1933—1945 гг.». С «нашей стороны» демонстрировались в числе других «Юность Максима», «Путевка в жизнь», «Александр Невский», «Волга-Волга», «Музыкальная история», «Мечта», «Трактористы», «В шесть часов вечера после войны», «Великий гражданин». Надо ли говорить, что каждый из них входит

¹ «Московские новости», 1988, 5 июля.

в сокровищницу советского кино, что имена их создателей Г. Козинцева, Л. Трауберга, Н. Экка, Г. Александрова, Г. Раппопорта, С. Эйзенштейна, М. Ромма, И. Пырьева, Ф. Эрмлера — достояние не только нашей культуры?

Первая мысль, которая напрашивалась, когда я узнал об этом — как же надо презирать, если не сказать сильнее, все советское, чтобы пойти на подобное кощунство, чтобы приравнять каждого советского художника, писателя, кинорежиссера, каждого, кто жил и работал одновременно со Сталиным, к самому Сталину, чтобы не отделять социалистические идеалы от идеалов фашизма. Идеалы, а не личности, которые под их прикрытием творили беззакония. Назовите мне хотя бы одно идеологическое течение в любой общественной формации, к которому не пристраивались властолюбцы, политические авантюристы. Таких течений нет, но это не означает, что их не следует разделять на реакционные и прогрессивные. Искусствовед профессор С. Фрейлих высказал по поводу этой ретроспективы верную мысль: «Можно ли выкорчевать корни сталинизма, если копать не там, где они находятся?»¹ У иных весь Маяковский сводится к строчке: «Я за то, чтоб к штыку приравняли перо», весь Горький — к фразе: «Если враг не сдается, его уничтожают», весь Шолохов — к сплетне о его мнимом плагиате, весь Хачатурян — к «Песне о Сталине», весь Меркуров — к статуе Сталина и т. д. Что это — примитивизм мышления, зависть к ушедшим из жизни талантам, бравада, эксплуатирующая гласность, утоляемые таким путем политические амбиции или нечто несовместимое с нашим советским общественным строем? Вероятно, у каждого свое. Добро бы, по искреннему недомыслию.

Кто-то действует по принципу, о котором тургеневский герой Рудин говорил: «Отрицайте все, и вы легко можете прослыть за умницу; это уловка известная. Добродушные люди сейчас готовы заключить, что вы стоите выше того, что отрицаете». И тут же Рудин уточнил: «А это часто неправда»². Кто-то корчует прошлое по корешку, а кто-то разделявается с ним одним махом.

Александр Гельман в «Московских новостях» писал: «Слишком много жизней погубила сталинщина, чтобы

¹ «Известия», 1989, 1 августа.

² Тургенев И. С. Собр. соч. М., 1954, т. 2, с. 43.

даже самые весомые достижения того времени могли восприниматься как воодушевляющие примеры. Разве допустимо радоваться массовому трудовому энтузиазму, памятуя о невинной крови массовых жертв? Безнравственное это занятие — выискивать светлые пятна в кровавой эпохе»¹.

Мне кажется, что в очередной раз мы историю подменяем эмоциями. «Скривим» ее в противоположную сторону, которая нам больше нравится, а достоверного отражения прошлого вновь не будем иметь. А. Гельман, видимо, не учитывает, что, не будь того массового трудового энтузиазма, который каждый добросовестный исследователь должен отделять от массовых репрессий, наш народный депутат вряд ли имел бы возможность рассуждать на эту тему. Ведь сомнительный для Гельмана энтузиазм создал материальные предпосылки для победы над фашизмом, а на полях сражений вылился в столь же массовый героизм.

И разве плохо, если бы мы с таким же энтузиазмом занимались перестройкой, решая жизненные проблемы общества не на митингах, а на рабочих местах, где только и создаются материальные и духовные ценности, вырабатываются тщательно выверенные конструктивные решения.

Несомненно, что тот, кто искренне захочет разобраться, как жило наше общество в 30-е и 40-е годы, не должен смотреть на события того времени только через черные или только через розовые очки. И то, и другое — предубеждение. Как заметил Расул Гамзатов, «получается, кто-то пытается прожить жизнь как бы заново, из сегодняшнего дня. Но ведь была живая жизнь. Такая, какая была»². Верно. Мало сказать, что в реальной жизни великие свершения и великая трагедия происходили одновременно — они тесно переплетались, как переплетались личное счастье одних и личное горе других, неподдельный энтузиазм и безысходная опустошенность, впитывание идеалов, основанных на общечеловеческих ценностях, и полное их разрушение. Поэтому не могут современники тех событий воспринимать их абсолютно одинаково.

У нас начинает исчезать (или выпалываться?) истинное представление о том, что такое патриотизм и энтузиазм тридцатых годов. А знать правду о нем надо.

¹ «Московские новости», № 31, 1989, 30 июля.

² «Правда», 1989, 4 августа.

Это для нас пример того, что может сделать человек, одухотворенный высокой идеей, большой задачей, чувствующий, что от него лично зависит воплощение в жизнь этой идеи, решение этой задачи.

Приведу отрывок из письма А. М. Исаева — будущего сподвижника конструктора космической техники С. П. Королева, а в те годы — добровольца, оставившего столичный вуз ради Магнитки: «Недавно нам в силу образовавшегося прорыва хотели поднести рогожное знамя. Так знаете, что многие горняки плакали на собрании и поклялись не допустить позора. Я никогда не думал, что рабочий (конечно, настоящий, а не сезонник) выглядит так, как он на самом деле выглядит. Если нужно, рабочий работает не 9, а 12—16 часов, а иногда и 36 часов подряд — только бы не пострадало производство! По всему строительству совершаются тысячи случаев подлинного героизма. Это факт. Газеты ничего не выдумывают. Я сам такие случаи наблюдаю все время»¹. Письмо не предназначалось для публикации. Оно было направлено родным Исаева. В достоверности и искренности написанного сомневаться не приходится.

Снова письмо. На этот раз жене. Пишет молодой инженер, комсомолец В. Сенцов, участвующий в строительстве Уралмаша: «...Оказывается, что в течение пятилетки должно быть затрачено на Урало-Кузбасс 600 миллионов. Вот работы-то! Везде грандиозный и небывалый размах! И снова приходят мысли о том, что мы живем в чудеснейшее, не сравнимое ни с каким другим время. Время индустриальных битв и побед!»² Вы не позавидовали чистому восторгу молодого специалиста? В чем-то он был обманут. И сильно. Но не в том, что его труд был нужен Родине, народу, его семье, ему самому.

Еще несколько строк, не предназначавшихся для печати, — дневниковая запись девятнадцатилетнего шахтера, комсомольца Володи Молодцова: «4 ноября 1930 г. ...Нынче первый раз поднялся на-гора не только не уставший, но и веселый... Сердце вот так и рвется куда-то далеко, далеко ввысь, к звездам и месяцу, чтобы вместе с ними увидеть эту грандиозную ширь Союза Советских Республик, охваченных невиданным энтузиазмом борьбы за социализм. Как хорошо чувствовать себя беззаветно преданным революции, видеть

¹ Цит. по: «Правда», 1988, 28 октября.

² Ефимов Г. Уралмашевцы. Свердловск, 1982, с. 31.

себя частичкой великой стройки. Ведь никто же не мобилизовывал нас на ликвидацию прорыва. Мы сами мобилизовались»¹. Через двенадцать лет руководитель диверсионной группы партизан, чекист, коммунист Владимир Александрович Молодцов будет расстрелян оккупантами в Одессе. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Прочитированные письма и запись в дневнике ценны, повторяю, тем, что они не предназначались для «посторонних» лиц, а поэтому заподозрить в лицемерии их авторов невозможно. Но, хотя подобных свидетельств своего времени можно привести столько, сколько не вместит ни одна книга, скептики могут сказать: написанное может быть результатом эмоционального всплеска под влиянием яркого события в жизни человека, страны, под влиянием хорошего настроения и т. п.

Поэтому давайте обратимся к оценкам современников событий предвоенных лет, которые они сделали гораздо позже, когда узнали многое. Честный в своих суждениях маршал Г. К. Жуков пишет: «Вообще для того времени был характерен внутренний подъем». И в другом месте: «...Мне хочется сказать доброе слово о времени предвоенном. Оно отличалось неповторимым, своеобразным подъемом настроения, оптимизмом, какой-то одухотворенностью и в то же время деловитостью, скромностью и простотой в общении людей»².

В тридцатые годы известный писатель Илья Эренбург чаще бывал за рубежом, чем в Союзе, и по возвращении изменения нашей действительности воспринимались им сильнее, чем теми, кто жил и работал на Родине. В связи с одной из поездок по стране он вспоминал: «Конечно, я радовался, глядя на новые поселки вокруг Архангельска, на щетинную фабрику в Великом Устюге, на тракторы; но больше всего меня поражал рост сознания... Я встречал на лесозаготовках, на запанях, в порту людей с широким кругозором, с большой духовной жизнью — не вечно улыбающихся ударников с Доски почета, а сложных, внутренне взрослых людей... я радовался: видел, как растет наше общество»³. Растет общество — что может быть прекрасней? Вы обратили внимание — И. Эренбург пишет не о Москве, не о Ленинграде, не о каком-либо другом крупном индустриальном центре.

¹ Цит. по: «Правда», 1989, 6 июня.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 1, с. 157, 260.

³ Эренбург И. Собр. соч. М., 1967, т. 9, с. 45.

стриальном или культурном центре, а о лесозаготовках, запанях.

Тот же Илья Эренбург писал: «Слово «энтузиазм», как многие другие, обесценено инфляцией; а к годам перзой пятилетки другого слова не подберешь, именно энтузиазм вдохновлял молодежь на ежедневные и малоприметные подвиги»¹.

В этой цитате я прошу читателя обратить внимание на следующее. Об инфляции слова «энтузиазм» автор писал уже после смерти И. Сталина. Уже тогда оно было обесценено. С тех пор прошли десятилетия и стали взрослыми люди, никогда не испытывавшие подлинного энтузиазма. Это не их беда, а наша общая беда и вина. Но из этого вовсе не следует, что энтузиазма не было ранее. Глядеть дальше своего носа надо не только вперед, но и оглядываясь назад.

Прекрасный киноактер Б. Андреев, известный зрителям по фильмам «Трактористы», «Большая жизнь», «Два бойца», «Большая семья», «Поэма о море» и ряду других, решительно возражал против суждений, будто 30-е годы были лишь временем страха и нарушения социалистической законности: «Нет, и в тот период, вопреки культу личности, народная инициатива была ключом, ибо народ знал, во имя чего он работает, борется и живет»².

Писательница Е. Ржевская — человек интересной судьбы. Известность ей принесли книги о войне. О довоенном времени она пишет: «Мои школьные годы и начало студенчества падают на 30-е. Оглядываясь, скажу: нет, все же не пустошь. Все же жизнь была сильнее Сталина, со своими красками, своим еще ярким импульсом, может, доставшимся от предшествующего десятилетия... Еще были общая молодость страны, надежды. Была и жадная тяга к знаниям. Не было стремления к национальной обособленности, розни...

Рядом с патологией времени была неодолимая жизнь, и ведь было много прекрасных людей — из тех, что погибали в тюрьмах, лагерях, на Отечественной. Из тех, кто выжил, из тех, кого миновали репрессии и кто пришел в наше время — оттуда — из своей юности, из своей жизни, павшей на 30-е годы»³.

По роду занятий мне посчастливилось встречаться,

---

¹ Эренбург И. Собр. соч. М., 1966, т. 8, с. 600.

² «Советская Россия», 1988, 3 февраля.

³ «Литературная газета», 1989, 3 августа.

работать вместе со многими талантливыми представителями того поколения. Работа сначала в академическом институте, а затем в научном журнале позволяла видеть разные стороны их характера. Одни были доброжелательны и доказательны, другие взрывались по каждому поводу, как только им казалось, что кто-то посягает на их научную позицию. Но всех (талантливых) отличало трепетное отношение к делу, чувство ответственности, долга. И это несмотря на то, что многие прошли через машину сталинских репрессий. Лично мне общение с этими людьми очень многое дало в жизни.

Но, быть может, мир науки в этом отношении был каким-то исключением? Или только я так воспринимал старшее для меня поколение? Но вот я прочитал статью журналиста, освещающего другую сферу жизни. Лев Филатов пишет о выдающемся футбольном тренере Викторе Александровиче Маслове, который первым привел к чемпионским титулам московское «Торпедо» и киевское «Динамо», создал фантастический атакующий ансамбль ростовского СКА: «Слушая его, я никогда не забывал, что он человек довоенного поколения, возвращенного в интересах непременно общих, на энтузиазме и бескорыстии, на том, что дело превыше всего»¹.

Читая эти строки, я подумал, что то же самое я могу сказать о тех ученых-экономистах, с которыми сталкивала меня судьба: о члене-корреспонденте Академии наук СССР Василии Петровиче Дьяченко, о докторе наук Константине Ивановиче Клименко, Якове Бенциановиче Кваше и многих других.

Что сделало этих и миллионы других людей такими цельными, самодисциплинированными, убежденными? Страх? Такое утверждение было бы абсурдом. Как только он исчез, все, что накручивалось вокруг этого стержня, быстро бы развеевалось. Их воспитала вера в конечную высокую цель, к которой общество шло, преодолевая большие препятствия, неся тяжкие потери, но шло поступательно.

Добавьте к крупным достижениям массу событий меньшего масштаба, поднимавших народный дух: завоевание Севера, сверхдальние перелеты, многочисленные рекорды. Даже трагедии, подобные гибели «Челюскина», авариям известных летчиков, умело использовались пропагандистским аппаратом партии для сплочения народа: вся страна с волнением следила за

¹ «Спортивные игры», 1988, № 10, с. 34.

поисками пропавших, с неподдельной радостью встречала спасенных и спасителей. Вот так, по крупицам складывалось то настроение социального оптимизма, которое некоторые отказываются признать за другими на том основании, что сейчас сами его не испытывают.

Попутно, и чтобы больше к этому не возвращаться, мне хочется сказать еще несколько слов в защиту многочисленных рекордов, безотносительно к сфере деятельности, в которой они достигались. Рекорды способствовали упрочению международного авторитета молодого государства, свидетельствовали о большой жизнеспособности, высокой динамичности нового общественного строя, заставляли с ним считаться.

В день пятидесятилетия рекордного перелета Москва — Дальний Восток, который осуществил экипаж в составе В. Гризодубовой, П. Осипенко и М. Расковой, в газете «Советская Россия» было опубликовано интервью с Валентиной Степановной Гризодубовой. Журналист М. Листов спросил об отношении ветерана нашей авиации к неоднократно высказывавшемуся ныне мнению, что рекорды и перелеты предвоенного времени — это чуть ли не показуха. Приведу выдержки из ее ответа: «Рекордные перелеты и достижения — итог работы громадного количества людей, свидетельство научно-технического прогресса Советского государства, а не «замыливание глаз»...» Вспоминая рекорд экипажа Чкалова, Байдукова и Белякова при перелете на Дальний Восток, В. Гризодубова ссылается на мнение виднейших военных того времени, что это достижение заставило японских милитаристов задуматься, а стоит ли им ввязываться в драку¹.

Продолжая разговор о духе, настрое общества тридцатых-сороковых годов, выскажу мнение, сейчас не очень популярное у некоторых наших публицистов и общественников, что этот дух и настрой весьма точно отражало искусство, которое всегда было верным барометром настроения общества. Искусство того периода отражало веру людей в светлое будущее, в свои силы. Оптимизмом проникнуты полотна художников, композиции скульпторов, произведения поэтов и прозаиков, серьезная и развлекательная музыка, кинофильмы. Я, конечно, имею в виду те произведения, которые являются настоящим искусством, а не неизбежные и всегда более многочисленные подделки под него.

¹ «Советская Россия», 1988, 24 сентября.

Вы не замечали, что, когда идут фильмы тридцатых годов, вы с интересом их смотрите в пятый, десятый раз? В конце шестидесятых меня удивляло, что удовольствие от них в нашей семье получали не только мы, старшие, у которых эти фильмы могут рождать какие-то ассоциации, но и наша маленькая дочь. Но в середине семидесятых с таким же интересом их смотрела младшая дочь, а сейчас — и внучка. Кто-то может сказать: это потому, что они, эти фильмы, примитивны. Нет. Они искренние, добрые. Жизнь отобрала из них те, которые составили классику нашего кино. Остальные канули в Лету. Как обидно, что именно эта классика подверглась надругательству со стороны устроителей упоминавшегося семинара «Кино тоталитарных режимов». Обидно не за фильмы. И «Путевка в жизнь», и «Волга-Волга», и «В шесть часов вечера после войны» будут жить, пока жив наш строй. Обидно, что в советском обществе есть люди, цель которых — вымарать все хорошее, что создано этим обществом. Но нельзя закрывать глаза на то, что они сами — продукты больших перекосов в нашем прошлом и настоящем.

Когда создавалась «тоталитарная» трилогия о Максиме, режиссер Г. Козинцев определил, что самый лучший стиль показа будет стиль «необычайно спокойного повествования в чрезвычайно сниженном тоне...». Заметьте — не парадная шумиха, не бой в литавры. «Из всей той груды материала, которую мы изучили, мы будем отбирать наиболее типичное, то, что характерно не для одного человека, а для десятков людей... Нужно показать, как выросла Октябрь, ...наш герой»¹.

И не случайно, когда фильмы трилогии вышли на экраны, к Борису Чиркову, создавшему образ Максима, со всей страны хлынули письма. «Герой мой оказался нужным и близким человеком для многих и многих людей. Старикам, детям, юношам, взрослым — всем хотелось сказать ему слова благодарности...

У меня спрашивали совета, ко мне обращались за помощью, меня, то есть моего Максима, выбирали в общественные организации, посылали депутатом. И в один из дней мой Максим привел меня в райком партии. Он был главным моим поручителем»².

А куда приведут «Интердевочка», «Воры в законе» и другие подобные им фильмы? На панель, в чужие

¹ «Советская Россия», 1987, 25 сентября.

² Там же.

квартиры, к сейфам с деньгами? Какие советы можно получить у героев и создателей таких фильмов? Думаю, что эти советы — не функция искусства. Как бы сами создатели нового для нас направления в искусстве не стали в общей сумятице жертвами своих порождений.

О фильмах тридцатых-сороковых (лучших фильмах) Борис Андреев говорил: «Какой-то весенней свежестью они отзываются во мне... В свое время они прошли как художественное событие, как доброе вмешательство искусства в жизнь..., они действовали на разум и сердце зрителя.

...Я и до сих пор горой стою за молодых парней, которых довелось мне играть в фильмах тех лет. В них была правда времени, поэтому они дороги мне»¹.

В одной из публикаций народная артистка СССР Л. Зыкина посетовала на то, что у нас мало создается действительно массовых песен о радости труда, песен, которые помогали бы спланировать людей, формировать духовное единство народа. По-моему, «мало» — это не то слово.

В то время, о котором мы говорим, такие песни были. И они помогали строить и жить. Это факт. Никто не заставлял разучивать «Песню о Родине» И. Дунаевского и В. Лебедева-Кумача, «Песню о встречном» Д. Шостаковича и Б. Корнилова, «Спят курганы темные» Н. Богословского и Б. Ласкина, «Были два друга» П. Германова и В. Гусева и многие, многие другие. Но их все знали и с искренним чувством пели как на домашних вечеринках, так и на массовых мероприятиях. Потому что они отражали настроение людей, потому что их мелодии и слова были красивы и хорошо запоминались.

И то, что незнакомый вам человек пел рядом с вами с тем же удовольствием и энтузиазмом, что и вы, конечно, рождало чувство единения, чувство большой Родины, одного народа.

Трагедия заключалась в том, что некоторые из тех, кто вчера в одном строю с вами и с одинаковым чувством пел прекрасную, зовущую на большие свершения песню, исчезали, и для них слова «эх, хорошо в стране Советской жить...», «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...» звучали горькой иронией. Подавляющее же большинство людей или ничего не

---

¹ «Советская Россия», 1988, 3 февраля.

знало, или считало естественным выявление и наказание «врагов народа», не подозревая, что сами в любой момент могут оказаться на их месте.

Но это не дает нам сегодня право сомневаться в искренности чувств старшего поколения, перечеркивать созданный в довоенные годы жанр патриотической советской песни, шаржировать его на эстраде.

Не знаю, как читателю, но мне не доставляет удовольствия смотреть на паясничавших на сцене людей, напяливающих на себя рабочие комбинезоны, косынки и кепки, использующих другую атрибутику 30-х и 40-х годов; утрированно марширующих, строящих живые пирамиды и тому подобное. Откуда они — без рода и племени? Я думаю, что этот эпатаж идет в основном от невысокой культуры, от стремления выплыть на гребне любой волны, от элементарного неуважения к старшему поколению и, конечно, от десятилетий застоя, своим примером воспитавших циников и верхоглядов. Слов нет, во многом мы сами виноваты, культивируя безоглядный нигилизм в освещении истории Родины. Вину эту надо исправлять, а не усугублять.

Теперь мы хорошо знаем, что есть, скажем, песни, зовущие к созиданию, и песни, пробуждающие инстинкты разрушения, во время исполнения которых совершаются акты вандализма, насилия. Простым запретом мало чего добьешься. В этом обществе не раз убеждалось. Вопрос в том, что следует активно поддерживать, поощрять, на что ориентировать молодых, да и не только их. Ведь разрушение и созидание — это противоположные по своей сути процессы. Очевидно, что разрушение того, что тормозит развитие, необходимо (и только этого, а не разрушение всего, что попадает под руку), но вперед продвинуться можно тогда, когда взамен разрушенного будет предложено новое, лучшее.

Было бы ошибкой ассоциировать довоенную жизнь только с бравурными маршами и мажорными песенными мелодиями. Да, была эта сторона искусства, проходившая через все его виды и воспитывающая (небезуспешно) патриотизм, энтузиазм, веру в неограниченность своих сил и возможностей. Но, если говорить о музыке для масс, были и песни «чистых» лириков Вадима Козина, Тамары Церетели, Изабеллы Юрьевой, Клавдии Шульженко и даже жившего за рубежом Петра Лещенко, а также многих, многих других певцов (я не назвал в этом ряду человека уникальной популярности —

Леонида Утесова только потому, что в его репертуар входили песни самого различного жанра). Это потом — в послевоенные годы — началось гонение на «лириков», особенно если они исполняли песни в ритме «западных» танго и фокстрота.

Мелодии «для души» звучали в эфире, с грампластинок, с летних эстрад парков и сцен клубов, с экранов кинотеатров (вспомните хотя бы прекрасные лирические песни из кинофильмов «Моя любовь», «Сердца четырех», «Веселые ребята», «Истребители», «Большая жизнь»). Они были точно такой же равноправной частью жизни, как та, что была связана с «Маршем энтузиастов», с «Москвой майской», «Песней о Каховке», «Песней о Волге».

И это понятно, так как, помимо общественной жизни, была личная. Точно так же, как сейчас, спустя пятьдесят лет, и до этого сотни тысяч лет люди влюблялись, ревновали, разочаровывались, восторгались и возмущались, радовались и горевали, дружили «на всю жизнь» и ссорились по мелочам. Все это отражало искусство. Отражало жизнь полнокровную, во всем ее многообразии, со всеми ее противоречиями.

Я бы назвал непозволительной попытку лишить смысла жизнь целого поколения советских людей только на том основании, что она пришлась на период культа личности Сталина. Журналист Е. Дворников в беседе с Булатом Окуджавой в связи с полярными оценками стихов поэта, в которых нашло отражение его отношение к Сталину и сталинизму, высказал мысль, что основная часть критиков Б. Окуджавы — «это люди, которые прожили жизнь со Сталиным, для них зачеркнуть Сталина — равносильно выпасть из жизни, осознать, что она прожита бессмысленно. Они цепляются за Сталина, тем самым защищая собственные прожитые годы»¹.

Прежде всего нельзя согласиться с формулировкой: «прожили жизнь со Сталиным». Со Сталиным накануне войны проживало 194 миллиона человек, а к моменту его смерти — свыше 180 миллионов. Что же, все эти рабочие, крестьяне, интеллигенты жили бессмысленно только потому, что «имели счастье» родиться в соответствующий период? Или бессмысленно прожили только те, кто до сих пор не разуверился в Сталине? Получается какая-то замысловатая логика: скажем, большинство раньше верило Сталину, но затем под лавиной

¹ «Правда», 1988, 23 сентября.

фактов перестало верить — следовательно, в прошлом они жили не бессмысленно, а если до сих пор он остается для них кумиром, значит, все их предшествующие деяния бессмысленны.

Но бог с ней — с формальной логикой. В принципе говорить о бессмысленности жизни целого поколения неправомерно, тем более поколения, прошедшего через такие испытания и одержавшего столько побед. В отношении этого поколения, вне зависимости от того, как отдельные его представители относятся к прошлому, это оскорбительно не только для них, но и для нас. Ведь подавляющее большинство из них трудилось и воевало честно. Иначе не пришли бы к ним успехи и победы.

На мой взгляд, правильно оценил позицию своих критиков сам поэт: «Это плохо информированные люди. Если бы они знали правду полнее, то вынуждены были бы пересмотреть свое отношение к прошлому... По-человечески их можно понять. Переоценка всегда мучительна»¹.

Если мы хотим объективно разобраться в живучести культа личности Сталина, то нельзя закрывать глаза на серьезные причины, мешающие части общества отрешиться от старых воззрений. Во многом они кроются в десятилетиях застоя. Если бы Сталин умер и дела быстро пошли в гору, причина торможения была бы предельно ясна. Но тех, кто верил в идеалы социализма и его жизненную силу, кто привык к дисциплине в труде и в общественной жизни, не могли не разочаровывать постоянно усиливавшийся разрыв между словом и делом, связанный с ним расцвет формализма и показухи, утрата веры в перспективы развития общества, нараставшее безразличие к труду, ослабление чувства долга и патриотизма. Не все понимают, что эти явления были заложены Сталиным, тем более что до поры до времени они не обнаруживались с такой силой.

Надо понять, что для тех, для кого добросовестное отношение к своим обязанностям, патриотизм, интернационализм были и остаются внутренним убеждением, трудно примириться хотя бы с частичной их утратой обществом. И надо учитывать, что каждый из старшего поколения, сохранивший эти замечательные качества, связывает их со своим временем. Но одни — с достижениями всей партии и всего народа, а другие — с име-

¹ «Правда», 1988, 23 сентября.

нем одного человека. И в этом их трагедия, а не попытка защитить свои «бессмысленно прожитые годы». Убежден, что подавляющим большинством людей они были прожиты честно, а значит, и не бессмысленно. Было, конечно, и циничное, беспринципное меньшинство. А разве его нет в нынешнем поколении? И определяет ли оно сегодня лицо общества, приступившего к перестройке всех сторон своей жизни? Очевидно, нет. Не по нему будут судить последующие поколения о смысле жизни нынешнего.

Илья Эренбург, вернувшись из командировки на Кузнецкий металлургический комбинат, отмечал: «Конечно, среди строителей были разные люди. Приезжали циники, авантюристы, летуны, они кочевали в поисках, как тогда говорили, длинного рубля... Если одних подгоняли высокие чувства, то другие напрягались в надежде получить килограмм сахара или отрез на брюки...

Надежда жила рядом с отчаянием; энтузиазм и злоба, герои и летуны, просвещение и тьма — эпоха одним давала крылья, других убивала»¹.

Скажите, в какие времена эти чувства и явления не сосуществовали друг другу? Их свидетелями были камни «новостроек» египетских пирамид, римских цирков, Китайской стены, венецианских дворцов, первых фабричных зданий, американских небоскребов. Но одни исторические периоды определялись преимущественно просвещением, энтузиазмом окрыленных героев, а другие — мракобесием и убивающей тьмой. Хотя в недрах этих периодов жило, зрело, боролось как светлое, так и темное. Даже в рамки относительно небольшого исторического периода вмещаются чувствительные изменения в соотношениях между прогрессивным и реакционным.

Когда заходит речь о предвоенном времени и жившем в нем поколении, неизбежно возникает тема сталинских беззаконий. Вот и в этой книге по разным поводам мы с вами уже не раз упоминали о репрессиях и их последствиях.

Массовые противоправные акции, вычеркнувшие из нормальной жизни несчетное число людей, приведшие к уничтожению миллионов советских граждан из всех слоев общества, бросили черную тень на наш общественный строй, нередко мешающую разглядеть то хорошее, что он принес людям.

¹ Эренбург И. Собр. соч. М., 1966, т. 8, с. 601, 602.

Не знаю, как можно обвинять в этом поколение, которое само и явилось жертвой этих репрессий. Важнее понять, почему так могло произойти. Почему общество, восставшее против репрессий царизма и свергшее его, выстоявшее в, казалось бы, безнадежной ситуации в гражданскую войну (а это было бы невозможно, если бы оно не знало, за что борется), не поднялось против новых репрессий. Ведь они носили не единичный, а массовый характер.

Как-то не так давно мы, четверо сослуживцев, обсуждали вопрос о том, насколько широко репрессии затронули наше общество. Один из нас утверждал, что они обрушились в основном на сравнительно тонкий слой его партийной, государственной, научной и культурной элиты. Я предложил каждому сказать, нет ли среди его родственников репрессированных. Оказалось, что они есть у всех, включая того, кто говорил об ограниченных масштабах репрессий.

* * *

В нашей семье жертвой репрессий был дядя Володя — один из маминых братьев. В отличие от своих старших братьев на первую мировую войну по малолетству он не попал. Но к моменту развертывания гражданской войны на Кубани, где в борьбу красных и белых постоянно вмешивались банды зеленой и других всевозможных мастей, дядя Володя был уже шестнадцатилетним юношей, безоговорочно примкнувшим к красным. Он служил в частях особого назначения, отрядах ВЧК, затем работал в местных органах ГПУ (государственное политическое управление при НКВД). За участие в гражданской войне был награжден именным оружием.

Дядя Володя был арестован в первую волну репрессий, осуществлявшихся наркомом внутренних дел Г. Ягодой и тяжело ударивших по кадрам чекистов, которые стояли у истоков организации советских органов безопасности. К сожалению, я практически ничего не знаю о годах его заключения, кроме того, что после уничтожения Ягоды он начал писать апелляции. Но это ему не помогло. В мае 1939 года, когда японцы развязали военные действия на реке Халхин-Гол, дядя направил «по начальству» письмо о том, что он готов загладить вину перед Родиной ценой своей жизни и просит ис-

пользовать в Монголии его боевой опыт и умение водить автотранспорт. Не знаю, что сыграло свою роль — первое или второе (возможно, второе, поскольку шоферов тогда было несравненно меньше, чем сейчас), но в боях дядя участвовал и по завершении конфликта в тюрьму уже не вернулся.

Однако в Ленинграде, где жили его мать и отчим, брат и сестра, поселиться дяде не разрешили. В декабре 1939 года ему было дозволено приехать на несколько дней повидаться с ними. По запомнившемуся мне эпизоду знаю, что дядя Володя пробыл в Ленинграде дольше, чем ему полагалось.

Во второй половине сумеречного и слякотного дня мы пошли вдвоем на мультфильмы в кинотеатр «Октябрь» на Невском. Некоторые кадры из одного фильма до сих пор хорошо помню. Позже я узнал, что он был снят по сказке Киплинга — про поваренка, испекшего пирог, и носорога. Когда возвращались домой, дядя, мой полный тезка, вдруг сказал: «Вот идем мы с тобой сейчас по Невскому — два Владимира Петровича, и никто не догадывается, кто из нас имеет право жить в Ленинграде, а кто давно уже должен его покинуть!»

Последний раз я видел дядю Володю летом 1940 года, когда мы с мамой поехали на Северный Кавказ навестить родственников. Дядя жил в Майкопе и работал там ревизором в торговой сети. В партии он не был восстановлен. Думаю, что ему нелегко было привыкать к новой роли. С лета 1941 года о нем не было никаких вестей.

Второй эпизод, тоже связанный с репрессиями, как я понял, будучи уже вполне взрослым человеком, относится по времени к началу зимы 1942 года. Мы уже были в эвакуации у озера Шарташ под Свердловском и жили в большом деревянном здании, в котором до войны размещался дом отдыха. Все комнаты, скорее залы, с обеих сторон длинного коридора были битком набиты эвакуированными, жившими кровать к кровати. Семьям выгораживались углы. И только в одной крохотной комнатке поселились двое — мать и сын (правда, еще кого-нибудь втиснуть в нее было бы почти невозможно). Юноша лет пятнадцати был крупным, ширококостным блондином с бледным лицом, на котором выделялись яркие голубые глаза. Мать — прямая ему противоположность: маленькая смуглая темноволо-

сая женщина с большими карими глазами, тонкими чертами красивого усталого лица.

Вадим прекрасно вырезал из дерева, и из-под его руки выходили замечательные крейсера, эсминцы, танки и броневики. Понятно, что я лкнул к нему и часто бывал в маленькой комнате.

Однажды я пришел, когда он еще не вернулся из ремесленного училища. Мать Вадима предложила подождать его. Говорили о войне, о довоенном времени, как мы жили в Ленинграде, а Вадим — в Москве. И здесь я спросил, а где папа Вадима — на фронте?

Я до сих пор не понимаю, что толкнуло эту женщину на откровенность. Одиночество? Потребность хоть кому-то высказать свою боль, не опасаясь ранящей душу реакции?

«Наш папа арестован», — тихо сказала она, поднялась из-за стола и достала из тумбочки шкатулку, а из шкатулки — письмо на двух листах лощеной желтоватой бумаги. «Я писала товарищу Сталину, что наш папа — честный человек, но он ответил: «Ваш муж арестован правильно».

Письмо было написано темно-фиолетовыми чернилами крупным красивым почерком с устремленными вверх острыми уголками и палочками букв. На первой странице в левом верхнем углу наискось была сделана размашистая надпись зеленым или синим карандашом (кажется, все же зеленым), частично заходившая на текст письма. Под двумя первыми строчками была подведена жирная черта, под ней — дата и подпись, которую я потом часто встречал на переплетах небольших подарочных изданий произведений «великого вождя». Какой итог подводила эта черта, какую цену она имела — цену жизни, цену сломанных судеб и многих лет физических и моральных мук? Видимо, отец Вадима был крупным деятелем партии или государства, если письмо нашло путь к самому Сталину; видимо, он знал мать Вадима, если посчитал нужным самому дать ответ.

Последний раз я видел Вадима весной 1943 года. Талая вода бурными ручьями стремилась к озеру, бурвила уже осевшие сугробы, образуя в них «подземные» реки. Мы снимали с Вадимовых кораблей мачты и пускали их в путешествие по ручьям. Они стремительно неслись, подпрыгивая на крутых волнах прозрачных потоков, вертелись в водоворотах, скрывались в подснежных протоках и вновь весело вырывались

на солнечный свет под голубое уральское небо. Вадим, как всегда, был серьезен, сосредоточен. Возможно, юноше было неудобно радоваться игре так же открыто, как мне — малолетке. Возможно, на то были иные, более глубокие причины...

Два факта, оставшиеся в памяти маленького человека, которому и в голову не приходило акцентировать свое внимание на подобных явлениях, говорят о том, насколько они были распространены. Мой отец, например, связанный по роду работы с цветной металлургией, на рудниках и предприятиях которой трудились тысячи и тысячи заключенных, наверняка знал о них несоизмеримо больше...

* * *

Если репрессии, как мы знаем, были массовыми, так в чем же дело, почему не было адекватной такому террору реакции общества?

В объяснении причин этого феномена, полагаю, надо ориентироваться на свидетельства современников, а не на наши нынешние эмоции. Особенно на восприятие событий теми, кто объективно не был заинтересован в искажении правды. Я беседовал на эту тему со многими, в том числе с сидевшими в тюрьмах и лагерях учеными. Большинство из них до ареста объясняло себе репрессии так же, как продолжали думать люди, не втянутые в этот механизм: арестовывают врагов, а я — не враг. А ведь мои собеседники были людьми аналитического склада ума.

Думаю, что можно согласиться с профессором Г. И. Куницыным, что в те страшные этой своей стороной тридцатые годы (а позже — и во второй половине 40-х — начале 50-х) больше всего было людей элементарно обманутых¹. И добавил бы — даже не подозревавших об обмане.

Давайте попробуем понять, как воспринимали происходившее вокруг них простые граждане. Сейчас имеется немало материалов, позволяющих сделать это: воспоминания, художественные произведения, публицистика. Конечно, известные «усреднение», схематизм неизбежны.

В массе своей люди честно работали, читали и слушали об успехах других честно работавших, зримо и «на ощупь» воспринимали результаты этих успехов, выра-

¹ «Комсомольская правда», 1988, 27 ноября.

жавшихся не в одних лишь Днепротэсах и Магнитках, но и в ликвидации безработицы, в отмене карточек на продовольствие, появлении в магазинах все новых и новых видов товаров — немудрящих по нынешним нашим меркам, но у людей того времени и мерки были другие. Росли новые светлые города, да и в старых промышленных центрах чаще всего вокруг крупных предприятий возникали городки четырех-пятиэтажных домов с довольно удобной по прежним представлениям планировкой квартир. Селились в них рабочие, инженеры, техники — отнюдь не одна администрация. В городах были школы, детские сады, фабрики-кухни, клубы, кинотеатры. Я сам после войны жил в таком городке в Москве в Рощинских переулках. И видя эти положительные перемены, люди действительно считали, что «жить стало лучше, жить стало веселее».

Но в выступлениях крупных руководителей, а за ними — во всех формах развитой тогда агитационной работы, в том числе через средства массовой информации — постоянно внушалось, что рядом враги, внешние и внутренние. Это они мешают тому, чтобы жизнь стала еще лучше и еще веселее. Всем было понятно, что помехи надо устранять, и люди с уважением относились к тем, кто это делал: мы выполняем свой долг честно — надо ли сомневаться, что и другие выполняют его так же честно? Тем более что кулаки были не только мифические, но и реальные, стрелявшие из обрезов, сжигавшие колхозное добро. Тем более что реально существовали представители свергнутых классов, которым не за что было любить Советскую власть, и они не только словом были готовы содействовать ее поражению. Тем более что иностранная разведка работала не только для того, чтобы служить прикрытием расправ над большевиками-ленинцами и тысячами других невинных людей, но и выполняла свои прямые диверсионные и шпионские функции. Тем более что страна выходила из этих конфликтов победителем, а это вселяло в людей гордость за социалистическую Родину, веру в тех, кто вел от успеха к успеху, уважение к ним.

Когда оказывалось, что твой сосед по дому, товарищ по работе, уважаемый всеми партийный и государственный деятель «на самом деле» враг, это, конечно, вызывало удивление, сомнение, но логика услужливо подсказывала, что на то он и враг, чтобы ловко маскироваться, до поры до времени скрывать свои на-

мерения. Ведь все знали, что за бывшими лидерами в прошлом были грехи в противодействии политике большинства партии. Процессы широко освещались, стенограммы заседаний суда печатались в центральных газетах, «преступники» каялись и сознавались. Как можно было не верить всему этому?

Поставьте себя на место тех, кто жил и трудился в тридцатые годы — на место ваших бабушек и дедушек, которых вы знаете как честных, добрых людей. Откуда они могли иметь ту информацию, которой сегодня располагаем мы, получая ее в изобилии по каналам радио и телевидения, со страниц периодической прессы, из официальных партийных и государственных источников? Мы верим этой информации — они верили другой. Иной у них не было.

В среде интеллигенции ходили страшные слухи. В основном это была творческая, в том числе научная интеллигенция. Но в массе народа к ней относились с известным предубеждением, поскольку у значительной ее части корни уходили в дореволюционное прошлое. Надо учитывать, что она не была столь тесно связана с рабочими и крестьянством, как сейчас, когда в одной семье могут быть представлены все классы нашего общества. Ее «шушукание» и «брюзжание» тоже воспринимались как нечто враждебное, подозрительное. Она еще не слилась с новой интеллигенцией, лишь недавно оторвавшейся от станков и сельскохозяйственных орудий и законно связывавшей изменения в своей жизни с преимуществами социализма. Всякие знания — и технические, и политические — принимались новой интеллигенцией на веру. Нужно было время для того, чтобы сумма этих знаний превратилась как в личное профессиональное мастерство, так и в личные политические убеждения.

Таким был психологический климат в обществе, на фоне которого происходили как героические, так и трагические события. В подтверждение этого вновь обратимся к свидетельству лиц, которым мы не можем не верить.

Ушедший недавно из жизни Камил Икрамов — сын репрессированного в 30-е годы первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана, потерял не только отца, но и мать, сам прошел через тюрьму и лагеря. Его роман «Дело моего отца» является обвинением против античеловеческих деяний сталинизма. В одной из бесед К. Икрамов говорил: «Затмение общественного сознания

было столь могуче, что каждый, кто попытается сегодня упростить эту проблему, впадает в грех непростительный»¹.

Безусловно, задача историков — объективно и беспристрастно изучить и объяснить феномен этого затмения, не оглуляя самого общества, что было бы отходом от истины.

Приведу свидетельство о тридцатых годах человека, отношение которого к социальной политике сталинизма однозначно. Это писатель Ю. В. Домбровский — автор глубокого произведения о своем времени, о машине репрессий и ее жертвах. Я имею в виду его роман «Факультет ненужных вещей». Домбровский еще в начале тридцатых был выслан из Москвы и затем трижды арестовывался, причем дважды именно в эти годы. Кажется, он имел все основания выплеснуть всю горечь и обиду за исковерканную жизнь. Но художник стремился объективно разобраться в происходившем.

Вот что он говорил в 1965 году в интервью итальянскому журналу «Эуропа»: «...Мировая война уже фактически началась. Она шла на огромных пространствах — от пустынь Абиссинии до пустынь Монголии. Уже пылала Испания. Над Европой висела кровавая лапа Гитлера. В этих условиях люди верили в шпионаж, верили в возможность измены, диверсий. В такие времена все возможно... Не забывайте и другое: в 1936 году произошел арест и процесс наших видных военачальников. Я слушал заграничное радио и знал поэтому, что говорит об этом немецкая пропаганда. Она, как помнится, признавала существование «кремлевского заговора». Только теперь из записок Бенеша и немецких мемуаров мы узнали, как были зверски уничтожены, погублены наши лучшие люди. Тогда же все было совершенно неясно. Историческая ограниченность сознания современников — факт неприятный, но, к сожалению, бесспорно существующий»². В этих строчках подкупает стремление писателя понять, объяснить явление, психологию целого поколения, а не заклеить его как можно громче.

И последнее свидетельство. К. Симонов, у которого арестовывался отчим, погиб в тюрьме две тетки, писал о своем восприятии репрессий в Красной Армии: «Так же, как большинство молодых людей моего поко-

¹ «Московские новости», 1989, № 25, 18 июня.

² Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М., 1989, с. 707—708.

ления, я думал тогда, что процесс над Тухачевским и другими, наверное, правильный процесс. Кому же могло понадобиться без вины осудить и расстрелять таких людей, как маршалы Егоров и Тухачевский... Сомневаться просто не приходило в голову, потому что альтернативы не было — ...или они виноваты, или это невозможно понять»¹.

Когда же репрессии приняли столь массовый характер, что общество стало серьезно подозревать неладность происходящего, нарком внутренних дел Ежов был расстрелян. Его заменил, как поняли люди, человек, которого знал и которому доверял Сталин, — Берия, начавший выпускать из тюрем и лагерей репрессированных, в том числе многих военных.

«Итак, — пишет К. Симонов, — в нашем сознании Сталин исправлял ошибки, совершенные до этого Ежовым и другими, всеми теми, кто наломал дров... Когда же при нем, при Берии, в тридцать девятом году были арестованы и исчезли Мейерхольд и Бабель, то скажу честно, ...потому что это было уже при Берии, который исправлял ошибки, совершенные при Ежове — было острое недоумение, может быть, в самом деле вот эти люди, посаженные уже в тридцать девятом году, в чем-то виноваты?»² Так объяснял себе происходившее человек, который жил в среде творческой интеллигенции — обычно одной из наиболее информированных частей общества, наименее склонной принимать все на веру, мыслить стандартными категориями.

Теперь, когда мы, ничем не рискующие, гневно обвиняем прошлое, а заодно (или ради этого?) весь социалистический общественный строй, я хотел бы напомнить, что такие замечательные люди, как маршал К. Рокоссовский, академики А. Туполев, С. Королев, А. Берг, оставались до конца своей жизни его убежденными сторонниками, хотя подверглись репрессиям, знали об их истинных масштабах, сидя в тюрьмах и «шарашках», не меньше, чем известно ныне нам.

И не только они.

Многие из тех, кто был репрессирован, не обвиняли в страшной личной трагедии общественный строй, оставались навсегда верными его идеалам, своим трудом

---

¹ Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988, с. 65.

² Там же, с. 70.

старались помочь общему делу в трудные годы. Те из читателей, кто интересуется спортом, возможно, прочитали в «Советском спорте» статью о О. Корнблате, который долгие годы работал старшим тренером по теннису Госкомспорта СССР¹. Он воевал и был арестован уже после войны. В лагере сумел не только устоять в борьбе с уголовниками, но и занял место «пахана» — как мы сегодня сказали бы — неформального лидера заключенных. В этом своем качестве Корнблат требовал от них выполнять положенные нормы, поскольку был убежден, что труд сидящих за колючей проволокой был нужен стране, помогал восстановлению разрушенного войной хозяйства, способствовал укреплению социализма. Парадокс? Нет. В этом — стремление жить, несмотря ни на что, со страной одной жизнью, одной болью, вера в общую большую цель, которая в понимании поколения нередко была выше большой личной трагедии.

Конечно, далеко не каждый репрессированный занимал такую позицию. Огромное количество людей, прошедших тюрьмы, лагеря, ссылки — вероятно, их большинство — испытали крах прежних идеалов, ненависть к тем, кто искалечил их судьбы. Они имеют право на это. И их восприятие эпохи не может быть таким же, как у многих десятков миллионов, проживших нормальную, по тем представлениям, жизнь. Мы делаем большую ошибку, когда пытаемся представить историю нескольких десятилетий только на основании восприятия тех, кто пережил действительно страшную трагедию.

Однако столь же непростительно хоть в какой-то мере преуменьшать трагедию народа и каждого, кто ее испытал, или дискутировать, кого она больше коснулась: крестьян или интеллигенции, рабочих или военных. Ведь все они — часть советского народа, сыновья, дочери, мужья, жены, отцы, матери, деды, бабушки, внуки... Все они строили радужные планы на будущее, ибо кто строит иные? И вдруг непреодолимая стена разделила всю жизнь на «до» и «после», практически без надежд на лучшее.

Иногда, правда все реже, раздаются безумные оправдания репрессий. Таким людям хочется сказать: представьте хоть на минуту, что это вас арестовали, вас допрашивают с пристрастием, вы коченеете от холода за колючей проволокой, подневольно гнете спину на

¹ «Советский спорт», 1989, 15 апреля.

тяжелых работах, постоянно недоедаете. За каждой массовой акцией, особенно если она имеет трагический характер, надо видеть людей, ставших вольными или невольными ее участниками.

Репрессии затронули все слои советского общества, в том числе и те, которые были непосредственно связаны с работой по повышению обороноспособности СССР. Теперь известно, что до войны было репрессировано от 40 до 50 тысяч командиров, политработников, военных инженеров и техников. Как правило, это были наиболее опытные кадры, прошедшие через несколько войн. Многие из них занимали высокие посты в Вооруженных Силах. Расстреляны трое из пяти маршалов — М. Тухачевский, А. Егоров, В. Блюхер. Из 85 членов Высшего военного совета при наркомате обороны в живых осталось только 9. Погибли 13 из 15 командармов, 57 из 85 командиров корпусов, 110 из 195 командиров дивизий, 220 из 406 комбригов... Тяжелый удар пришелся по полковому звену: репрессиям подвергся 91 процент командиров полков, их заместителей и начальников штабов.

Была арестована и казнена почти половина работников Генштаба. Между тем для подготовки офицера этого органа армии требовалось от восьми до десяти лет, которыми мы уже не располагали. Поредели кадры представителей военной науки, преподавателей военных академий и училищ. Их труды, вобравшие в себя опыт недавних войн и прогнозы будущих, были уничтожены, поскольку «враги» могли преднамеренно вредить, а не учить.

Главным образом, именно репрессии привели к тому, что к 1941 году только в сухопутных войсках не хватало по штатам почти 67 тысяч командиров, а некомплект в летно-техническом составе ВВС достиг 32,3 процента¹.

А сколько было уничтожено выдающихся ученых, конструкторов, чьи таланты и знания были так нужны стране в предвоенные и военные годы, когда в бешеной спешке и с неимоверным напряжением физических и духовных сил мы наверстывали наше отставание в качестве военной техники! Только два примера.

Пуля соотечественника остановила сердце К. Ф. Челпана — зачинателя работы над первым в мире танковым дизельным двигателем, ставшим спустя несколько лет

¹ «Правда», 1989, 22 июня.

сердцем могучих и несравненных Т-34¹. До гибели изобретатель сумел многое сделать, создать на Харьковском заводе имени Коминтерна крепкий научный коллектив. Поэтому личная трагедия талантливого ученого и организатора, трагедия близких, друзей, товарищей по работе в конечном счете не обернулась трагедией для страны — было кому завершить дело (хотя кто может теперь сказать, как смерть К. Ф. Челпана отразилась на конструкции и темпах создания уникального танка?).

Такая же страшная участь постигла начальника Реактивного научно-исследовательского института И. Т. Клейменова и его заместителя по научной части Г. Э. Лангемака — создателя снарядов реактивной установки, известной в годы войны под именем «катюши»². И здесь степень готовности принципиально новой военной техники была настолько высока, что перед самой войной она была доведена до серийного производства.

А сколько талантливых людей, уйдя из жизни, унесли с собой новаторские замыслы, не до конца разработанные технические решения? Этого мы уже никогда не узнаем. Не узнаем, насколько сильнее могла быть наша Родина к началу смертельной схватки, насколько ближе мог быть конец войны.

Не все репрессированные ученые были уничтожены. Видимо, существовало понимание, что гении по заказу не появляются и не назначаются. Многие попали в специализированные тюрьмы, как их называли — «шарашки», и продолжали работать над тем, чем занимались на воле. Такая судьба выпала, например, крупнейшим авиаконструкторам: Поликарпову, Туполеву, Мясищеву, Петлякову. Но для творческого человека особое значение имеет настроение, благоприятный психологический климат, наконец, привычные и удобные условия для работы и жизни. Никакая «шарага», никакое чувство ответственности перед Родиной, которое не покидало большинство ученых-заключенных, не могли компенсировать утраченную свободу, бессилие перед клеветой, понимание чудовищной несправедливости, разлуку с близкими и друзьями, неуверенность в будущем, горечь безвозвратных утрат.

О том, чем оборачивалось это для государства, наглядно дает представление статистика, приведенная одним из соратников А. Н. Туполева И. Головиным: с 1923

¹ «Правда», 1988, 6 ноября.

² «Огонек», 1988, № 50, с. 23—24.

по 1927 год возглавляемый Туполевым коллектив построил пять новых самолетов, из которых три запустил в серию, с 1928 по 1931 год — соответственно 6 и 4, с 1932 по 1937 год — 17 и 7, а с 1938 по 1941 год ни один самолет конструкции этого ОКБ не поднялся в небо¹.

Конечно, полностью вычеркнутыми из творческой жизни великого авиаконструктора эти годы считать нельзя. Ведь такие шедевры военной техники, как пикирующий бомбардировщик Ту-2 и дальний стратегический бомбардировщик Ту-4, в одночасье не создашь, а оба они были на вооружении советских ВВС в годы войны. Но, несомненно, его творческая мысль работала бы намного плодотворнее, если бы не было тяжелейшей личной трагедии.

В 1938 году за решетку были упрятаны будущие академики — гордость советской и мировой науки С. П. Королев и В. П. Глушко. Они работали в тех же условиях, что названные выше авиаконструкторы. Сам Королев, вспоминая события конца 30-х годов, говорил, что усилия ученых-ракетчиков были расценены некоторыми крупными военными специалистами как помеха оборонным мероприятиям. Ставка делалась на новые самолеты с поршневыми двигателями и артиллерийские орудия обычного типа. Это привело к потере значительного времени и нескольких замечательных творческих людей. Тем не менее в феврале 1940 года в нашей стране прошли летные испытания первого ракетного планера с жидкостным ракетным двигателем, а в 1942 году удалось поднять в небо первый реактивный самолет. «Легко представить себе, — отметил Главный конструктор, — как изменился бы ход войны, если бы реактивные самолеты, артиллерийские реактивные установки мы запустили в производство за 2—3 года до начала фашистского нашествия на нашу Родину»². Вот она — цена воинствующей некомпетентности, цена «шарашек».

Тяжелый удар пришелся по опытным хозяйственным кадрам, что не могло не отразиться на руководстве народным хозяйством, а следовательно, и на работе по укреплению обороноспособности. Были репрессированы пять заместителей председателя СНК СССР: Я. Э. Рудзутак, В. И. Межлаук, О. В. Косиор, В. Я. Чубарь и Н. К. Антипов, четыре председателя СНК союзных рес-

¹ «Социалистическая индустрия», 1988, 10 ноября.

² «Правда», 1989, 6 июля.

публик: Д. Е. Сулимов (РСФСР), М. О. Разумов (Белоруссия), У. Д. Исаев (Казахстан), Г. Мусабеков (ко времени ареста уже бывший председатель СНК Закавказской федерации), наркомы М. Л. Рухимович (оборонной промышленности), Г. Ф. Гринько (финансов), А. И. Рыков (к моменту ареста — бывший нарком связи), В. И. Иванов (лесной промышленности), Н. И. Пахомов (водного транспорта), К. В. Уханов и И. Е. Любимов (оба — легкой промышленности), С. С. Лобов (пищевой промышленности), М. А. Чернов и Р. И. Эйхе (оба — земледелия), М. И. Калманович и Н. Н. Демченко (оба — совхозов), Г. Н. Каминский (здравоохранения), А. С. Бубнов (просвещения), председатель Центросоюза И. А. Зеленский. Было расстреляно много заместителей наркомов, в том числе Г. Л. Пятаков и А. П. Серебровский (оба — тяжелой промышленности), директоров и других ведущих работников крупных предприятий,строек¹. Еще большее число руководителей производства находилось в тюрьмах и лагерях. По сообщению председателя СНК СССР В. М. Молотова, только с 1 октября 1936 года по 1 марта 1937 года в качестве «членов антисоветских троцкистских организаций» было осуждено по центральному и местному аппарату 18 наркоматов и других учреждений 1984 хозяйственных руководителя². А репрессии на этом не кончились.

Не забудем, что ряд крупных государственных деятелей, не будучи согласными с проводившейся политической или упреждая арест, покончили жизнь самоубийством. В их числе нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, заместитель наркома обороны Я. Б. Гамарник, председатель СНК Украины П. П. Любченко³.

Доктор исторических наук, генерал-майор В. Ф. Некрасов ссылается на документ 1954 года, в котором были подведены итоги репрессий за 33 года. Цифры чудовищные: всеми судебными и внесудебными органами с 1921 года было осуждено за контрреволюционные преступления 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере наказания — 642 980, к заключению — 2 369 220, к ссылке и высылке — 765 180 человек⁴. Ясно, что подавляющее большинство этих людей были репресси-

¹ «Московские новости», № 28, 1988, 10 июля.

² «Правда», 1989, 22 июня.

³ «Московские новости», № 28, 1988, 10 июля.

⁴ «Комсомольская правда», 1989, 29 сентября.

рованы необоснованно, ясно, что в массе своей это были рядовые граждане, труженики, известные лишь сравнительно ограниченному кругу людей. А посему их трагедии не имели тогда такого общественного резонанса. Из каждой из них, будь то трагедия наркома или трагедия крестьянина, и складывалась трагедия народная.

Поэтому я вновь присоединяюсь к позиции Г. И. Куницына, когда он пишет: «Постыдно, когда кое-кто ныне пытается обвинять сам народ в соучастии в тогдашних преступлениях, не видя разницы между его бедой и виной»¹.

Завершая разговор об обществе тридцатых годов, мне хочется подчеркнуть следующее. Понятно, что на многое спустя полвека и более мы смотрим иначе. Но надо пользоваться нашим преимуществом — возможностью взглянуть объективно на то или иное событие, действие. К сожалению, это происходит отнюдь не всегда.

Нередко по той причине, что какие-то конкретные решения принимались теми же лицами, которые повинны в репрессиях, данные решения без доказательств объявляются ошибочными. По существу, это равносильно попытке перечеркнуть в общественном сознании длительный период в жизни страны, период, за время которого коллективными усилиями народа, усилиями являвшейся частью народа многомиллионной партии отсталая страна стала одной из двух доминант современного мира.

Перекося в трактовке сложного, неоднозначного зрелища, несомненно, имеет негативные и труднопоправимые последствия. Они вовсе не в том, что некоторые впечатлительные представители старшего поколения ныне стыдятся своей принадлежности к этому поколению. Таких, полагаю, незначительное меньшинство. Несомненно больше тех, кто законно гордится честно исполненным долгом перед обществом. Стыдиться и бояться общественного суда должны те, кто был соучастником преступлений перед народом. Тяжелые последствия в другом — в подрыве веры в правильность избранного пути, в результаты достигнутого. А это удар по тем, кому особенно нужна вера в идеалы, поскольку собственного житейского опыта еще нет. Это удар по будущему, по молодежи. Утрата идеалов оборачивается потерей ответственности, безразличием к интересам об-

¹ «Комсомольская правда», 1988, 27 ноября.

щества, цинизмом, эгоизмом, стремлением к сиюминутному результату в ущерб долгосрочной цели, требующей духовных сил, идейной убежденности. Я совсем не хочу сказать, что это характерная черта нашей молодежи. Но то, что такой микроб заразил часть ее — факт, закрыть глаза на который не в наших общих интересах.

И здесь ответственность перед обществом тех, кто берется за перо, кто вещает на многомиллионную аудиторию, исключительно высока. Какова должна быть их гражданская позиция? Мне кажется, что лучше выразить ее, чем это сделал известный актер Георгий Степанович Жженов — человек очень трудной судьбы, дважды репрессированный, откровенно вскрывающий в своих произведениях кровоточащие язвы прошлого, — нельзя. В одном из своих интервью в числе других проблем он говорил о задаче и долге театра, актера, но сказанное им, полагаю, должно касаться каждого, кто вторгается в сферу идеологии: «Поймите меня правильно: можно живописать самые мрачные стороны нашего бытия, рисовать картины тотального разрушения, грубого насилия над личностью, но если при этом силы зла, как о волнолом, разбиваются о нравственную позицию художника, его этический и эстетический идеал, то повествование о насилии превратится в гимн добру». Здесь же высказана озабоченность в связи с попытками «ниспровергнуть, посеять в зрителе тревогу, сомнение и... не дать при этом надежду, не показать хотя бы лучик света в конце туннеля»¹.

К сожалению, нередко публикации и выступления, фокусируя внимание на трагических страницах прошлого, только сеют тревогу, сомнение и не содержат позитивной программы. А как подметила Е. Ржевская, «и раскрытые «белые пятна» могут отчасти вновь подернуться «белыми пятнами» схематизма»². Так будет происходить всякий раз, когда, сняв с исторического прошлого одну трафаретную рамку, мы будем его подгонять под другую.

Уже упоминавшийся нами А. Зиновьев в интервью «Московским новостям», характеризуя «сталинскую эпоху», как он ее называет, пришел к выводу, что, «не смотря ни на что, это была великая эпоха. Она была

---

¹ «Правда», 1988, 4 ноября.

² «Советская Россия», 1989, 3 февраля.

страшной, трагичной. В ней свершались бесчисленные преступления. Но сама она в целом не была преступной... Я не оправдываю ужасов сталинской эпохи. Я лишь защищаю объективный взгляд на нее. И я презираю тех, кто сегодня наживается на критике безопасного для них и беззащитного прошлого».

Мне практически не приходилось ничего читать из того, что вышло из-под пера А. Зиновьева, кроме небольшого опуса, распространявшегося «самиздатовским» путем. Говорят, что он пишет сатирические произведения. То, что мне попало на глаза, отдавало скорее ерничанием. Случайное это впечатление или нет — не знаю. Но в данном случае Зиновьев, который мог бы затаять обиду на общество, вне рамок которого он оказался, дает ему более честную и верную оценку, чем те, кто живет на Родине и плюет в колодезь, из которого не перестает пить.

* * *

Встреча с этим городом всегда волновала меня. Ленинград любят, вероятно, все, кто хотя бы однажды побывал в нем. А для меня — это город довоенного детства, город суровой блокадной поры. И, когда бы я сюда ни приезжал, новые впечатления жили во мне одновременно с воспоминаниями, то радостными и яркими, то мрачными и тягостными.

Часть детства я прожил на тихой Тамбовской улице, начинающейся у Обводного канала и упирающейся в Расстанную. После того как семья покинула Ленинград, я вновь попал на эту улицу спустя двадцать с лишним лет. Попал, можно сказать, случайно.

В то время я работал в «толстом» научном журнале и приехал к ленинградским ученым, чтобы провести читательскую конференцию. Меня встретили на вокзале, повезли устраиваться в гостиницу «Киезская». Свободных мест утром не было. Номер обещали после полудня.

Рабочий день пролетел быстро. Вечером ленинградцы предложили по случаю моего приезда посидеть в одном из престижных ресторанов (время было запойно-застойное). Но меня больше беспокоил ночлег.

Когда удалось дозвониться до гостиницы, мне предложили быстро приехать и оплатить номер. Рисковать я не хотел и, извинившись перед гостеприимными хозяевами, распростился с ними до утра. Впрочем, они не

особенно огорчились и отправились в ресторан без меня. Ведь повод-то был.

Получив ключи от номера, я забросил в него портфель с бумагами и пожитками и спустился поужинать в ресторан — неуютное длинное, слабо освещенное помещение с низким потолком. В зале было много свободных столиков, лишь кое-где сидели посетители — в основном командированные. Играл оркестр — трое или четверо унылых музыкантов разного возраста, которыми руководил чернявый молодой человек болезненного вида. Он брал то скрипку, то аккордеон, а то садился за пианино и солировал. Но, что бы оркестр ни исполнял, быструю или тягучую мелодию, музыка получалась жиденькая и скучная. Иногда в круг перед оркестром входили одна-две пары — чаще всего женщина с женщиной — и танцевали. Тоже невесело.

Я поднялся в душный, пропитанный табачным запахом номер. Открыл окно. В комнату ворвался морозный воздух. Черноту позднего вечера разрывали редкие фонари, очерчивавшие контуры заснеженной площади. Только у автовокзала было посветлее. Время от времени к нему деловито подкатывали автобусы, вздыхали дверями и, проглотив в свое чрево двух-трех пассажиров, убывали. Простучали колеса электрички.

Внизу у подъезда гостиницы гортанно взорвались и быстро смолкли возбужденные голоса. На мгновение воцарилась почти полная тишина. И не знаю почему, только в этот миг в номере незнакомой мне гостиницы, глядя на незнакомую площадь, я вдруг осознал, что где-то совсем рядом четверть века назад пролетели семь лет моего беззаботного довоенного детства.

Нет, я не могу сказать, что никогда не вспоминал о тех местах, с которыми оно было связано. Вспоминал, и довольно часто. Память на улицы и переулки у меня всегда была очень хорошая. Когда я на время погружаюсь в то очень далекое прошлое, «торный» путь от дома до центра Невского, где жили наши родственники, возникает в памяти как быстро прокручиваемая кинолента, на которой мелькают не только дома, но и витрины магазинов, афиши кинотеатров, трамваи и автомашины. Даже силуэты людей. На любом «кадре» ее можно остановить, и тогда оживает городской пейзаж — то зимний, то летний, то дневной, то вечерний, в том или ином месте Невского, Лиговки, Тамбовской, Расстанной — все зависит от запомнившегося эпизода.

Но до этого позднего вечера, вспоминая о ленинградской поре детства, я никогда не стремился побывать там, где оно проходило, хотя возможности для этого были. Почему? Видимо, потому, что, когда был молод, жил динамичным настоящим и радужными надеждами на будущее. В такой жизни для походов в прошлое времени не оставалось. Да и цены им до поры до времени я не знал.

А здесь ностальгическое чувство захлестнуло меня, и через минуту я был на площади. Слегка морозило. Крупные редкие снежинки так медленно опускались на землю, ночь была такой темной, что казалось, будто меня окружают декорации второй картины третьего акта «Пиковой дамы» на сцене Большого театра. Тем более что рядом был канал.

Я повернулся к нему спиной. Надо было сориентироваться: раньше Тамбовская улица заканчивалась у Обводного канала колхозным рынком. Слева рынка не могло быть — там возвышалась железнодорожная насыпь. Посмотрим, что справа. Я вышел на набережную. Невдалеке был виден мост, а левее светились огни кинотеатра. Все правильно. Я с детства помнил этот кинотеатр на противоположной стороне Лиговского проспекта. В нем я смотрел по крайней мере несколько кинофильмов, но ассоциируется он у меня только с одним — с «Волочаевскими днями». В тот раз я очень волновался, сумеет ли отец достать билеты и пустят ли меня на вечерний сеанс. А с подсвеченной афиши глядел солдат с искаженным в крике лицом, в папаше с красной лентой, с винтовкой в выброшенной вперед руке. За ним виднелись окопы, проволочные заграждения и маленькие фигурки бегущих в одном направлении людей. Одни — без оружия с поднятыми руками — японцы, другие — с ружьями и саблями — красноармейцы. Может быть, из-за того, что я перед фильмом сильно переживал, многие его кадры хорошо запомнились. И потом, когда сорок лет спустя я смотрел фильм по телевидению, эти кадры странно вплетались в забытый, а потому новый для меня сюжет.

Итак, канал и кинотеатр на месте, а рынка нет. Очевидно, что на его месте стоят и гостиница, и автовокзал. Значит, Тамбовская где-то совсем рядом. Но, даже понимая это, я не ожидал, что, перейдя площадь, через несколько шагов увижу эмалированную табличку со знакомым названием.

Передо мною открылась перспектива узкой, слабо освещенной улицы с невысокими домами. Такой я ее и помнил. Только в детстве она казалась пошире, да не было асфальта, заменившего булыжник мостовой и квадратные плиты тротуара, да в окнах светились не многорожковые люстры, а красные, зеленые, синие уютные абажуры. Но в целом облик улицы был прежним, и поэтому мне стало хорошо и немного грустно. Стояла тишина. Ни машин, ни запоздалых прохожих. Только изредка доносился неясный шум проходивших поездов.

Конечно, всех домов на улице я не запомнил, но ближе к ее середине должен был быть верный ориентир, если его пощадила война, — здание клуба из нештукатуренного кирпича. По представлениям, вынесенным из детства, до него было еще далеко. Но это по представлениям человечка, шагающего за руку с мамой и глазеющего на редкие автомобили и частых извозчиков, на воробьев, слетевшихся к дымящимся шарам конского помета, на таких же глазастых малышей с нехитрыми, но яркими игрушками в руках, купленными на рынке. Теперь же неожиданно быстро за чугунной оградой возникли знакомые очертания красного особняка. Вот, пожалуй, когда впервые в полной мере я ощутил сладость приятных воспоминаний, предвкушение встречи с прошлым.

В нескольких шагах за перекрестком начинался квартал моего детства, а второй или третий его дом по правой стороне — дом, в котором пролетели первые семь лет моей жизни.

Подъезд, в который я входил тысячи раз, освещен тусклыми пыльными лампочками и окрашен, кажется, в тот же самый мрачный грязно-зеленый цвет, что и несколько десятилетий назад. Медленно поднимаюсь на третий этаж и останавливаюсь у старой темно-коричневой двери. За ней квартира, в которой не осталось ничего из тех, кто здесь когда-то жил.

Пытаться зайти — и поздно, да и незачем. Прежнюю квартиру я помню очень хорошо, а нынешняя — чужая — может только развеять тепло прежних воспоминаний. Так же медленно я спускаюсь по лестнице, перехожу на противоположную сторону улицы и нахожу взглядом знакомый маленький балкон с железным ограждением. За окном красным пятном светится чужой торшер. Я знаю, что он освещает узкую комнату с

круглой печкой у двери (если, конечно, печка сохранилась). Пора возвращаться. На обратном пути я уже ничего не замечал. Память унесла меня далеко в прошлое.

...По ленинградским меркам, наша коммунальная квартира была небольшой — шесть семей, шестнадцать жильцов. Парадная дверь (тогда существовало такое понятие, ведь были еще двери «черного» хода) скрывала за собой просторную и, что удивительно, незахламленную прихожую. Левый проем вел в узкий коридор, в который выходили двери пяти жилых комнат, справа была дверь в еще одну очень маленькую комнату с окном во двор и вход на кухню. Добрую треть кухни занимала широкая плита с многочисленными конфорками.

Я почти не помню, чтобы в прихожей и коридоре горел свет. Они освещались через окошки над дверями. Поэтому в них всегда царил таинственный полумрак, а в темных углах жили персонажи «страшных» сказок и историй, что заставляло всегда быть начеку.

Население квартиры было весьма «пестрым» по составу: семья единственного человека с высшим образованием — инженера с женой — воспитательницей детского сада и двумя детьми, ломовой извозчик, мой любимец дядя Осип и его супруга — продавщица гастронома, рабочий мясокомбината дядя Вася с говорливой цыганского вида женой тетей Гулей, замкнутый финн — командир-танкист, неразговорчивость которого полностью компенсировала добродушная, веселая тетя Тюня, которая если и ругалась, то только на своего упрямого белобрысого сына Эйно, и, наконец, молодой видный инструктор Осоавиахима с женой, не оставившей в моей памяти никакого следа.

Как в любой коммунальной квартире, в нашей случалось всякое, но хорошо помню, что только между женщинами: спорили и ссорились из-за конфорок на плите, очереди на уборку мест общего пользования, да и просто из-за сгоряча сказанного слова. Иногда кто-то с кем-то не разговаривал несколько дней. Но постоянных антипатий не было. Быть может, чуть особняком держалась семья инженера — все-таки с высшим образованием. Если кому-то приходилось тяжело, одолевала болезнь, не с кем было оставить ребенка — на помощь приходили безоговорочно. Сколько раз я дремал под боком у дяди Осипа, укрытый тулупом, пропитанным вкусным лошадиным запахом, сколько раз с аппетитом

и без капризов столовался у тети Нюры и тети Тюни, оправдывая поговорку, что чужая еда всегда вкуснее. Сколько раз в комнате инженера вместе с его сыном Юркой и Эйно смотрел один и тот же диафильм на стеклянных пластиночках про глупого маленького мышонка, хором декламируя стихи Маршака.

Одно из самых устойчивых впечатлений — вечерние сборы на кухне, на которых присутствовала почти вся квартира. Высоко под потолком тускло горит пыльная, засиженная мухами единственная лампочка. В воздухе витают сложные запахи нескольких готовящихся ужинов и впрок на два дня — обедов. Хозяйки снуют между плитой и кухонными столами, а мужчины сидят на табуретках, курят и обсуждают интересные новости: сверхдальние перелеты, дрейф папанинцев, войну в Европе. Мы — трое мальчишек-погодков, из которых я самый младший, стараемся не шуметь, чтобы нас не прогнали. Нередко кто-нибудь из мужчин читает вслух газету с выступлениями руководителей партии и правительства, с комментариями международного положения. В таких случаях нас надолго не хватало, и мы стремительно пересекали темную и страшную прихожую, чтобы в теплой и светлой комнате развернуть боевые действия оловянных солдатиков трех соперничавших армий.

Я ни в коем случае не хочу приукрашивать жизнь «коммуналок». По бытовым условиям она была тяжелой. Но общение между соседями, взаимовыручка были, несомненно, большими, и нельзя было даже допустить, что вы годами можете не знать тех, кто живет рядом, как это ныне нередко случается с соседями по лестничной клетке. Не исключено, что нашей «коммуналке» повезло — все праздники становились общими. Вместе пекли пироги, делали самодельные игрушки на новогоднюю елку, угощали друг друга «фирменными» блюдами, стучали в стенку, приглашая в компанию. Но, определенно, взаимная тяга людей была большей.

Помню, как весь подъезд готовился к постановке «Женитьбы Бальзаминова»: разучивали роли, шили костюмы, что-то брали в клубе напрокат. Все роли играли женщины. Мама была и режиссером, и исполнителем одной из мужских ролей. В подъезде пространство слева от лестницы было завешено простынями, за ними была гримерная. Действие разыгрывалось в метре от первого ряда скамеек и табуреток. Весь «зрительный зал» был

забит сидящими и стоящими. Реакция зрителей была доброй и шумной.

Самые яркие впечатления детства — праздники.

На парад и демонстрацию последние два предвоенных года я ходил с отцом на трибуну. Мы оставляли маму у родных, а сами через Аничков мост шли к Зимнему. Рдеющие флагами и транспарантами колонны демонстрантов уже подтягивались к Дворцовой площади. Гремели оркестры, громко распевались народные, революционные и советские песни — кто кого перепоеет. В витринах взгляд приковывали яркие детские рисунки, посвященные празднику. После окончания демонстрации мы возвращались по набережной Невы, чтобы посмотреть на расцвеченные флагами военные корабли. А вокруг — усталые, возбужденные, по-праздничному одетые люди с галдящими ребятишками на плечах, с гармониями, гитарами, балалайками, нередко уже навеселе. Они ручейками растекались с набережной в выходившие на реку улицы, чтобы перенести праздник в круг друзей и близких. Возможно, вы скажете, что я идеализирую прошлое, смотря на него детскими глазами. Очевидно, элемент такой идеализации есть. Но не надо забывать, что, как утверждают современники, время было такое, когда стремительные перемены, свидетелями и творцами которых они были, способствовали идеализации настоящего во имя казавшегося близким идеального будущего. Эта идеализация сыграла огромную роль в судьбе страны на том этапе ее развития, в сохранении ее целостности, независимости перед лицом страшной угрозы.

Г. Бордюгов и В. Козлов верно подмечают, что в противоречиях общества, ставшего на путь социализма, было заложено две тенденции — демократическая и авторитарная. В силу определенного сочетания объективных и субъективных факторов победила авторитарная. Но социалистический идеал продолжал жить в сознании людей, в социально-экономических, политических и идеологических структурах. «Он, этот идеал, воплощенный в трудах и делах миллионов людей, а не сталинская «чрезвычайщина», сохранил наше общество в годы Великой Отечественной войны. Он существовал и как некое социальное качество, и как гражданский эталон»¹.

---

¹ «Литературная газета», 1988, 12 октября.

*Каждый человек может заблуждаться,
но упорствовать в заблуждении
может только глупец.*

Цицерон

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...

Итак, с осени 1939 года в Европе шла война. Начало ее было весьма бурным: 1 сентября Германия напала на Польшу, 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии, 16 сентября польское правительство бежало в Румынию. 17 сентября Красная Армия вступила на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, отторгнутые от нашей страны в 1921 году. С конца сентября Польша на несколько лет прекратила существование в качестве независимого государства, хотя мужественный гарнизон военной базы на полуострове Хель капитулировал только 2 октября, когда у него не осталось боеприпасов.

Заметим, что новая граница СССР в основном совпала с так называемой линией Керзона, которая в

1919 году была рекомендована Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. С этого момента война отодвинулась от рубежей СССР более чем на тысячу километров и по всем внешним признакам долгое время не грозила перерасти в мировую.

В историю этот ее период вошел под названием «странной войны».

Англия и Франция явно демонстрировали Гитлеру, что не хотят вести войну всерьез. Если бы у них было иное намерение, они, пока главные силы Германии были задействованы в Польше, могли без большого риска сокрушить линию ее обороны на Западе. Сухопутная армия Франции считалась в то время сильнейшей в Европе: 90 дивизий имели на вооружении 19 тысяч орудий и минометов, 2,5 тысячи танков, воздушный флот насчитывал 1400 самолетов. А за линией Зигфрида — укрепления немецкой границы — стояли лишь 8 полнокровных дивизий с трехдневным боезапасом и 23 необученные резервные дивизии¹. Не забудем еще немалые вооруженные силы Великобритании, особенно воздушный и военно-морской флоты.

Немецкое командование весьма опасалось начала военных действий на Западе. Начальник штаба оперативного руководства германского верховного командования Йодль заявил на Нюрнбергском процессе: «Если мы еще в 1939 году не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездейственными»².

О страхах верхушки вермахта пишет и Уинстон Черчилль, подчеркивая, что только деспотическая власть, воля и «пятикратно оправдавшиеся политические суждения Гитлера, который считал, что Франция и Англия воевать не хотят», заставили германское командование пуститься на то, что оно считало неоправданным риском³.

Но очевидно, что при всей своей бравате столкновения с Францией и Великобританией боялся и Гитлер. Во всяком случае, как свидетельствует Ф. Гальдер, когда союзники объявили войну, фюрер дал указание на-

¹ «Московская правда», 1989, 1 сентября.

² Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 1. М., 1974, с. 196.

³ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955, т. 1, с. 434—435.

летов на Англию не производить, ограничившись ударами по флоту, а в отношении французов предпринимать только ответные меры¹.

Панические настроения в начале войны наблюдались и среди населения. Находившийся в это время в Берлине корреспондент ТАСС И. Ф. Филиппов вспоминает, что многие немцы опасались поддержки Польши со стороны Англии и Франции. Циркулировали слухи о большом количестве английских самолетов, прибывших в Польшу, об английском военно-морском флоте, якобы направившемся в Балтийское море. Когда однажды ночью в городе по ошибке объявили воздушную тревогу, переполошившиеся зенитчики открыли ураганную беспорядочную стрельбу по несуществующим целям, перепугав население столицы². Но опасения немецкого обывателя были напрасны. Никто не собирался всерьез воевать с Германией из-за Польши.

Характерно, что в дневниках Ф. Гальдера с осени 1939 года по весну 1940 года практически отсутствуют упоминания о боевых действиях на западной границе Германии, между тем как тема разработки планов внезапного вторжения во Францию через Бельгию и Голландию усиливается.

Время от времени появляются записи, подобные следующим:

— Главком приказал: не вызывать без надобности огнем ответный огонь противника. Ответный огонь вести лишь в случае необходимости (12 октября).

— Я не разделяю мнение командования группы армий «А», что на линии Мажино следует в скором времени ожидать сильного контрнаступления противника с далеко идущими целями (3 ноября).

— Некоторые офицеры Генерального штаба ведут на фронте разговоры на тему: что, собственно, делают дивизии? (20 декабря)³.

А в самом деле, что делали на фронте дивизии?

Две армии — французская и немецкая — засели друг против друга в хорошо укрепленных и вполне удобных для жизни оборонительных линиях. По утрам на виду у противника занимались гимнастикой; с примелькавшимися лицами обменивались приветствиями. Но быва-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1968, т. 1, с. 99.

² Филиппов И. Ф. Записки о «третьем рейхе». М., 1970, с. 42.

³ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 1, с. 155—156, 173, 207.

ло, что и перестреливались, использовали громкоговорители для словесных дуэлей. Возможно, читатель решит, что автор преувеличивает. Нет, он лишь изложил факты. Вот что писал о ходе этой войны в конце 1939 года Уинстон Черчилль: «Тишину на Западном фронте нарушал лишь случайный пушечный выстрел или разведывательный патруль. Армии изумленно смотрели друг на друга из-за своих укреплений через никем не оспариваемую «ничейную землю»¹.

Тем самым руководство Франции и Англии старательно демонстрировало условность объявленной войны, а гитлеровцы делали вид, что они поддерживают предложенную игру.

Турецкий дипломат и писатель Якуб Кадри Караосманоглу, который во время «странной войны» находился в Голландии, так описывает свои впечатления: «Иногда происходили небольшая перестрелка и разведывательные вылазки. Потом наступало долгое затишье, бездействие. Казалось, что французские солдаты нашли исключительно комфортабельными окопы линии Мажино и погрузились в глубокий сон, а вермахт свернулся как удав и лег, чтобы переварить Польшу, проглоченную незадолго до этого. А где были и чем в это время занимались англичане? Это мало кому было известно...»²

На заданный вопрос отвечает другой дипломат — В. Путлиц. Благодаря своим связям с английской разведкой он в самом начале войны сумел бежать из германского посольства в Амстердаме. «Странную» войну беглец наблюдал уже с Британских островов: «Почти каждую неделю происходили события; с ужасающей ясностью доказывавшие, что правительство Чемберлена относится к войне несерьезно или же воображает, что может выиграть ее левой ногой. На фронтах вообще ничего не происходило. Не было даже и речи о том, что союзники начнут наступление. Это бездействие повсюду характеризовали как фальшивую, ненастоящую войну. Жизнь в стране шла так же, как до сих пор... Не было заметно никаких ужасов войны. Напротив, жизнь благо-

---

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955, т. 1, с. 501.

² Караосманоглу Якуб Кадри. Дипломат поневоле. М., 1978, с. 177—178.

Линия Мажино — система французских укреплений на границе с Германией протяженностью около 400 км. Считалась неприступной, но оказалась бесполезной, поскольку немецкие войска обошли ее с фланга.

даря войне, казалось, стала более пикантной и привлекательной»¹.

Десять английских дивизий, переправившихся на континент, вообще не находились в соприкосновении с противником. Поэтому, как вспоминает У. Черчилль, для приобретения опыта английское командование попеременно посылало бригады на участок французов возле Меца: «Там, по крайней мере, иногда действовали патрули»². Такая ситуация на фронте была выгодна только Гитлеру, методично готовившемуся к очередному блицкригу.

Самое интересное заключается в том, что «странная война» была запрограммирована Англией и Францией задолго до ее начала. Еще в апреле на совместном штабном совещании представители их вооруженных сил условились придерживаться на начальной стадии возможной войны стратегической обороны, а наступательные меры ограничивать такими, которые «вызывали бы дезорганизацию экономики противника, препятствуя ведению им войны»³. И это решение принимается всего через несколько дней после того, как Великобритания и Польша заключают соглашение о взаимной помощи. Не правда ли, в этих условиях соглашение выглядит как намеренная политическая провокация?

Но фактически не было сделано даже того, о чем улавливались. Об этом свидетельствует следующий пример. Министра авиации Великобритании сэра Кингсли Вуда посетил влиятельный консерватор — член парламента. Он предложил, чтобы английская авиация подожгла Шварцвальд, где у немцев хранились большие запасы лесоматериалов. «Что вы, это невозможно, — воскликнул Вуд. — Это же частная собственность. Вы еще попросите меня бомбить Рур»⁴. Напомним, что Рур был главной угольно-металлургической и химической базой Германии.

Об отношении официальных западных кругов к войне с Германией красноречиво свидетельствует следующее высказывание министра внутренних дел Франции Альбера Сарно в парламенте, сделанное уже во время войны: «Единственная опасность, которой нам надо на самом деле бояться — это большевизм. Германская

¹ Путлиц В. По пути в Германию. М., 1957, с. 278—279.

² Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955, т. 1, с. 247.

³ Цит. по: «Новое время», 1987, № 39, с. 20.

⁴ Мосли Л. Утраченное время. М., 1972, с. 373.

опасность по сравнению с ней ничто. Мы могли бы договориться с Германией»¹. Здесь и отношение Франции к объявленной ею самой войне, здесь и приглашение Гитлеру к совместной борьбе с нами — «единственной опасностью».

Из серьезных политиков мало кто не разгадал действий союзников. Шарль де Голль писал: «Когда в сентябре 1939 года французское правительство по примеру английского кабинета решило вступить в уже начавшуюся к тому времени войну в Польше, я несколько не сомневался, что в нем господствуют иллюзии, будто бы, несмотря на состояние войны, до серьезных боев дело не дойдет»². И я еще раз хочу задать вопрос — имели право не предвидеть эти настроения политики в Советском Союзе? Безусловно, они учитывали реалистичности своего времени. «Странная война», которая выразилась в полном бездействии англо-французских войск на границе с Германией с сентября 1939 года по май 1940 года, явилась еще одним свидетельством ненадежности опоры на Францию и Великобританию.

Можно с полным основанием утверждать, что с того момента, как союзники предложили Гитлеру игру под названием «странная война», была утрачена последняя возможность предотвратить самую крупную бойню в истории человечества.

Для нашей страны мировая война отодвинулась на неполных два года, которые надо было использовать с максимальной пользой для повышения обороноспособности. Но на политическом горизонте стал прорисовываться локальный конфликт, грозивший перерасти в войну.

В докладе о внешней политике страны, который сделал председатель СНК СССР и он же наркоминдел В. М. Молотов на внеочередной сессии Верховного Совета СССР (31 октября), значительное внимание было уделено отношениям с Финляндией и ходу переговоров с ее правительством.

Молотов проинформировал, что правительство СССР предложило заключить советско-финский пакт о взаимопомощи, который был отвергнут со ссылкой на абсолютный нейтралитет Финляндии. Тогда СССР попросил отодвинуть границу на север от Ленинграда на несколько десятков километров (она проходила в 32 километрах

¹ Цит. по: Краминов Д. В орбите войны. М., 1986, с. 107.

² Шарль де Голль. Военные мемуары. М., 1957, т. 1, с. 56.

от города) и обязался взамен передать территорию Карелии, превышавшую в два раза ту, которую Финляндия уступила бы. При этом Молотов подчеркнул, что утверждения, будто наша страна требует передачи Выборга и северной части Ладожского озера — «чистый вымысел и ложь». Были и другие проекты переговоров, в том числе — об аренде небольшого участка финской территории в районе входа в Финский залив в целях создания там советской военно-морской базы.

В докладе отмечалось, что разногласия на переговорах еще не преодолены, но высказывалась надежда, что «при наличии доброй воли финляндское правительство пойдет навстречу нашим минимальным предложениям, которые не только не противоречат национальным и государственным интересам Финляндии, но укрепляют ее внешнюю безопасность и создают широкую базу для дальнейшего широкого развития политических и хозяйственных отношений между нашими странами»¹.

Спустя три дня в «Правде» появилась статья без подписи «К вопросу о советско-финляндских переговорах» с подзаголовком «Министр иностранных дел Финляндии призывает к войне с СССР». В ней цитировалось заявление министра Эркко о том, что Финляндия не может пойти на предложение Советского Союза и будет защищать любыми средствами свою неприкосновенность и независимость. Эркко подчеркивал, что его страна знает, на какие силы может опереться, какие силы могут обеспечить ее нейтралитет и свободу в случае угрозы безопасности. Высказываниям министра давался комментарий².

В прессе все чаще появляются материалы о подготовке Финляндии к войне, об антисоветской кампании в стране. В середине ноября стало известно, что финская делегация, возглавлявшаяся Паасикиви и Таннером, вернулась с переговоров, проходивших в Москве. Компромиссное решение не было найдено.

27 ноября в газетах было опубликовано сообщение о том, что накануне финская артиллерия обстреляла наши войска, в результате чего имеются убитые, раненые. В ноте Советского правительства отмечалось, что сосредоточение финских войск под Ленинградом не только создает угрозу городу, но и представляет враждебный акт против СССР; подчеркивалось, что Советское прави-

¹ «Правда», 1939, 1 ноября.

² Там же, 3 ноября.

тельство не намерено раздувать этот возмутительный акт, но, заявляя решительный протест по поводу случившегося, предлагает незамедлительно отвести финские войска на Карельском перешейке на 20—25 километров, чтобы предотвратить возможность повторных провокаций¹.

И сразу на газетные полосы хлынули сообщения с митингов трудящихся: «Немедленно отвести финляндские войска подальше от советской границы», «На удар провокаторов ответим тройным ударом», «Пусть авантюристы пеняют на себя», «Краснознаменный Балтийский флот готов сокрушить врага», «Терпению есть предел»...

Через день финны отклонили протест, предложив версию несчастного случая «при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне», выразили готовность совместно провести расследование и начать переговоры об обоюдном отводе войск от границы. В ответной ноте, составленной в резких тонах, ключевой фразой была следующая: «Советское правительство считает себя вынужденным заявить, что с сего числа оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией и систематически нарушаемого правительством Финляндии»². В тех же номерах газет, где публиковались ноты, было сообщено о новых провокациях — попытках захвата нашего наряда, закончившихся пленением трех финских солдат, перехода границы небольшими группами пехоты.

29 ноября по радио выступил В. М. Молотов. Изложив советскую трактовку отношений с Финляндией и событий последних дней, он заявил о немедленном отзыве из Хельсинки наших представителей и сообщил, что Главное командование Красной Армии и Военно-Морского Флота получило распоряжение быть готовым ко всяким неожиданностям и немедленно пресекать возможные новые вылазки со стороны финляндской военщины. Молотов заверил, что СССР не преследует цели захвата чужой территории, не покушается на независимость Финляндии и не сомневается, что «благоприятное разрешение задачи обеспечения безопасности Ленинграда послужит основой нерушимой дружбы между СССР и Финляндией»³.

¹ «Правда», 1939, 27 ноября.

² Там же, 29 ноября.

³ Там же, 30 ноября.

А назавтра была война.

По утверждению Н. С. Хрущева, который в день ее начала находился на кремлевской квартире И. В. Сталина, руководство страны было убеждено, что финны в конце концов согласятся с предъявленными территориальными требованиями и до войны дело не дойдет¹. Но она началась.

Можно ли было ее избежать? Академик А. Самсонов пишет, что мы действительно нуждались в том, чтобы отодвинуть границу на Карельском перешейке. «Но очевидно, что эту неотложнейшую задачу надо было решать — во всяком случае, стараться решить — политическими средствами. Демагогические рассуждения о том, что Финляндия-де первая начала против нас военные действия, не должны прикрывать грубого нарушения норм международного права»².

Американский историк Б. Лиддел Гарт, ссылаясь на финскую «Белую книгу», пишет, что СССР давал своему северному соседу дополнительно 2134 квадратные мили в самом узком месте его территории, а взамен просил уступить 1066 квадратных миль. По мнению Гарта, «объективное изучение этих требований показывает, что они были составлены на рациональной основе с целью обеспечить большую безопасность русской территории, не нанося сколько-нибудь серьезного ущерба безопасности Финляндии. Безусловно, все это помешало бы Германии использовать Финляндию в качестве трамплина для нападения на Россию. Вместе с тем Россия не получала какого-либо преимущества для нападения на Финляндию... Однако финны отвергли и это предложение»³.

Надо напомнить, что столь важные для обеих стран переговоры не по вине советской стороны тянулись еще дольше, чем англо-франко-советские: с перерывами они шли с апреля 1938 года по 13 ноября 1939 года, когда их прервала финская сторона, поскольку, по словам министра иностранных дел Э. Эркко, у нее есть «более важные дела»⁴. Такое заявление не способствовало взаимопониманию соседей.

Настораживало и то, что переговоры, в которых участвовал Сталин, с финской стороны вели не первые ли-

¹ «Огонек», 1989, № 30, с. 11.

² «Родина», 1989, № 1, с. 79.

³ Гарт Б. Лиддел. Вторая мировая война. М., 1976, с. 56.

⁴ «Правда», 1989, 6 августа; «Огонек», 1989, № 22, с. 29.

ца, как можно было бы ожидать, учитывая «весовые категории» сторон. Будущий президент послевоенной Финляндии, опытный дипломат Ю. Паасикиви и во многом тормозивший его усилия лидер правых социал-демократов, министр финансов В. Таннер не имели даже полномочий на подписание соглашений с СССР. Во время последнего этапа переговоров обе стороны уже вели интенсивную подготовку к возможному конфликту на Карельском перешейке.

Можно (и, вероятно, нужно) оправдать обеспокоенность руководства страны за безопасность многомиллионного города, крупнейшего промышленного центра, торгового и всенного порта, памятника истории государства и колыбели социалистической революции. Можно в принципе понять раздражение вызывающей позицией правительства Финляндии в очной и заочной полемике, его публичными ссылками на поддержку некими могущественными силами.

Но иные чувства вызывает следующий факт. 2 декабря появилось сообщение о том, что «по соглашению представителей ряда левых партий и восставших финских солдат образовалось новое правительство Финляндии — народное правительство Финляндской демократической республики»¹. Возглавил его Отто Куусинен. Одновременно публиковались радиоперехват (!!) декларации этого правительства, сообщение об установлении дипломатических отношений между СССР и ФДР и первые репортажи с собраний и митингов трудящихся (когда успели?) в поддержку нового правительства. Без чувства, скажем, неловкости их читать невозможно. К сведению молодых читателей, О. В. Куусинен до Октябрьской революции боролся против царизма, несколько лет возглавлял Исполком Финляндской социал-демократической партии, участвовал в революционном правительстве, в создании Компартии Финляндии, долгие годы был секретарем Исполкома Коминтерна, а после завершения советско-финской войны в течение 18 лет возглавлял Президиум Верховного Совета Карело-Финской ССР (сейчас Карельская АССР). Входил в Президиум ЦК КПСС, работал секретарем ЦК КПСС. Руководство «народным правительством» не нашло отражения в его официальной политической биографии.

Война с Финляндией не принесла славы нашему оружию. Она велась в основном на Карельском перешейке

¹ «Комсомольская правда», 1939, 2 декабря.

и вплоть до февраля — марта, когда была наконец прорвана хорошо укрепленная «линия Маннергейма», характеризовалась крайне медленным продвижением Красной Армии, которой противостоял ожесточенно сопротивлявшийся, хорошо подготовленный к войне противник. До 1 февраля, когда началось решающее наступление, то есть за два месяца, продвижение войск на разных участках фронта составило от 25 до 65 километров. С прорывом укрепленной линии катастрофа для Финляндии стала неизбежной, и 6 марта начались переговоры, завершившиеся спустя шесть дней подписанием мира.

Финны лишились большей части территории на Карельском перешейке, чем если бы они согласились на сделанные ранее предложения. Однако, по словам Б. Лиддел Гарта, при коренным образом изменившихся обстоятельствах, новые советские требования были исключительно умеренными, «выдвинув столь скромные требования, Сталин проявил государственную мудрость. На горизонте уже маячила грозная весна 1940 года»¹.

* * *

Советско-финская война связана у меня с довольно емкими воспоминаниями, вероятно, потому, что событие это для шестилетнего мальчишки было будоражащим: одно дело — играть в войну с соседями по квартире и двору, другое — настоящая война.

Ленинград неожиданно стал прифронтовым городом: ведь до границы с Финляндией было всего ничего. На окнах появились шторы из черной плотной бумаги. По темным улицам ходили активисты, помогавшие милиции и работникам домоуправлений проверять надежность затемнения. Вечером по городу медленно ползли автомашины, трамваи и троллейбусы, символически освещая себе дорогу синим светом фар. Проводились учебные тревоги. Некоторые граждане щеголяли на улицах зелеными и серыми сумками, в которых были упрятаны противогазы. Появился маленький противогаз и у меня. Я с радостью ухватился за новую игрушку, но оказалось, что дышится в нем плохо, а резина сильно стискивает лицо и тянет за волосы. Интерес к противогазу быстро угас.

Мама вступила в кружок Осоавиахима. Я часто ходил

---

¹ Гарт Б. Лиддел. Вторая мировая война. М., 1976, с. 57.

вместе с ней к небольшому двухэтажному зданию на Лиговке, во дворе которого вместе со сверстниками катался на санках, пока наши мамы постигали науку оказания первой помощи раненым, гашения зажигательных бомб, ликвидации последствий химических атак и т. д.

В комнате на Невском дядя вывесил карту Ленинградской области, Карелии и Финляндии и красными флажками, насаженными на булавки, отмечал линию фронта, которая надолго застыла на одном месте. Тема войны стала основной на вечерних посиделках на нашей кухне. Сосед — инструктор Осоавиахима авторитетно рассказывал о видах оружия, особенностях финских укреплений, о тактике и вероломстве финских снайперов — «кукушек».

Но, помнится, на кухне почти перестал бывать отец Эйно. Он по-прежнему ходил в военной форме, однако с черных петлиц исчезли миниатюрные танки — предмет моей зависти и гордости Эйно — и пара красных кубиков. Как финна его с началом войны демобилизовали из армии, и он устроился работать на завод. И до этого не очень разговорчивый, отец Эйно ушел в себя, стал мрачным, его лицо как будто почернело. Меньше смеяться и шуметь стала оптимистка тетя Тюня. Лишь Эйно, пожалуй, не изменился и хотя в эту зиму был уже первоклассником, охотно снисходил в играх до меня — безнадежного дошкольника. Только значительно позже я понял, что родители Эйно опасались, вероятно, значительно более худшего — репрессий или высылки из прифронтового города. К счастью, этого не произошло.

Немало было разговоров о трудностях боев в лесистой, заснеженной и хорошо укрепленной местности, о жестокости противника к нашим раненым и пленным. В квартире на Невском был свой источник сведений о войне — ушедшая во фронтовой госпиталь, расположенный почти в черте города, соседка тетя Аня, своими глазами видевшая страдания и смерть людей.

Последние мои воспоминания, связанные с советско-финской войной, относятся ко времени, когда она уже закончилась. Поздней весной 1940 года было почти полетнему тепло. И мы «квартирой» отправились в зоопарк. Вдруг мамы зашушукали: «Смотри, смотри, звезда!» Рядом, перед вольерой с белыми медведями, я увидел нескольких красноармейцев. У одних руки были на перевязи, другие — опирались на палки и костыли.

А на лицах у двоих ярко выделялись неподжившей кожей красные звезды, вырезанные на щеках и на лбу. Мне уже приходилось слышать, что финны проделывали такое с пленными, а увидеть пришлось впервые. Один из раненых, смущаясь общим вниманием и любопытством, прикрывал лицо платком. К сожалению, такта не заметить чужое несчастье, видимо, у многих не хватало.

* * *

Небольшая по масштабам боевых действий и по времени война высветила многое.

Во-первых, она показала, что ни в одном из воюющих лагерей капиталистических стран у нас нет друзей. В стремлении осложнить Советскому Союзу ситуацию, затянуть войну они объединились. Немцы и итальянцы поставляли Финляндии оружие, а англичане и французы готовились послать сотысячный экспедиционный корпус, в том числе Франция — 50 тысяч солдат и 100 бомбардировщиков¹. Как видите, война с Германией ее не очень обременяла.

У. Черчилль по этому поводу вспоминал, что, несмотря на войну с немцами, в Англии, США и особенно Франции было большое желание помочь финнам авиацией, ценными военными материалами и добровольцами. Он в это время был морским министром, и по его предложению правительственный кабинет поручил начальникам штабов разработать план десантной операции в порту Нарвик, принадлежавшем нейтральной (!) Норвегии «для оказания помощи Финляндии»². Правда, за этой «бескорыстной помощью» со всей очевидностью проглядывали интересы самой Великобритании: «Если бы Нарвик стал своего рода союзной базой снабжения финнов, несомненно, было бы нетрудно помешать немецким кораблям грузиться там рудой»³.

Этот план не осуществился, но до поражения Финляндии, кроме 11 тысяч добровольцев, не все из которых успели к боевым действиям, разными странами ей было передано 500 орудий, 350 самолетов, свыше 6 тысяч пулеметов, около 100 тысяч винтовок, 2,5 миллиона снарядов и другое военное снаряжение⁴.

¹ Черчилль У. Вторая мировая война, т. 1, с. 523.

² Там же, с. 496.

³ Там же, с. 500.

⁴ «Огонек», 1989, № 22, с. 30.

Во-вторых, трудный ход советско-финской войны способствовал пересмотру представлений о действительной силе СССР и его армии политиками и военной верхушкой разных стран.

У. Черчилль отмечал, что для Советской Армии это оказалось довольно плохой рекламой. В английских кругах многие поздравляли себя с тем, что не очень рьяно старались привлечь Советы на свою сторону: «люди слишком поспешно заключили, что чистка погубила русскую армию и что все это подтверждало органическую гнилость и упадок государственного и общественного строя русских»¹.

Гитлер и его окружение тем более сделали для себя соответствующие выводы и через хорошо поставленный пропагандистский аппарат приступили к формированию выгодного им представления среди немецких солдат и обывателей о слабости наших Вооруженных Сил. Эти представления крепили на фоне молниеносных побед вермахта сначала в Польше, а позже — в Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, Франции. Приятель турецкого дипломата Караосманоглу — офицер запаса утверждал: «Финская война показала, что представляют собой русские. Оказывается, Красная Армия — это блеф»². С таким твердым убеждением немецко-фашистские войска ворвались на нашу территорию. А уверенность в себе — это важный компонент состояния войска, и ее, как мы знаем, не развеяло даже поражение под Москвой. Потребовался Сталинград, чтобы моральное состояние немецких войск начало претерпевать изменения.

В-третьих, трудно давшаяся победа над Финляндией на фоне блестящих блицкригов Гитлера, судя по всему, породила у Сталина страх перед вооруженным столкновением с германской военной машиной. А это, как мы увидим дальше, сыграло роковую роль в готовности Красной Армии дать отпор первому удару врага.

Но была и положительная сторона неудач победно завершившейся войны: она заставила отрешиться от благодушия, критически взглянуть на состояние Красной Армии, ее вооружение. Несомненно, что если бы этого шока не было, оставшиеся до Великой Отечественной войны год и четыре месяца были бы использованы значительно менее продуктивно.

¹ Черчилль У. Вторая мировая война, т. 1, с. 495.

² Караосманоглу Якуб Кадри. Дипломат поневоле. М., 1978, с. 235.

По «свежим следам», в марте 1940 года, состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), рассмотревшее итоги войны с Финляндией. Оно имело большое значение для дальнейшего развития наших Вооруженных Сил. Как свидетельствует Г. К. Жуков, обсуждение было очень острым. Резкой критике подверглась система боевой подготовки и воспитания войск, был поставлен вопрос о значительном повышении боеспособности армии и флота¹. В середине апреля проводится расширенное совещание Главного военного совета. На него были приглашены участники войны, руководящий состав центрального аппарата, округов и армий. На совещании было высказано много дельных мыслей, в том числе и Сталиным, который призвал отказаться от преклонения перед опытом гражданской войны, шире использовать опыт войны в Европе и с Финляндией².

На основе рекомендаций совещания были приняты важные решения партии и правительства, которые способствовали осуществлению срочных мер по развертыванию серийного производства новых видов вооружения, перестройке системы боевой и политической подготовки войск и штабов, пересмотру их организационной структуры, системы военно-хозяйственного снабжения и т. д.

Но, по мнению адмирала Н. Г. Кузнецова, финская кампания выявила крупные недостатки не только в боевой подготовке войск и флота. Она показала, что организация руководства военными действиями не была достаточно отработана и в центре. Постоянно действующий орган, который координировал бы действия всех родов Вооруженных Сил, отсутствовал. В кабинете Сталина обычно находились лишь нарком обороны и начальник Генерального штаба, да необходимые исполнители. В таком узком кругу принимались крупные решения. Даже нарком ВМФ узнавал о намеченных операциях не от Сталина, а от наркома обороны, причем тогда, когда времени на их подготовку почти не оставалось³. И даже несмотря на суровый урок завершившейся войны, необходимые меры по созданию эффективного механизма управления Вооруженными Силами

---

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974, т. 1, с. 202.

² Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989, с. 185.

³ Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1969, с. 308—309.

в условиях военного времени так и не были приняты. Поэтому полтора тяжелейших для нашей страны месяца лета 1941 года, стоившие нам громадных жертв, потери большой территории и немалой части экономического потенциала, ушли на поиск такого механизма.

Теперьripeло время разобраться в вопросе, были ли мы достаточно сильны, чтобы уже в 1939 году встретиться лицом к лицу с гитлеровской военной машиной, не прибегая к августовскому пакту?

То, что нам известно о ходе советско-финской войны, уже, как мне кажется, позволяет дать однозначный ответ на этот вопрос. Тем не менее рассмотрим некоторые факты и познакомимся с позицией людей, которые жили в накаленной атмосфере последних предвоенных лет, которые понимали, что война неизбежна, противник и его потенциальные возможности известны.

Всегда близкий к военным кругам К. Симонов писал: «Тревожно было представить себе после финской войны и всего на ней обнаружившегося, что мы — вот такие, какими мы оказались на финской войне в тридцать девятом году, — не заключили бы пакта, а столкнулись бы один на один с немцами»¹.

Так что же, утверждения о силе Красной Армии всегда были блефом и первая же серьезная проверка это выявила?

Обратимся к авторитетным свидетельствам. К 1937 году по насыщенности ручными и станковыми пулеметами, а также по количеству пуль, выпускаемых в минуту на одного бойца, Красная Армия превосходила капиталистические армии. К этому времени она располагала 15 тысячами танков и танкеток, отличавшихся высокой огневой мощностью, быстроходностью. Равных им по этим качествам однопипных машин у возможных противников не было. Советская 45-мм противотанковая пушка образца 1937 года могла пробивать броню машин всех типов, стоявших в то время на вооружении армий капиталистических государств. Только в 1937 году наши летчики установили около 30 международных рекордов на дальность, высоту и скорость полета. Это неоспоримо свидетельствовало о том, что технический уровень советской авиации был, во всяком случае, не ниже зару-

---

¹ Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988, с. 88.

бежного... Все эти факты приведены маршалом Жуковым¹.

В чем же дело? Что произошло всего за два года — с 1937-го по 1939 год? Одна из причин ясна — в результате репрессий уничтожены крупные военачальники, носители передовых идей развития армии, авиации и флота, которые оказывали прогрессивное воздействие и на Вооруженные Силы, и на работающие на них отрасли; репрессии ударили по талантливым организаторам производства в этих отраслях, ученым, конструкторам.

Но есть и еще одна причина, возможно, в значительной мере связанная с первой. Среди политических и военных руководителей страны на определенное время воцарилось успокоение. Этому способствовали и рекорды, достижения, которые, по словам наркома авиационной промышленности А. И. Шахурина, создавали атмосферу уверенности в том, что наша страна идет впереди других². Этому способствовали победы нашего оружия над более слабыми противниками. Этому способствовали и личные качества тех, кто стоял у власти.

Жесткая централизация в принятии принципиальных решений открывала дорогу к неограниченному волюнтаризму. В первую очередь, конечно, со стороны И. В. Сталина. Скажем, казалось бы, кому, как не военным морякам, было определять, какие классы кораблей и в каком соотношении строить. Но во многом судьба этого вопроса находилась в руках Сталина, который никогда не был близок к флоту и, понятно, не разбирался в современной морской стратегии.

У Сталина было, например, необъяснимое пристрастие к линкорам и тяжелым крейсерам. Но эти классы кораблей были малоэффективны в мелководных бассейнах, в условиях ограниченных морских театров действий. Однако позиция Сталина в отношении дорогостоящих морских гигантов была твердая: «По копейке соберем деньги, а построим»³. Мы их и строили, начиная с 1937 года. Но как бы судостроители ни спешили, время, отделяющее закладку крупного корабля от ввода его в строй, составляло не менее трех-пяти лет. Понятно, что многого сделать не удалось. В то же время флот нуждался в авианосцах, особенно малых, так как без

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974, т. 1, с. 154—155.

² Шахурин А. И. Крылья победы. М., 1983, с. 8.

³ Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1969, с. 285.

поддержки авиации надводным кораблям уже было трудно действовать. Увы, от рекомендаций моряков отмахнулись. Опасность для корабля с воздуха вообще недооценивалась. На просьбу увеличить выпуск средств ПВО для кораблей была брошена реплика: «Воевать будем не у берегов Америки»¹. А ведь к этому времени в руках военных было достаточно фактов, свидетельствовавших о новой роли авиации в войне как на море, так и на суше.

Это отнюдь не единственные примеры. Не были своевременно и по достоинству оценены перспективы индивидуального автоматического оружия, ракетной артиллерии и авиации, радиосвязи, автомобильного транспорта, средств тяги на гусеничном ходу и т. д. К мнению специалистов неспециалисты, обладавшие правом решающего голоса в определении программы вооружений, до поры прислушивались не всегда. В результате в области вооружений (как, впрочем, и в уровне подготовки армии) мы уподобились стайеру, который долго лидировал, уверовал в свою победу, а отсидевшиеся за его спиной соперники незадолго до финиша сделали неожиданный рывок. Силы у стайера вроде бы есть, да времени догнать ушедших вперед не хватило...

Повторяю, война с Финляндией заставила по-новому взглянуть на состояние Советских Вооруженных Сил, принять верные экстренные меры. Назовем только некоторые факты.

В авиационной промышленности еще в 1939 году Комитет обороны постановил построить девять авиастроительных и семь авиамоторных заводов, а через год принимается решение перевести на выпуск авиационной продукции семь хорошо оснащенных заводов других отраслей. В результате к концу 1940 года она выросла по сравнению с предыдущим годом более чем на 70 процентов². Надо заметить, что такие решения принимались и в интересах прочих оборонных отраслей. Исключительное значение имели постановления об организации массового производства танков в Поволжье и на Урале. И так в каждой отрасли.

В целом оборонная промышленность росла значительно более высокими темпами, чем вся индустрия: за три года третьей пятилетки средний ежегодный прирост производства в промышленности составил 13,2 про-

¹ Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1969, с. 284.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 1, с. 225.

цента, а в оборонной — 39 процентов¹. Акцент был сделан на создание и производство новейших образцов военной техники, которая не только ни в чем не уступала лучшим зарубежным образцам, но и превосходила их.

Впоследствии этот курс целиком себя оправдал. Ведь уже в конце 1939 года были приняты на вооружение танки Т-34 и КВ-1, которые в годы войны не имели себе равных. Несколько раньше успешно прошла полигонные испытания многозарядная пусковая установка для ведения залпового огня реактивными снарядами — «катюша». Были разработаны и приняты в серийное производство новые образцы артиллерийского и автоматического стрелкового вооружения. В невиданно короткие сроки завершились работы по созданию истребителей Як-1, ЛаГГ-3, МиГ-1, скоростного пикирующего бомбардировщика Пе-2, штурмовика Ил-2. Каждая из этих боевых машин отвечала самым высоким требованиям военного времени. Однако, какими бы быстрыми темпами ни росла оборонная промышленность, упущенное наверстать в полной мере не удалось.

Маршал Жуков приводит такую статистику: с начала января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила от промышленности 17,7 тысячи боевых самолетов, из них лишь 3,7 тысячи самолетов новых типов. Примерно 75—80 процентов общего числа машин по своим летно-техническим данным уступали одностипным самолетам фашистской Германии. Если за тот же период армия получила более семи тысяч танков, то новейших КВ и Т-34 заводы успели выпустить всего лишь 1,8 тысячи. Эти танки начали поступать в бронетанковые училища и в войска приграничных округов только со второй половины 1940 года.

Лучше обстояло дело с артиллерией. Приграничные округа были в основном укомплектованы орудиями до штатных норм. Но подводила артиллерийская тяга плохой проходимости, которая не позволяла осуществлять маневрирование вне дорог, особенно в осенне-зимний период. Уже в ходе войны выявилось, что нам не хватало артиллерии резерва Верховного главнокомандования — орудий особой мощности. Она использовалась для усиления артиллерийских группировок на решающих направлениях обороны или наступления.

¹ «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.». Энциклопедия. М., 1985, с. 804.

Совсем неважно обстояло дело с выпуском автоматов. Их с 1939 года было изготовлено меньше даже, чем пулеметов (соответственно 105 тысяч и 85 тысяч). Если учесть, что по штатам военного времени в дивизии полагалось иметь 14,5 тысячи бойцов, то получается, что автоматами можно было вооружить лишь неполных шесть дивизий. Более того, выпуск стрелкового вооружения в это время даже несколько снизился, потому что устаревшие виды снимались с производства, а новые из-за сложности и конструкторских особенностей осваивались заводами с трудом¹.

Тревожным было положение с боеприпасами. В марте 1941 года Генштаб подготовил для ЦК ВКП(б) и СНК СССР специальный доклад, в котором говорилось о чрезвычайно остром положении с артиллерийскими снарядами и минами. Не хватало гаубичных, зенитных и протитанковых снарядов. Особенно плохо было с боеприпасами для новейших артиллерийских систем. Можно с определенностью сказать, что в этом крылась одна из серьезных причин наших поражений в 1941 и 1942 годах.

Г. К. Жуков вспоминал, что председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский и другие товарищи нашли требования Генштаба слишком завышенными и доложили И. В. Сталину, что заявку на 1941 год следует удовлетворить максимум на 20 процентов. Их предложения были утверждены, однако после повторных докладов Сталин распорядился подготовить постановление о производстве значительно большего количества боеприпасов во второй половине 1941 — начале 1942 года². Но, как мы теперь знаем, эта мера запоздала.

Неизбежность вооруженного столкновения с фашизмом со всей остротой поставила вопрос стратегического значения — создания крупных государственных резервов. Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли этому в последние два предвоенных года пристальное внимание. В 1940 году, например, ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров приняли специальное постановление о плане накопления государственных резервов и мобилизационных запасов в этом году³. О том, с какой интенсивностью велась работа по выполнению

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 1, с. 218, 220, 221, 225.

² Там же, с. 239.

³ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1. М., 1970, с. 121.

постановления, говорит тот факт, что за короткое время — с 1940 по июнь 1941 года — резервы и запасы выросли в стоимостном выражении в 2 раза¹. Создавались запасы не только стратегических материалов, но и продовольствия. В полном объеме работу эту завершить не удалось. Очередное постановление партии и правительства, в котором предусматривались мероприятия по образованию государственных резервов и мобилизационных запасов в 1941 году, было принято за несколько дней до начала войны². И хотя запасы, накопленные в предвоенные годы, сыграли существенную роль в обеспечении нужд фронта и тыла, они оказались недостаточными. Особенно остро ощущалась нехватка черных и цветных металлов, нефтепродуктов.

Вот мы и подошли к вопросу о том, в полной ли мере была использована та передышка, которую наша страна получила между сентябрем 1939 года и июнем 1941 года. Судя даже по тем материалам, которые приведены выше, сказать, что в полной — нельзя. Но и отрицать стремление создать наилучшие материальные предпосылки для неизбежной войны тоже было бы неверно, хотя ныне раздаются голоса, что передышка вообще не пошла нам на пользу.

Посмотрите, как росли ассигнования на военные нужды, если за точку отсчета взять 1937 год: 1938 год — 131,4 процента, 1940 год — 324,6 процента. В последний предвоенный год расходы на оборону составили немногим менее трети бюджета страны³.

Маршал Жуков, который скрупулезно проанализировал все недостатки программ вооружений основных родов войск, а также субъективные и объективные их причины, тем не менее считал, что в социальном и экономическом отношении для укрепления обороны страны «делалось все или почти все, что было возможно», а в период с 1939 до середины 1941 года народом и партией были приложены особые усилия для повышения обороноспособности, потребовавшие полного напряжения человеческих и материальных ресурсов. По его мнению, основы экономики страны с военной, оборонной

---

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 12. М., 1982, с. 156.

² История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 121.

³ «Социалистическая индустрия», 1987, 9 июля.

точки зрения были заложены правильно, прочно и своевременно¹.

С тезисом о своевременности, исходя из того, что нам известно, вряд ли можно согласиться. Однако мне хочется привести его указание на обстоятельство, которого нельзя не принять во внимание, если рассматривается предвоенный период. Жуков пишет: «Вспоминая, как и что мы, военные, требовали от промышленности в самые последние мирные месяцы, вижу, что порой мы не учитывали до конца реальные экономические возможности страны. Хотя со своей, так сказать, ведомственной точки зрения мы и были правы.

Например, объективными обстоятельствами лимитировались предложения наркома обороны о расширении массового производства новейших образцов самолетов, танков, артиллерийских тягачей, грузовых автомобилей, средств связи и прочей боевой техники².

И как-то неудобно за легковесность всех тех экономистов, философов, публицистов, которые с серьезным видом, без фактов в руках, толкуют о том, что нужды в форсировании индустриализации не было, что высокие ее темпы нам были не нужны. Доктор философских наук В. Н. Шубкин, например, заявляет: «Я считаю, что проблема форсированной индустриализации была искусственной, искусственно нагнетаемой»³. Так ли это на самом деле? Ведь если такие темпы — не результат ухищрения статистики, как это было в первой пятилетке, то они слагаются не из мифических величин, а из вполне осязаемых результатов человеческой деятельности. Предвоенные темпы складывались из продукции Магнитки и «Уралмаша», Челябинского тракторного и ГАЗа, Днепрогэса и «Калибра», тысяч других старых и новых заводов и фабрик, работавших как на мирные нужды, так и на укрепление обороны. Какие из них нужно было закрыть, не модернизировать, не строить, чтобы не иметь столь высокие темпы роста индустриализации? Что у нас было тогда лишнее — шарикоподшипники, трикотаж, санатории, танки, кинотеатры, металл, кондитерские изделия, пушки, обувь, строительные материалы, жилые дома, уголь, пионерские лагеря, боевые корабли? Вероятно, что-то было, без чего страна могла обойтись. Так

---

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 1, с. 255.

² Там же, с. 214.

³ «Огонек», 1988, с. 12.

давайте об этом скажем. Нельзя же рассуждать столь абстрактно.

Доктор исторических наук Л. А. Гордон вроде бы предметен в своей атаке на предвоенные темпы развития. Он считает, что наши деды и отцы явно перестарались с производством металла: «В конце концов, война-то велась не восемнадцатью миллионами тонн стали, которые были получены в 40-м году, война-то велась половиной этого количества. Ведь половина была потеряна в течение первых месяцев. Значит, на самом деле страна воевала с производственным потенциалом, примерно в полтора раза более низким, чем тот, который был в 41-м году. А такой потенциал скорее всего можно было создать и в рамках нефорсированного развития, в рамках нэпа»¹.

Но как же историк прошел, по крайней мере, мимо двух следующих обстоятельств? Первое. Если в годы войны мы вынуждены были обходиться половиной довоенного количества стали, то расходовали его практически исключительно на нужды обороны. А в 1940 году металл шел не только на создание военной техники, но и на обычные для любой страны цели хозяйственного и социального строительства, на обеспечение как простого, так и весьма бурного в предвоенные годы расширенного воспроизводства. Причем на эти цели шла большая часть металла.

Второе. Историк не заметил, как сам себя опроверг. Он пишет, что мы лишились половины производства металла в первые месяцы войны. И ничего — выжили. Но лишились-то в старых, традиционных районах производства, а та часть металла, с помощью которой мы победили, в значительной мере выплавлялась на предприятиях, созданных восточнее Волги в годы индустриализации. Не было бы их — с чем осталась страна? Если бы те, кто определял в свое время развитие народного хозяйства, рассуждали так, как Л. А. Гордон, они сказали бы: для войны нам достаточно 9 миллионов тонн стали, в 1931 году мы уже производим почти пять, так зачем строить в необжитых районах новые дорогостоящие гиганты, когда на Украине и в центре есть районы освоенные? Именно после ввода в строй мощностей «восточных», Магнитогорского и Кузнецкого комбинатов, начался быстрый рост выпуска металлургической продукции, который долгие годы до этого был весьма вялым:

¹ «Огонек», 1988, с. 12.

с 1929-го по 1932 год выплавка стали увеличилась на один миллион тонн, достигнув 5,9 миллиона, зато в 1933 году — 6,9 миллиона, в 1934-м — 9,7 миллиона, а в 1937 году — уже 17,7 миллиона тонн. Цель была достигнута: мы имели при ударе с востока гарантированную металлургическую базу на западе, при ударе с запада — на востоке; а в мирное время — надежный фундамент развития экономики. Поэтому в дальнейшем рост производства стали был сравнительно незначительным: за три года на 600 тысяч тонн¹. Когда же потребовалось нарастить ее выпуск в годы войны, мы имели предприятия, на которых это можно было сделать, — предприятия, располагавшие необходимыми для этого площадями, коммуникациями, опытом, кадрами и т. д. Нет, не одни дураки сидели тогда в высших хозяйственных органах.

В наших рассуждениях о методах индустриализации и ее темпах нельзя ни на минуту забывать, что политическая ситуация не оставляла времени на медленную раскачку. Это понимало руководство страны. Когда в 1931 году Сталин констатировал, что «мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»², он отразил реальность своего времени. Дальнейшая хозяйственная линия диктовалась этой реальностью. Не было бы Сталина, а был бы другой политик — эта линия, очевидно, проводилась бы с несравненно меньшими жертвами и без крови. Но, если этот политик ставил перед собой задачу выживания страны, социализма, он неизбежно шел бы по пути мобилизации всех сил, всех ресурсов, чтобы создать необходимый экономический потенциал. А главные ресурсы были в деревне.

Эквивалентность нэпа быстрой мобилизации не обеспечивала. Это верно отметил доктор юридических наук Б. Курашвили. Правы и ученые Г. Бордюгов, В. Козлов, когда отмечают, что в конце двадцатых годов запаса времени для маневра уже не было, перспективы проведения индустриализации наименее болезненным для крестьян способом были предельно сужены³. А фактически — это уже целиком на совести политика Стали-

¹ Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936, с. 23; Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977, с. 208.

² «Огонек», 1988, № 12.

³ «Правда», 1988, 30 сентября.

на — не было сделано серьезной попытки облегчить крестьянину то тяжелое, но неизбежное бремя, которое было возложено на его плечи. Вот что заслуживает осуждения потомков, а не то, что страна напрягала все силы, отказывая себе в передышке, для того чтобы выжить. Высокие темпы лишь отражали это напряжение сил.

Вновь обратимся к маршалу Жукову, который жил, работал и воевал в той реальной жизни, о которой мы иногда беремся судить с позиций формальной логики.

Характеризуя разгром гитлеровской Германии как величайший исторический подвиг советского народа, он подчеркивал, что этот подвиг, эта победа начались с того времени, когда советские люди по зову партии взялись за индустриализацию своей страны. Судьба Вооруженных Сил и исход борьбы за свободу и независимость Родины находились в прямой зависимости от темпов индустриализации, от активности, с которой она проводилась в жизнь. «Ведь можно было бы на пять-семь лет отложить такой крутой подъем тяжелой индустрии, — рассуждал маршал, — дать народу, который сто крат заслужил это, побыстрее и побольше товаров широкого потребления, продукции легкой промышленности. Разве это не было соблазнительно? Но поступили мы так, кто знает, когда бы завершился тот тяжелейший период, который мы называем начальным периодом войны, где, под каким городом или на какой реке были бы остановлены фашистские войска?»¹

Положа руку на сердце, я бы не взял на себя смелость утверждать, что без того экономического и оборонного потенциала, который обеспечила форсированная индустриализация, мы вообще смогли бы остановить врага.

Ведь война — это не только вооруженная борьба, не только противоборство сражающихся армий, но и противостояние экономических потенциалов, испытание их способности с той или иной степенью полноты обеспечивать потребности вооруженных сил, прежде всего в оружии, боеприпасах, продовольствии.

К началу агрессии против СССР гитлеровская Германия имела в этом отношении, по крайней мере, два преимущества: во-первых, ее экономика была полностью перестроена на военный лад и уже несколько лет работала в этом ключе; во-вторых, по производству многих

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 1, 1974, с. 119.

важнейших для военной экономики видов продукции она превосходила уровень, достигнутый нашей страной, особенно если учесть эксплуатацию Германией ресурсов и мощностей ее союзников и захваченных государств.

В числе первых стран были Румыния, располагавшая нефтью, Венгрия, поставлявшая нефть и бокситы, Финляндия с ее лесоразработками, в числе вторых — промышленно развитые Франция и Чехословакия, а также Польша, Бельгия, Голландия, Дания, Норвегия, Югославия, Греция. Да и доступ к шведской стали, железной руде, целлюлозе, к испанскому вольфраму для Германии не был закрыт.

Сама Германия (в границах 1937 года) добывала значительно больше, чем СССР, угля, существенно превосходила нашу страну по производству электроэнергии, стали, алюминия, магния, цемента, автомашин, локомотивов. Ее станочный парк был в 2,5 раза больше нашего¹. А о том, что ей давало использование ресурсов других государств, можно судить по таким данным: общая стоимость богатств, награбленных ею в оккупированных странах до 1941 года, в 2 раза превосходила ее годовой национальный доход².

За счет эксплуатации ресурсов союзников и захваченных государств Германия расширила свои возможности добычи железной руды в 7 раз, в выплавке стали — в 2,2 раза, алюминия — в 1,7 раза³. Военные заказы немецких фашистов выполняли в 1941 году около 5 тысяч западноевропейских предприятий⁴. Готовясь к войне, гитлеровцы создали крупные запасы стратегических материалов, в том числе по черным и некоторым цветным металлам минимум на 1—2 года.

Помимо того, что военная промышленность Германии развивалась высокими темпами (в 1940 году производство ее продукции выросло на 54 процента по сравнению с 1939 годом), свою роль на начальном этапе войны сыграло и то, что в качестве трофеев фашисты получили вооружение и запасы 180 французских, чехословацких, бельгийских, голландских, английских и норвежских дивизий⁵.

Сейчас некоторые ученые утверждают, что захват

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 12, с. 157.

² «Вестник статистики», 1980, № 5, с. 9.

³ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 12, с. 190.

⁴ Там же, с. 197.

⁵ Там же, с. 196, 199.

Германией военно-экономического потенциала европейских государств не имел для нее сколько-нибудь существенного значения. Доктор исторических наук, полковник запаса А. Мерцалов, например, пишет, что рассуждения о том, будто вермахт, нападая на СССР, опирался на военно-экономический потенциал всех стран, захваченных Германией или зависимых от нее, некритически заимствованы из доклада Сталина 6 ноября 1941 года. В действительности, утверждает военный историк, восточная армия вермахта в июне 1941 года лишь в незначительной степени использовала ресурсы этих стран. При этом он ссылается на один из томов изданного в ФРГ десяти томника «Германская империя и вторая мировая война», в котором сказано, что вся техника, захваченная у разбитых немцами европейских армий, за исключением части французского автотранспорта и чешских танков, была использована вермахтом в учебных, охранных и иных целях вне Восточного фронта. А. Мерцалов воспроизводит следующую цитату из этого десяти томника: «В целом восточная армия вермахта производила впечатление лоскутного одеяла. Это не соответствует представленному в послевоенной литературе суждению о том, что Гитлер с помощью маневренной экономики, скоротечной войны и ограбления оккупированных территорий смог мобилизовать против СССР мощную однородно оснащенную армию»¹.

Не знаю, как у читателей, а у меня много недоуменных вопросов вызвали и утверждения автора, и цитируемый им источник. Непонятно, почему, считая тенденциозными утверждения советских ученых, которые, опираясь на факты, пишут об использовании фашистской Германией ресурсов покоренных стран и союзников, А. Мерцалов не считает таковыми утверждения ученых из ФРГ? Только потому, что в «своем отечестве пророков нет», или потому, что об этом когда-то сказал и Сталин? Разве мало известно случаев, когда зарубежными учеными беспардонно искажалась истина в стремлении умалить роль Советского Союза в поворотных для судеб человечества событиях, одним из которых была вторая мировая война?

Сейчас достаточно много фактов, свидетельствующих о том, что, оккупировав такие крупные европейские страны, как Франция, Польша, Чехословакия (причем две из них — Франция и Чехословакия — входили в десятку

¹ «Московская правда», 1988, 25 сентября.

наиболее промышленно развитых капиталистических государств), Германия в полной мере использовала их военный и экономический потенциал, в частности, первоклассные по тем временам французские и чехословацкие предприятия, специализировавшиеся на производстве вооружения и боеприпасов. Военные заводы Шкода, например, до оккупации обеспечивали оружием не только Чехословакию, но и Румынию, Югославию, поставляли моторы для французской авиации¹. Наивно полагать, что немцы отказались их использовать в своих военных интересах.

Далее. Если на Востоке вермахт «производил впечатление лоскутного одеяла», то куда же делась та немецкая армия, которая в считанные дни разгромила войска Польши и Франции, сбросила в море английский экспедиционный корпус в Дюнкерке, гнала англичан по Северной Африке, захватила Голландию, Бельгию, Данию, Югославию, Грецию, Норвегию? Отдыхала на пляжах по обе стороны Средиземного моря? Силу этой армии вполне испытали на себе и мы. Если она не была «мощной, однородно оснащенной армией», как пишут западногерманские историки, то элементарная логика говорит о том, что другие армии были еще менее мощными и менее однородно оснащенными. Допускаю, что на Восточном фронте эта армия была менее мощна и однородно оснащена, чем хотелось авторам цитируемого западногерманского труда.

И еще об одной позиции западногерманских ученых — о том, что трофейное оружие за небольшим исключением использовалось вермахтом в учебных и охранных целях. Допустим, что это было именно так. Что же из того следует? Лишь то, что более совершенное немецкое оружие тем самым высвобождалось для использования непосредственно на фронтах, то есть по главному своему предназначению.

Если А. Мерцалов так безоглядно верит зарубежным авторитетам, прибегнем и мы к их помощи. Американского историка Б. Лиддела Гарта нельзя обвинить в том, что он находился под гипнозом высказываний Сталина тридцатилетней давности. Приведем несколько выдержек из его работы: «Никакое ускорение их (Франции и Англии. — В. П.) программ вооружения не могло за короткий срок компенсировать потерю

---

¹ Краминов Д. В орбите войны. М., 1986, с. 28.

35 хорошо вооруженных чехословацких дивизий...»¹. Заметьте — хорошо вооруженных. Выступая в рейхстаге в конце апреля 1939 года, Гитлер привел данные о захваченных в Чехословакии трофеях: 1582 самолета, 501 зенитное оружие, 2175 пушек, 785 минометов, 43 876 пулеметов, 1 090 000 винтовок². Согласитесь, цифры впечатляют. Что же произошло с этим вооружением? Не на свалку же оно было выброшено.

Продолжим: «Тот уровень вооружения, которого достигли к марту Англия и Франция, через некоторое время был перекрыт Германией, когда она оккупировала беспомощную Чехословакию, захватив ее военные предприятия и военное снаряжение. Только в тяжелой артиллерии Германия сразу удвоила свои ресурсы»³. Вот что дал захват одной только промышленно развитой страны. Попутно заметим, что тяжелая артиллерия используется прежде всего не в охранных и учебных целях, тем более в таком количестве.

Если же говорить о танках, сошлемся на другой зарубежный авторитет — современного французского военного историка полковника Пьера Ле Гуайэ: «...Те из них, которые наводили ужас на всю Европу в 1939—1940 годах, были в своем большинстве чехословацкими или же произведенными с использованием специальных чешских сталей на чешских заводах, которые мы «под ключ» вручили Гитлеру!»⁴. Вряд ли эти танки к началу войны с нами растеряли свои боевые качества. Они стали технически более совершенными, да и количество их существенно возросло.

Еще одна выдержка из труда Б. Лиддела Гарта: «Захватив Чехословакию, Германия некоторым образом покрыла дефицит в железной руде, а интервенцией в Испанию обеспечила себе дальнейшие поставки железной руды и ртути»⁵. Читатель, видимо, обратил внимание, что в цитируемом материале речь идет о времени, предшествовавшем второй мировой войне, когда под пятой Германии находились только Австрия и Чехословакия.

Абсолютно то же происходило и в годы второй мировой войны. Английский журналист Александр Верт,

¹ Гарт Б. Лиддел. Вторая мировая война. М., 1976, с. 36.

² Краминов Д. В орбите войны. М., 1986, с. 28.

³ Гарт Б. Лиддел. Указ. соч., с. 36.

⁴ «Огонек», 1988, № 18, с. 22.

⁵ Гарт Б. Лиддел. Указ. соч., с. 37.

исследовавший политическую жизнь Франции в период ее оккупации, отмечал, что меры по «концентрации», «рационализации», «европеизации» французской промышленности чаще всего приводили к ее подчинению германским монополиям. Так, химические заводы «Рон-Пуленк» были подчинены концерну «ИГ Фарбенинду-стри» и образовали группу под названием «Франко-лор», 50 процентов акций, которой принадлежало немцам. Забегая несколько вперед, отметим, что в ноябре 1942 года издававшаяся в Париже на немецком языке газета «Паризер цайтунг» с удовлетворением отмечала, что 70 процентов французского экспорта шло в Германию¹.

Все это в совокупности — использование в войне с СССР собственного, захваченного или союзного военно-экономических потенциалов — предопределило большое превосходство немецко-фашистских войск летом — осенью 1941 года в важнейших видах вооружения: в танках, боевых самолетах новых типов, орудиях и минометах, автоматическом стрелковом оружии, а также в автотранспорте и средствах связи.

И тем не менее, несмотря на то, что многие мероприятия по укреплению обороноспособности СССР осуществить не удалось, к началу войны он располагал настолько мощной военно-промышленной базой, что это позволило быстро перестроить народное хозяйство на военный лад, даже в чрезвычайно тяжелых условиях начального периода борьбы с фашистской Германией и ее сателлитами.

Тот же Александр Верт в книге, посвященной участию Советского Союза во второй мировой войне, отмечал: «Очень характерно... что, хотя Германия и подвластные ей страны производили во время войны больше угля, стали и других важнейших материалов, чем Советский Союз, советский строй, советская организация обеспечивали лучшее использование имеющихся ресурсов, чем это было у немцев»².

* * *

Помимо создания материальных факторов готовности к войне, всегда большое значение имеет специальная и психологическая подготовка населения. Для это-

¹ Верт А. Франция 1940—1955 гг. М., 1959, с. 77, 78.

² Верт А. Россия в войне 1941—1945 гг. М., 1967, с. 28.

го в СССР также делалось вроде бы немало. В стране уже сложилась определенная система военной подготовки молодежи вне армейской службы. Это было Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим) — массовая добровольная, общественная военно-патриотическая организация. Перед войной в ней состояли 13 миллионов человек. С 1930-го по 1941 год в ее системе были подготовлены 121 тысяча летчиков, 122 тысячи парашютистов, 27 тысяч планеристов. Более 6 миллионов членов общества сдали нормативы на популярный в те времена значок «Ворошиловский стрелок»¹.

Помнится, до войны, да и после нее, неизменными аттракционами парков культуры и отдыха были парашютные вышки и многочисленные тиры. Владельцы ярких значков, свидетельствовавших об успешной сдаче норм по стрельбе, авиационному, планерному и парашютному делу, носили их на груди с такой же гордостью, как иные — ордена, тем более что ордена тогда еще были редкостью.

Несомненно, что приобретенные в кружках, авиа- и мото клубах, школах навыки помогли нашим солдатам в войне. Однако с расстояния нескольких десятилетий хорошо видно, что молодежь готовили не совсем к той войне, которая ее ожидала. Первые же дни боев выявили такие недостатки подготовки, как, например, неумение противостоять современной военной технике и тактике. Нехватка противотанковых и противовоздушных средств усугубилась танко- и самолетобоязнью, а незнание особенностей боевых действий немецкой армии нередко приводило к панической боязни окружений, к дезорганизации частей, отрезанных от своих подразделений, массовым сдачам в плен. Воспитанные на ложных представлениях о полном превосходстве Красной Армии над возможным противником, о войне малой кровью на чужой земле, тысячи солдат и командиров в первые месяцы войны были деморализованы тем, что действительность не имела ничего общего с их представлениями. И это — при присущих нашему народу смелости, сметливости, патриотизме.

Не способствовало психологической, моральной готовности общества к грядущим тяжелым испытаниям свертывание антифашистской пропаганды в самый раз-

¹ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Словарь-справочник. М., 1988, с. 342.

гар подготовки агрессии против нашей страны. Д. Новоплянский, работавший до войны собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в Киеве, пишет, что ни в прессе, ни по радио ничего не говорилось об интенсивных приготовлениях по ту сторону границы, о грубых нарушениях договора о ненападении — «будто не стало фашизма и не придвинулась война к нашему порогу»¹.

Исчезли антифашистские книги, ушли с экранов антифашистские фильмы: «Профессор Мамлок», «Болотные солдаты», «Семья Оппенгейм» и др.

За публикацию статьи «Учение Ленина — Сталина о войне» в газете «Комсомольская правда» за месяц до агрессии ее редколлегии постановлением Бюро ЦК ВЛКСМ был объявлен выговор, а двое сотрудников сняты с работы. Причина — «проявление беспечности и политической легкомысленности». А тема статьи — усиление бдительности в условиях разраставшегося пожара второй мировой войны, необходимость серьезно, изо дня в день готовиться к возможным испытаниям. Инициатива наказания газеты принадлежала, конечно, не руководству комсомола. Этим вопросом лично занимался первый секретарь МГК и МК, секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков. И дело было даже не в нем самом, а в принципиальной установке, которую мог диктовать только Сталин.

В результате убаюкивающей обработки общественного мнения ощущение близкой опасности притуплялось. Например, у К. Симонова, с одной стороны, не было никаких сомнений в неизбежности войны с фашистской Германией, а с другой — «...казалось, что это будет довольно далеко от нас, что до этого будет долго идти война между Германией, Францией и Англией, и уж где-то потом, в финале, столкнемся с фашизмом мы». Сокрушительное поражение Франции внесло коррективы в симоновское представление о развитии событий:росло ощущение, что война «будет не рано или поздно, а вот-вот»². Но Симоновых было в лучшем случае тысячи на десятки миллионов тех, кому внушалось, что в Финляндии наши войска одержали блистательную победу, что Франция потерпела поражение из-за разложения про-

---

¹ «Правда», 1989, 21 июня.

² Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988, с. 88.

гнившего общественного строя, а не вследствие превосходства германской армии.

Перед самой войной вредную, расхолаживавшую советских людей роль сыграло сообщение ТАСС, опубликованное в газетах 14 июня. Оно касалось слухов о близкой войне между СССР и Германией. Эти слухи квалифицировались как неуклюже сострепанная пропаганда враждебных двум странам сил. ТАСС заявил, что Германия не предъявляла нам никаких претензий и не предлагала нового более тесного соглашения, что, по данным СССР, она неуклонно соблюдает условия совместного пакта, а «происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и севверо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям». Далее ТАСС подтвердил, что СССР соблюдает условия пакта, ввиду чего слухи о нашей подготовке к войне «являются лживыми и провокационными»¹.

У сегодняшнего читателя этот документ вызывает недоумение. Зачем он был нужен? Зачем мы за Гитлера объясняли его действия?

Очевидно, что сообщение предназначалось не для советского народа. Тогдашний министр иностранных дел Румынии Григоре Гафенку считал, что в нем «прекрасно сказано то, что требовалось сказать»: Сталин хотел предоставить немцам формальные гарантии, чтобы лишить их всякого повода к агрессии... Он хотел показать, что осведомлен об их приготовлениях и не имеет на этот счет никаких иллюзий, но одновременно предложил им объяснения, которые предпочел бы услышать от них, он дал им понять, каким образом можно было бы договориться»².

Но за девять дней до начала войны, когда механизм ее подготовки делал последние обороты, Гитлер и его окружение не собирались вникать в иносказания дипломатического языка. Они расценили заявление ТАСС как «порождение страха». Геббельс записал в дневнике: «Сталин трепещет перед грядущими событиями»³.

Советские люди вздохнули с облегчением, прочитав документ, полагая, что руководство страны знает, что говорит, и слухи о нависшей угрозе безосновательны.

¹ «Правда», 1989, 14 июня.

² «За рубежом», 1989, № 26, с. 19.

³ Там же.

У военных эта информация наложилась, видимо, на знание того факта, что центр постоянно сдерживает их попытки усилить боевую готовность. Значит, центр ведет, что делает, если сообщение ТАСС идет в том же творе... Тем тяжелее было отрезвление, наступившее через несколько дней.

* * *

Каждый, кто обращается к различным аспектам истории Великой Отечественной войны, неизбежно задает себе вопрос: как могло случиться, что война застала нашу страну врасплох — политиков, военных, население?

В многочисленных мемуарах и исторических исследованиях вплоть до последнего времени все списывалось на вероломство фашистов и упрямство И. В. Сталина, не желавшего замечать очевидное. И то, и другое действительно было. Но при сопоставлении материалов, фактов, относящихся к тому времени, когда уже стало ясно, что Германия — не потенциальный, а неизбежный противник, нельзя освободиться от чувства горечи: сколько очевидных просчетов было допущено не только в определении времени и направления удара агрессора, но и в подготовке войск, их дислокации, в других чисто военных вопросах!

Рассмотрим прежде всего то, что зависело от политиков, а точнее — от политика И. В. Сталина. Может ли быть, что он напрочь забыл об осени 1939 года, когда Гитлер бесцеремонно нарушил германо-польскую декларацию 1934 года о ненападении? Может ли быть, что он не допускал разрыва Гитлером советско-германского договора?

Н. С. Хрущев считал, что Сталин все видел, все понимал, но если при заключении договора с немцами думал, что перехитрил их, то после урока войны с финнами и падения Франции стал бояться поражения в войне и не хотел чем-либо спровоцировать Гитлера.

После поездки В. М. Молотова в Берлин осенью 1940 года (о ней подробнее чуть позже) у руководства партии и страны, как утверждает Н. С. Хрущев, никакого сомнения не было в том, что будет война с немцами, но оно полагало, что ее можно оттянуть¹.

До какого же времени? Представление об этом дает маршал К. А. Мерецков: Сталин полагал, что нас неиз-

¹ «Огонек», 1989, № 30, с. 11—12.

бежно втянут в войну, но не исключено, что до 1942 года этого можно будет избежать¹. Что давало ему основание так думать? По мнению Г. К. Жукова, которое он изложил в письме автору романа «Вторжение» В. Соколову, Сталин рассчитывал, что Гитлер надолго затянет с войной на Западе и не рискнет ее прервать, а тем более напасть на СССР главными силами. Длительная война истощит Германию и выравнивает экономические возможности, которые пока что у Советского Союза значительно уступают немецким².

Но скорее всего, как мне представляется, дело не в ошибке в сроках, а в следующем парадоксе: с одной стороны, Сталин трезво отдавал себе отчет в том, что страна еще не готова к большой войне, с другой же — именно под влиянием этой трезвой оценки гнал от себя мысль о неотвратимости надвигавшейся агрессии и потому, как мы увидим, пресекал активные действия по ее предупреждению. А это непростительно политическому деятелю, ответственному за судьбу государства.

Г. К. Жуков пишет: «Сопоставляя и анализируя все разговоры, которые велись И. В. Сталиным в моем присутствии в кругу близких ему людей, я пришел к твердому убеждению: все его помыслы и действия были пронизаны одним желанием — избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что это ему удастся»³.

Военные лучше, чем кто бы то иной, знают, что подготовка к войне имеет свою логику, и, если механизм ее запущен, он должен сработать к определенному сроку. Не раньше, ибо тогда готовность будет недостаточной, не позже, так как в этом случае появляется риск невыполнения определенных задач в срок, снижается моральный дух войск, расходуются «не по назначению» материальные ресурсы и т. д. В книге маршала приводятся факты дезинформирующей работы фашистской разведки. Но ни массовое изготовление Берлином топографических карт Англии, ни ложная активность на берегах Ла-Манша, ни циркулирование всевозможных слухов не должны были перечеркнуть только одного известного военным и руководству страны факта —

---

¹ Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968, с. 202.

² «Московские новости», № 19, 1988, 8 мая, с. 9.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974, т. 1, с. 250.

непрерывного увеличения концентрации немецко-фашистских войск на наших границах.

Видели ли руководители страны, скажем, в 1940 году, что опасность катастрофически приближается? Да, видели, и более того — на определенных направлениях реагировали на нее. Так, в ноябре 1940 года в Берлин отправилась делегация во главе с В. М. Молотовым, чтобы заявить о недопустимом поведении немцев в Румынии, Болгарии и Финляндии. Фактов нарушения договора имелось более чем достаточно.

По свидетельству современников, направленная в Румынию в начале октября 1940 года военная миссия Германии состояла из 30 тысяч человек и нескольких эскадрилий истребителей (в последующие месяцы она интенсивно наращивалась). Крупные части вермахта разместились в северной Финляндии. Ближе к советской границе подтянулись немецкие войска, находившиеся в Норвегии¹.

Гитлер в разговоре с Молотовым отделался общими отговорками и заверениями и в последующем продолжал создавать условия для будущей агрессии. В ноябре того же года к «оси Берлин — Рим — Токио» присоединилась Румыния, а затем и Болгария. В марте 1941 года и в эту страну были введены немецкие войска².

Все недвусмысленно говорило о том, что политическая обстановка на западных границах для нас ухудшается, а военные приготовления Германии и ее союзников нарастают.

Сталин об этом знал как никто другой. Озабоченность политической ситуацией стала проявляться у этого скрытного человека даже чисто внешне. Как вспоминает Н. Г. Кузнецов, он более открыто высказывал недовольство поведением Гитлера: мол, немцы просят больше поставок, а сами нарушают свои обязательства, да к тому же ведут подозрительную возню на границах³.

Но если неотвратимость будущей войны с Германией была уже очевидна, то, может быть, что-то позволяло надеяться на более поздний срок ее начала? Скажем, не летом 1941 года, а в 1942—1943 годах?

Факты говорят о том, что ничто не давало оснований для таких надежд ни политическому руководству

¹ Краминов Д. В орбите войны. М., 1986, с. 167.

² Там же, с. 168, 169.

³ Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1969, с. 298.

страны, ни тем, кто возглавлял Вооруженные Силы.

Советский разведчик Леопольд Треппер, действовавший со своей группой в Европе в предвоенные и военные годы, пишет, что в мае 1941 года он сообщил через нашего военного атташе в Виши¹ план гитлеровского нападения на СССР и изначально зафиксированную дату — 15 мая. Позже он проинформировал об окончательном сроке агрессии. 12 мая Рихард Зорге уведомляет Москву о количестве немецких дивизий, сконцентрированных на границе СССР, а спустя три дня называет 21 июня днем начала военных действий. Эту же дату подтвердил Шульце-Бойзен, работавший в Берлине в разведотделе германских ВВС и руководивший подпольной антифашистской организацией².

А эти сообщения шли в Москву от разведывательной группы Шандора Радо, действовавшей в Швейцарии:

6.6.1940 г. По высказыванию японского атташе, Гитлер заявил, что после быстрой победы на Западе начнется немецко-итальянское наступление на Россию.

21.2.1941 г. По данным, полученным от швейцарского офицера разведки, Германия сейчас имеет на Востоке 150 дивизий. По его мнению, выступление Германии начнется в конце мая.

2.6.1941 г. Все немецкие моторизованные части на советской границе в постоянной готовности... В отличие от апрельско-майского периода подготовка на русской границе проводится менее демонстративно, но более интенсивно.

17 июня 1941 года информация от Доры (псевдоним Ш. Радо) содержала сведения о численности, составе и дислокации немецко-фашистских армий на нашей границе³.

А ведь были еще разведчики, работавшие в приграничных зонах от Балтики до Черного моря, на глазах которых происходило развертывание военной машины Гитлера, нацеленной на СССР.

Могли ли руководители страны, командующие западными округами не знать, что творилось на наших собственных границах в течение многих месяцев? Конечно, знали и располагали на этот счет обширными сведения-

¹ В г. Виши находилось французское правительство во главе с престарелым маршалом А. Петеном, сотрудничавшее с фашистами. Париж был оккупирован немецкой армией, как и вся северная и центральная Франция.

² «За рубежом», 1989, № 27, с. 19.

³ Радо Ш. Под псевдонимом Дора. М., 1976, с. 89, 90, 92—93.

ми. Маршал И. Х. Баграмян, который встретил войну начальником оперативного отдела Киевского Особого военного округа, вспоминал, что данные об оборудовании немцами множества полевых аэродромов, прокладке железнодорожных веток и бесчисленных грунтовых дорог по направлению к нашей границе начали поступать ранней весной. С апреля отмечалось нараставшее с каждым днем передвижение войск с запада на восток. В начале июня разведка округа установила, что в приграничные с Украиной районы ежедневно прибывает до двухсот эшелонов с войсками и военным имуществом¹.

На территории Польши коренные жители отселялись из приграничной зоны, ответственные должности на железных дорогах перешли к немецким чиновникам, гражданские лечебные учреждения передавались под военные госпитали и пополнялись медицинским персоналом из Германии. Вскоре стало известно, что повсеместно пограничные войска заменяются на полевые, а инженерные заграждения, установленные на границе, убираются.

Еще больше сведений стекалось в военные наркоматы, поскольку источники этих сведений здесь были значительно шире. Об этом можно судить по данным, поступавшим в Наркомат ВМФ.

В конце января 1941 года японский военно-морской атташе Ямагути, только что побывавший в Берлине, в беседе с начальником отдела внешних сношений ВМФ высказал предположение о возможности столкновения между Германией и СССР. Незадолго до начала войны в Наркомат ВМФ поступила телеграмма военно-морского атташе в Берлине М. А. Воронцова, в которой называлась почти точная дата начала войны. Это был документ, присланный официальным лицом. Понятно, что он был направлен и на имя Сталина. Такие сведения сопоставлялись и подтверждались данными иного характера. В Главном морском штабе велся график захода немецких судов в наши порты. Кривая в июне круто падала к нулю, и это наводило на мысль о заранее составленном плане, который осуществлялся с типично немецкой пунктуальностью².

Поступали советскому руководству аналогичные сведения и от политических лидеров других государств. Так, 11 марта Рузвельт передал советскому послу информацию о плане «Барбаросса». 10 июня заместитель

¹ Баграмян И. Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 67, 76.

² Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1969, с. 342, 349, 350.

министра иностранных дел Великобритании предоставил такого же рода данные¹. Сигнал о том, что 22 июня Германия нападет на СССР, поступил даже от ее посла в Москве графа Ф. Шуленбурга. Граф сообщил об этом нашему дипломату высокого ранга, пригласив его к себе на обед. Заметим, что Ф. Шуленбург был казнен в 1944 году в числе заговорщиков, пытавшихся свергнуть фашистский режим, а самого Гитлера уничтожить в его ставке. Сталин, узнав от Молотова о предупреждении посла, воспринял это как очередную дезинформацию².

Можно, конечно, как-то объяснить недоверие к иностранным источникам информации, учитывая предшествующий опыт отношений с США, Великобританией и тем более — Германией. По многочисленным свидетельствам, И. В. Сталин, не забывая о неоднократных попытках Англии и Америки столкнуть СССР с Германией, брал под сомнение или отбрасывал все сведения о готовившейся агрессии, если они исходили не только непосредственно из этих источников, но даже от наших официальных представителей, находившихся за рубежом.

Большинство из тех, кто сегодня анализирует ситуацию, сложившуюся перед началом войны, исходит из известного факта, что Великобритания и США были нашими союзниками в 1941—1945 годах. Но ни в конце 1940 года, ни в первой половине 1941 года об этом никто знать не мог. А знали другое: Франция и Великобритания запрашивали разрешения правительств Норвегии и Швеции пропустить сотысячный экспедиционный корпус через территорию этих стран в Финляндию. Эти же две державы обсуждали возможность совместного удара по бакинским нефтепромыслам с плацдармов Ирана и предпринимали усилия по привлечению к этой аванюре Турции.

Но, безусловно, когда сведения из иностранных источников сходились в одном центре с данными советских резидентов за границей, армейских разведчиков и совпадали в главном, было более чем достаточно оснований для определенных выводов. Сведения, которыми, например, располагало управление Генштаба, возглавлявшееся генералом Ф. Н. Голиковым, не оставляли никаких сомнений в отношении намерений фашистской Германии. Дополнительные переброски частей вермахта

¹ «За рубежом», 1989, № 27, с. 19.

² «Правда», 1989, 22 июня.

к границам СССР от Балтики до Черного моря начались с конца января 1941 года, и динамика их была более чем красноречива: число противостоявших нам войск на 4 апреля оценивалось в 82—83 дивизии, на 5 мая — в 103—107, на 1 июня — в 120 дивизий¹. Все это время сооружались вторые железнодорожные пути, расширялась сеть аэродромов и посадочных площадок, строились военные склады. Такую интенсивную деятельность в течение многих месяцев на протяжении многих сотен километров даже при сохранении самых тщательных мер предосторожности невозможно было утаить.

Расхождения в оценках сил противника военной разведкой составляли в разное время не более четырех дивизий. Это говорит о том, насколько хорошо она была осведомлена о накоплении сил противником, о его намерениях. Поэтому трудно согласиться с Г. К. Жуковым, который утверждал, что руководство Наркомата обороны не имело возможности средствами военной разведки своевременно вскрыть выход вражеских войск в исходные для нападения районы². Это утверждение противоречит многому из того, о чем пишет сам Г. К. Жуков, противоречит фактам, приводившимся такими крупными военачальниками, как К. К. Рокоссовский, И. Х. Баграмян, К. А. Мерецков. Последний, когда в июне начальник оперативного отдела штаба Киевского Особого военного округа генерал И. Х. Баграмян доложил ему о тревожной обстановке на границе, лично провел длительные наблюдения с передовых пограничных постов и убедился, что германские офицеры вели себя чрезвычайно активно. Обо всем виденном он доложил наркому С. К. Тимошенко, а затем вместе с ним побывал у Сталина³.

Так в чем же тогда дело? Только ли в «запрограммированности» И. В. Сталина, верившего, что войну можно оттянуть на довольно длительное время?

По-моему, нельзя снимать ответственность и с тех, в том числе военных, кто, зная о стремлении Сталина отогнать от себя мысль о неизбежно скорой агрессии, подыгрывал ему в этом, то ли из страха за свою жизнь, то ли из боязни загубить карьеру.

Трагическое для страны предубеждение Сталина имело бы менее катастрофические последствия, если бы

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 1, с. 244.

² Там же, с. 257.

³ Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968, с. 202, 204.

политическое руководство не сдерживало военных в их работе по повышению степени готовности к войне. Один из парадоксов того времени состоит в том, что с учетом международной обстановки на нужды обороны выделялись огромные средства, а те, для кого они в конечном счете предназначались, не получали четких указаний, как им вести себя в этой обстановке.

Когда в конце 1940 года нарком Кузнецов попытался выяснить точку зрения руководства на возможность конфликта с Германией, Сталин коротко ответил: «Когда надо будет, получите все указания»¹. А до начала войны оставалось полгода.

Немцы на границах вели себя все нахальнее. За одиннадцать предвоенных месяцев наши пограничники задержали около пяти тысяч лазутчиков. Самолеты люфтваффе за первую половину 1941 года 324 раза вторгались в воздушное пространство СССР, ведя аэроразведку приграничных районов². Наши же летчики получили приказ не использовать оружие против явных нарушителей. Те почувствовали безнаказанность и совсем обнаглели, совершая облеты военных объектов, беззастенчиво их фотографируя. И тогда на флоте 3 марта 1941 года была дана директива открывать огонь без предупреждения.

Но после одной из стычек наркома ВМФ вызвал Сталин. В его кабинете сидел Берия. Кузнецову был сделан строгий выговор и приказано немедленно отменить директиву. Новая директива Главного морского штаба гласила: «Огня не открывать, а высылать свои истребители для посадки противника на аэродромы»³. А он не собирался добровольно это делать.

Конечно, не только моряки и летчики были скованы в своей инициативе. К. А. Мерецков свидетельствует, что общая направленность работы была такой: не делать непосредственно в приграничной зоне ничего, что могло бы спровоцировать фашистов или как-то ускорить их выступление против нас. Разрешалось осуществлять мероприятия, необходимые для укрепления обороноспособности страны, но не поддающиеся учету со стороны немецкой разведки⁴. Попробуйте определить, что это за мероприятия и как их провести, например, в западных

¹ Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1969, с. 299.

² «Правда», 1989, 22 июня.

³ Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1969, с. 343, 344.

⁴ Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968, с. 206.

военных округах, часть территории которых лишь недавно вошла в состав СССР.

Нарком обороны, Генеральный штаб и командующие военными приграничными округами были предупреждены о личной ответственности за последствия, которые могут возникнуть из-за неосторожных действий наших войск. Их выдвижение на передовые рубежи по плану прикрытия могли производиться только с личного разрешения Сталина. В этих условиях не каждый отважился рисковать. С. К. Тимошенко рекомендовал командующим западных округов проводить учения в сторону государственной границы, что позволяло подтянуть войска к районам развертывания, но значительная часть артиллерии их не сопровождала.

Командующий Киевским Особым военным округом генерал-полковник М. П. Кирпонос отдал распоряжение о занятии полезных позиций в пограничных укрепрайонах и начал подтягивать войска второго эшелона. Однако, когда сообщение об этом поступило в Москву, Генштаб дал указание отойти назад. Такая же ситуация создалась и в Западном, Прибалтийском Особом военных округах. А вот аналогичная инициатива Одесского военного округа не была приостановлена, и, по свидетельству современников, войска здесь находились в состоянии боевой готовности. К счастью для округа, в Наркомате обороны этой инициативы не заметили (или не хотели заметить?)¹

Даже за несколько дней до начала войны (14 июня) Сталин не разрешил привести войска в полную боевую готовность, выговорив С. К. Тимошенко и Г. К. Жукову за то, что они тем самым провоцируют войну: «Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы это оба или нет?!»²

Вечером 21 июня Сталин еще считал директиву о приведении войск приграничных округов в полную боевую готовность преждевременной: «...Может быть, вопрос еще уладится мирным путем... Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений»³.

Конечно, страшная вина политического руководства страны и прежде всего Сталина перед страной за понесенные жертвы очевидна. И все же надо ли возла-

¹ Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968, с. 205—206.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 1, с. 259.

³ Там же, с. 262.

гать всю ответственность за просчеты при подготовке к войне только на высший эшелон политического руководства?

Маршал К. А. Мерецков, занимавший перед войной пост заместителя наркома обороны, честно признавался в своих мемуарах: «Все мы стремились повлиять на ход событий, переломить его в нашу пользу и оттянуть конфликт»¹. Я обращаю внимание читателя на последние слова цитаты. Уж военные-то не могли не понимать, что нельзя оттянуть неотвратимое. Однако: до начала войны остается несколько часов. С. К. Тимошенко направляет своего заместителя К. А. Мерецкова в Ленинградский военный округ и напутствует: «Возможно, завтра начнется война!.. Главное — не поддаваться на провокации... Выдержка прежде всего. Суметь отличить реальное нападение от местных инцидентов и не дать им перерасти в войну»². Вот уж воистину «надежды маленький кораблик» перед лицом надвинувшегося урагана. Сохранить оставшиеся мгновения мира любой ценой... А мгновения оказались бесполезно потерянными и цена потери — страшной.

Но просчеты военных, судя по всему, не сводятся только к тому, что они пошли на поводу у И. В. Сталина и ориентировались на взятый с потолка срок начала войны с Германией.

Сказать, что Вооруженные Силы не готовились к возможной в ближайшее время войне, нельзя. Весной 1941 года Генеральный штаб разработал план обороны государственной границы сроком на год. Этот факт у нашего современника может вызвать по крайней мере два вопроса. Первый. Почему только весной? Кто-кто, а Генштаб располагал достаточными сведениями о концентрации войск по ту сторону границы. Кто мешал составить план раньше? Ведь это мероприятие, готовившееся в сверхсекретной обстановке, не могло спровоцировать конфликт. Второй вопрос. Почему мы планировали на целый год и не спрессовали максимально по времени мероприятия? Я человек не военный, но, по моему разумению, чем в первую очередь должен заниматься Генеральный штаб, как не планами максимальной готовности к возможной (а тем более — неизбежной) войне, откуда бы ее угроза ни исходила? Пусть государственные деятели распутывают хитросплетения

¹ Мерецков К. А. Указ. соч., с. 206.

² Там же, с. 207—208.

внешней политики, копаются в узлах международных противоречий. Это их дело. Но дело военных — как пелось в песне тех дней: «если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов!» Последствия просчета политиков обязаны были смягчить решительные действия военных. Это было сделано не везде или делалось слишком поздно.

Одна из роковых ошибок, допущенных как политическим, так и военным руководством страны, заключалась в определении направления главного удара. Сейчас известно, что Генштаб, когда им руководил маршал Б. М. Шапошников (до назначения перед войной на эту должность сначала К. А. Мерецкова, а затем Г. К. Жукова), главный удар ожидал на смоленско-московском направлении. Сталин с этим не согласился. Он был убежден, что гитлеровцы будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной и Донецким бассейном, чтобы лишить нас важнейших экономических районов, украинского хлеба, донецкого угля, а затем и кавказской нефти. При рассмотрении оперативного плана весной 1941 года И. В. Сталин, как свидетельствует Г. К. Жуков, говорил: «Без этих важнейших жизненных ресурсов фашистская Германия не может вести длительную и большую войну»¹. И военные стратеги с ним согласились.

А Гитлер исходил как раз из обратного. Всю концепцию войны с СССР он строил из расчета ошеломляющего удара, ставил целью обезглавить страну, а затем уже прибавить к рукам ее богатства.

Почему же военные, в том числе известный своей принципиальностью начальник Генштаба Г. К. Жуков, не отстаивали своей позиции? Маршал объясняет это тем, что «И. В. Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда и не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки»².

Принять это объяснение от военного специалиста столь высокого класса трудно. Ведь Сталин до той поры никак не проявил себя в качестве полководца. Но если у руководства Вооруженными Силами не было возможностей для того, чтобы переубедить Сталина в оценке направления главного удара противника, то в вопросах, касающихся ведения самой войны, вряд ли они были скованы столь же жестко.

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 1, с. 235.

² Там же.

Должен сказать, что я с удивлением прочитал в воспоминаниях Г. К. Жукова, что нарком обороны и Генштаб считали, что в войне с Германией главные силы обеих армий вступят в сражение лишь после нескольких дней приграничных сражений. Ведь воевать предстояло с конкретным противником, а материала об излюбленном характере ведения войны гитлеровским вермахтом история последних нескольких лет давала достаточно. Не будем говорить о нападении на небольшие государства. Достаточно примера разгрома армий, считавшихся сильными — польской и французской. Они были сокрушены мощными броневыми кулаками. Как профессионалы могли заблуждаться на сей счет, непонятно.

Очевидно, что высшее руководство Красной Армии не сделало необходимых выводов из гитлеровских военных кампаний на Западе. Об этом говорит и следующее заявление наркома обороны С. К. Тимошенко в декабре 1940 года, то есть через несколько месяцев после краха Франции: «В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового»¹. Не в этой ли недооценке кроется одна из серьезных причин наших поражений в летних кампаниях первых двух лет войны?

И еще одна серьезная ошибка, которая, думается, лежит прежде всего на совести Наркомата обороны и Генштаба. Она связана с расположением укрепленных рубежей. По мнению Г. К. Жукова, которое он высказал в ходе разбора оперативно-стратегической игры, проходившей в присутствии И. В. Сталина, в Белоруссии и на Украине они строились слишком близко к границе, имели небольшую глубину (а значит, насквозь простреливались артиллерийским огнем) и крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступа. Здесь сходящийся удар противника из районов Бреста и Сувалки выводил его в тыл белостокской группировки наших войск².

Эту ошибку усугубило другое обстоятельство. В 1940 году было принято решение о немедленной перемещении части войск западных округов на терри-

¹ Цит. по: «Правда», 1989, 6 октября.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 1, с. 209. Заметим, что в начале войны все именно так и произошло. По данным немецкого командования, в «белостокском мешке» было взято в плен почти 324 тысячи бойцов и командиров Красной Армии, уничтожено 3,3 тысячи танков, 1,8 тысячи орудий («За рубежом», 1989, № 26, с. 18).

торию Западной Белоруссии и Украины, то есть ближе к границе. Но к строительству новых укрепленных районов только-только приступали и к июню 1941 года его, конечно, не завершили. Те сооружения, которые уже вошли в строй, нуждались в вооружении, а его в достаточном количестве не было.

На Главном военном совете Красной Армии в феврале — марте 1941 года делались попытки найти выход из создавшегося положения, но единой точки зрения выработать не удалось. Маршалы Г. И. Кулик и Б. М. Шапошников вместе с членом совета А. А. Ждановым предлагали снять часть артиллерии со старых укрепленных районов, сооруженных в 1929—1935 годах, и перевести ее в новые, С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков не соглашались, считая, что старые укрепления еще могут пригодиться, да и их артиллерия по своей конструкции не соответствовала новым дотам. Разногласия вынесли на суд Сталина, который поддержал первую точку зрения.

Не знаю, как у читателя, а у меня создалось впечатление, что нарком обороны и начальник Генерального штаба побоялись «власть употребить», спасовали перед двумя заместителями наркома и хотя и могущественным членом Политбюро, но не профессионалом А. А. Ждановым. Слишком, видимо, довлекла в предвоенные годы опаска взять ответственность на себя, хотя где-где, а в армии это было более естественно, чем в какой-либо другой сфере общества. Вот и получилось, что в начале войны новые укрепленные районы полностью не отвечали своему назначению, а старые были существенно ослаблены.

Этот просчет повлек за собой другой. В директивах, полученных Западным и Киевским округами лишь 8 апреля, расконсервация старых районов, приведение их в боевую готовность намечались на десятый день с начала войны. Но многие их рубежи были захвачены немецкими войсками раньше. Вероятно, просчеты военных не исчерпываются тем, о чем мы говорили. Один из грубых просчетов, также связанный с игнорированием характера действий конкретного противника, — сосредоточение крупных сил округов в непосредственной близости от границы, что позволяло бронированным армадам концентрированными ударами прорвать наш фронт и выйти в тыл. Гитлер по этому поводу в середине июня ликозвал: «Это лучшее, чего мы только могли ожидать.

Если бы они были рассеяны в глубине страны, они представляли бы большую опасность»¹.

Очень многое зависело и от того, какая работа велась непосредственно в округах, насколько четко там действовали штабы, насколько бдительны были старшие и младшие войсковые командиры, чему учили они красноармейцев. Ведь директива о приведении войск в боевую готовность ушла из Наркомата обороны во все округа одновременно — в 0.30 минут 22 июня. Но в одних округах она так и не дошла до многих подразделений, а в других была сообщена в войска оперативно.

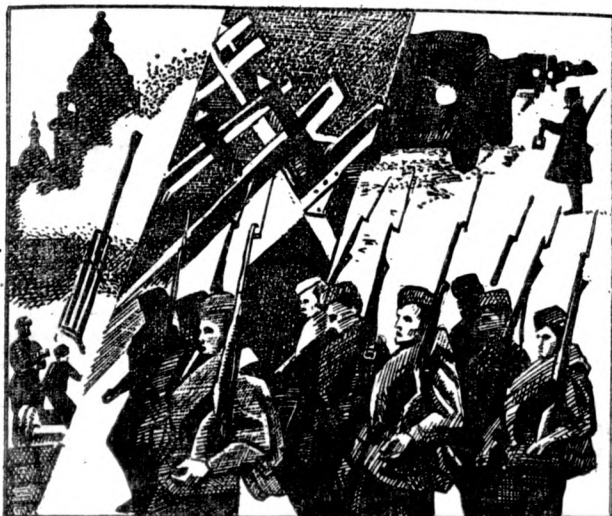
Нарком ВМФ и командование Одесского военного округа немедленно передали на места краткое распоряжение по телефону и телеграфу, быстро привели в боевую готовность подчиненные флоты и войска и в первый день не понесли серьезных потерь². А ведь до начала войны все округа имели одинаковое время. Это потом они окажутся в неравных условиях: одни — на направлении главного удара немецко-фашистских войск и их союзников, другие — временно на второстепенных. Следовательно, в любом деле, на каждом посту были люди ответственные и преступно беспечные. Они знали одни и те же факты, получали одинаковые распоряжения, а практические их выводы и действия были разными.

С 4-х часов утра с округов стали поступать первые сведения о боях и бомбардировках...

---

¹ «За рубежом», 1989, № 26, с. 17.

² Мерецков К. А. Указ. соч., с. 206.

*Раз война оказалась неизбежной —
все для войны.*

В. И. Ленин

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!

Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских агрессоров и их союзников длилась 1418 дней. И каждый день борьбы на фронте был материально обеспечен самоотверженным трудом рабочих и крестьян, трудовой интеллигенции.

В чрезвычайных условиях самой кровопролитной и разрушительной из войн, которые знало человечество, наша экономическая система раскрыла свои огромные возможности, доказала высочайшую жизнеспособность.

Полное единство фронта и тыла отличало нашу Родину в этой войне. В основе его лежали общность коренных интересов трудящихся всех наций и народностей, высокий советский патриотизм, глубокая вера в руководящую роль Коммунистической партии — организатора непримиримой общенародной борьбы с фашистским

агрессором. Как отмечалось в постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», «Коммунистическая партия была подлинно сражающейся партией. Коммунисты находились на самых трудных и решающих участках борьбы с врагом»¹. А такими участками были не только фронт, но и борьба за металл, хлеб, топливо, за выпуск самого современного вооружения в крайне тяжелых, чрезвычайных условиях.

В нашей стране в те годы практически не было семьи, в которой мужья, отцы или сыновья с оружием в руках не отстаивали бы свободу и независимость социалистической Родины. Поэтому каждый, кто трудился в тылу, воспринимал лозунг «Все для фронта — все для победы!» и как свою первейшую общественную обязанность, и как глубоко личное дело, помощь дорогим, близким людям в жестокой битве с врагом. Такое единение общественного и личного рождало массовый трудовой героизм, достойный воинского героизма фронтовиков.

* * *

Последний день мира и первый день войны. Их разделяют мгновения. Но как различаются они по восприятию жизни, по образу мысли и характеру действий!

Передо мной два номера газеты «Правда». Один из них готовился в мирный субботний день и вышел в воскресенье 22 июня 1941 года, которое для большинства советских людей до полудня, когда было официально объявлено о разбойничьем нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, все еще было мирным.

Передовая, озаглавленная «Народная забота о школе», была посвящена подготовке школ к новому учебному году. В ряде сообщений рассказывалось о досрочном выполнении полугодового плана предприятиями промышленности и транспорта, о партийной жизни. Напечатаны лекция на тему «Свобода и необходимость», статьи, подготовленные в связи со 100-летием со дня гибели М. Ю. Лермонтова, театральные рецензии, новости спорта. Тревожила только газетная полоса с зарубежной информацией. Здесь помещены сообщения с театров военных действий: налеты авиации в Европе, боевые действия в Ливии, Сирии, Ливане, Абиссинии, Китае².

¹ «Правда», 1984, 17 июня.

² «Правда», 1941, 22 июня.

Вторая мировая война идет. Но никто еще не называет ее мировой, и, казалось, как далека она от порога нашего мирного дома.

В номере «Правды», вышедшем в понедельник 23 июня 1941 года, сообщения, не связанные с агрессией, были оттеснены на последние колонки последней полосы. Он открывался Обращением к советскому народу, которое заканчивалось словами, ставшими девизом борьбы против врага на фронте и в тылу: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

«Правда» напечатала первые четыре Указа Президиума Верховного Совета СССР военного времени: о мобилизации военнообязанных в 14 военных округах, о военном положении, об объявлении в отдельных местностях военного положения (в 7 союзных республиках, 16 областях, в Москве и Ленинграде) и об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий.

Здесь же первая короткая сводка Главного командования Красной Армии, сообщавшая об ожесточенных боях на фронтах от Балтийского до Черного моря. Через день ее заменят на весь период Великой Отечественной войны то краткие, то развернутые сообщения Советского Информбюро о военных действиях.

Главное место в номере занимали материалы о митингах трудящихся Москвы, Ленинграда, Минска, Киева, Днепропетровска, Риги, Ташкента, Алма-Аты, Хабаровска, многих городов и сел страны, в которых они гневно осуждали агрессора, заверяли, что приложат все силы для достижения победы, принимали высокие трудовые обязательства¹. И здесь уже никто не сможет их обвинить в неискренности чувств.

* * *

Обычно летом на месяц-два мы с мамой уезжали из Ленинграда, снимали комнату в Ольгине, Красном Селе или отправлялись на родину отца к бабушке в окруженную с трех сторон лесом глухую деревеньку Шишкино Зубцовского района Калининской области, связанную с остальным миром лодочной переправой через Волгу. Летом 1941 года мы никуда не поехали. Может быть,

---

¹ «Правда», 1941, 23 июня.

это было связано с тем, что в конце мая семья переехала на новую квартиру в только что отстроенный квартал в конце проспекта Стачек. Теперь вместо пяти семей нашим соседом была только одна. Непривычные квадратные комнаты, непривычно светлая и чистая кухня, широкая лестница, большой двор, заключенный в каре домов и еще заваленный строительным мусором. Первые два этажа недостроенного дома напротив не закрывали вид из нашего окна на широкое поле, посреди которого одиноко стояла новая школа, а вдали темнели деревья Красненького кладбища.

Поскольку отец приходил с работы всегда поздно, то в выходной он отсыпался, и завтракали мы не раньше 10 утра. Так было и в это солнечное воскресенье — 22 июня. Где-то в двенадцатом часу мы сели в трамвай и мимо Кировского завода покатали в центр — к родным на Невский. У Нарвской заставы трамвай встал. Люди выскакивали из вагонов, стекались из переулков и улиц на площадь под репродукторы. Выступал нарком иностранных дел Молотов. Война уже шла по нашей земле. Конечно, я ничего тогда не запомнил из его речи.

Когда вагон вновь тронулся в путь, у папы был какой-то отрешенный, а у мамы — расстроенный вид. Событие сдержанно обсуждалось пассажирами, как будто рядом находился больной, которого нельзя было беспокоить. В квартире на Невском соседи пытались подбадривать друг друга: немец, конечно, сильный солдат — это показала еще первая мировая, но и Красная Армия — не в пример царской. Да и революционные традиции немецкого пролетариата сильны. Тогда ли я услышал такие рассуждения или чуть позже — утверждать не берусь, но в моей памяти они связаны только с первыми днями войны. Дедушка и бабушка очень беспокоились о сыне, который находился на военных сборах под Ленинградом.

Вечер этого дня мне запомнился тем, что, вернувшись домой, мы стояли вместе с соседями на балконе и смотрели, как далеко-далеко на фоне закатного неба крутились черные мушки — самолеты, а над Кировским заводом поднялись первые, невиданные мною ранее аэростаты.

Под утро мне приснился сон, который я до сих пор помню во всех деталях и красках. Мы с мамой спускаемся по лестнице дома на Невском. День. Из широких окон льется свет. Последний пролет, последние его ступ-

пени. Сейчас мы окунемся в сумрак длинного узкого подъезда. Вдруг в проеме открытой на Невский двери появляются силуэты двух чертей с кайзеровскими шишастыми касками на головах. Они все ближе. Я уже различаю цвет псивой шерсти, свиные рыла и маленькие глазки. Ужас охватывает меня. Не могу стронуться с места...

С криком просыпаюсь. За окном серый, еще не обретший краски ранний рассвет. В почти свободной от мебели комнате (моя кровать и обеденный стол да пара стульев — родители не успели что-нибудь прикупить) на полу застыли два отряда оловянных солдатиков. Один побольше с еще не облупившейся краской. Это наши. Другой — чуть меньше и выглядит довольно обшарпанно. Это немцы. Кто победит — для меня абсолютно ясно. Я смотрю на них и борюсь со сном, чтобы снова не очутиться в том же подъезде. И не замечаю, как проваливаюсь в новый сон, на этот раз без страшных сновидений.

* * *

Война против СССР с самого начала планировалась фашистскими главарями и генералами как кратковременная кампания — не более пяти месяцев. Эта стратегия, опиравшаяся к тому же на внезапность нападения, дала Германии и ее союзникам определенные преимущества на первом этапе войны: значительная территория европейской части страны была оккупирована врагом.

Расчет на молниеносную победу был сорван уже в первые месяцы войны беспримерным отпором Советских Вооруженных Сил. Быть может, кто-то хмыкнет, натолкнувшись на эпитет «беспримерный» — откатились-то вон куда. Но здесь нет преувеличения. Другого примера столь яростного сопротивления фашистской военной машине при всей тяжести поражений первых месяцев до той поры не было.

Я думаю, что наилучшее тому подтверждение — оценка врага. Идет восьмой день войны. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер считает, что наступление развивается по плану. И в то же время в своем военном дневнике записывает: «...Русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен... Часть русских сражается, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывают

с себя форменное обмундирование и пытаются выйти из окружения под видом крестьян... Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это недопустимо».

Но, отдавая должное упорству русского солдата, на двенадцатый день войны Гальдер все же, подводя предварительный итог войне, пишет: «...Восточнее Западной Двины и Днепра мы можем встретить сопротивление лишь отдельных групп, которые, принимая во внимание их численность, не смогут серьезно помешать наступлению германских войск. Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней». В этой же записи он уже строит дальнейшие планы войны против Англии.

11 июля (двадцатый день войны) в начале сражения под Смоленском в дневнике отмечается: «Командование противника действует энергично и умело. Противник сражается ожесточенно и фанатически.

Танковые соединения понесли значительные потери в личном составе и материальной части. Войска устали». Пожалуй, первая пессимистическая нота. А всего лишь пять дней назад Ф. Гальдер констатировал: «Моральное состояние войск очень хорошее. Войска всюду проникнуты духом превосходства над противником». Потом оптимистические оценки станут все чаще перемежаться с пессимистическими, правда, пока еще с преобладанием первых.

Спустя месяц после начала войны был сделан вывод: хотя противник решительно ослаблен, окончательно он еще не разгромлен, и поэтому задача его разгрома не снимается с повестки дня. Но сроки достижения главных целей все равно виделись весьма близкими: захват Москвы и Ленинграда — 25 августа, выход на рубеж Волги — начало октября, захват Баку и Батуми — начало ноября.

На 51-й день войны мы находим у Гальдера признак отрезвления: «Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс — Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на

средства сообщения и в особенности на чисто военные возможности русских».

В связи с необходимостью формирования пополнений для Восточного фронта на 64-й день войны (24 августа) появляется знаменательная запись: «...Необходимо изъять из пехотных дивизий, находящихся на Западном фронте, семнадцать пехотных рот». Впоследствии такие «изъятия» станут правилом.

В середине сентября в одобренной Гитлером памятке верховному главнокомандованию уже допускается, что кампания на Востоке может не привести в течение 1941 года к полному уничтожению советских войск, «с возможностью чего уже давно считается верховное командование». Это признание означает, что те, кто рассчитывал на блицкриг, через неполных три месяца войны с Советским Союзом вынуждены были похоронить свой замысел в самое тяжелое для нашей страны время.

В сознании высшего военного руководства Германии уже произошла коренная переоценка наших возможностей в войне: на совещании сберквартирмейстеров 23 ноября Ф. Гальдер, с одной стороны, заявил, что «военная мощь России больше не представляет угрозу для Европы», так как противнику нанесен решающий удар, с другой — он признал, что «противник еще не уничтожен. Окончательно разгромить его в этом году мы не сможем... Колоссальные размеры территории и неистощимость людских ресурсов этой страны вообще не позволяют гарантировать полного поражения противника». И далее Гальдер явно кривит душой: «Разумеется, мы это сознавали с самого начала». О том, что с самого начала сознавали немецко-фашистские стратеги, читатель знает из замысла операции «Барбаросса», из записи Гальдера, сделанной на двенадцатый день войны. На следующий день генерал-полковник Фромм в беседе с Гальдером, обрисовав общее военно-экономическое положение, высказал свою позицию: необходимо перемирие!

Вскоре — 29 ноября — немцы вынуждены были сдать Ростов-на-Дону и откатиться к реке Миус. Но на центральном, московском, направлении еще 2 декабря генштабист Гальдер считал, что «сопротивление противника достигло своей кульминационной точки. В его распоряжении нет больше никаких новых сил». А 5 декабря началось контрнаступление советских войск под Москвой, поддержанное активными действиями на других фрон-

тах. В течение декабря немцы сдали Елец, Тихвин, Солнечногорск, Клин, Калинин, Волоколамск, Феодосию, Калугу, Керчь.

С 29 по 31 декабря общая обстановка на Восточном фронте в военном дневнике Ф. Гальдера оценивалась короткими фразами: «Очень тяжелый день!», «Снова тяжелый день!», «Опять тяжелый день!»¹ Так для немецко-фашистских войск завершался 1941 год, на который политическое и военное руководство Германии сделало, казалось бы, беспроигрышную ставку.

Несомненно, что глубокой осенью и в начале зимы 1941/42 года в войне назрел перелом, который вначале был очевиден только специалистам. К концу октября на фронтах было разгромлено 16 из 32 танковых дивизий немцев, а на исходе декабря Ш. Радо передал в Центр информацию, которую его товарищи выводили у офицера связи верховного командования германской армии: руководство вермахта беспокоили не столько сами огромные потери на Восточном фронте, сколько качество этих потерь, ибо были разбиты лучшие, с боевым опытом, части германской армии, выигрывавшие до сих пор все сражения. От адъютанта главнокомандующего сухопутными силами стало известно, что его шеф генерал-фельдмаршал фон Браухич считает: отныне война проиграна².

А впереди еще были годы войны. В ближайший, 1942 год нас ждали окончившееся провалом наступление на Харьков, сдача крымских плацдармов в Севастополе, Феодосии и на Керченском полуострове, выход немцев к Волге и Кавказу.

Советские люди не ведали, что думал враг. Они осознавали чрезвычайную тяжесть положения, видели быстрое продвижение немцев и их союзников по нашей территории, сдачу столиц республик и крупных промышленных центров, знали о звериной жестокости врага и, как на фронте, так и в тылу, делали все, чтобы его остановить.

Понятно, что процесс перестройки нашей экономики на военный лад чрезвычайно усложнился. Ведь враг вторгся в экономические районы СССР, в которых до войны производилась треть промышленной продукции.

¹ См.: Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1, с. 60, 79, 93, 118, 177—178, 190, 264, 300, 344; т. 3, кн. 2, с. 51, 55, 67, 90, 125, 153, 155.

² Радо Ш. Под псевдонимом Дора. М., 1976, с. 108—109.

К ноябрю 1941 года немецко-фашистские войска захватили территорию, на которой в мирное время проживало 40 процентов населения СССР. Здесь добывалось 63 процента угля, выплавлялось 58 процентов стали, 60 процентов алюминия, производилось 38 процентов зерна и 84 процента сахара. Протяженность железнодорожных путей на этой территории составляла 41 процент от общесоюзной¹.

К этому надо добавить, что ряд крупных центров промышленного производства (Москва, Ленинград, Донбасс) оказались в непосредственной близости от линии фронта. Бомбардировочная авиация противника угрожала и более отдаленным районам — вплоть до среднего Поволжья.

Создавшаяся сложная обстановка требовала принятия чрезвычайных мер по переводу народного хозяйства на военные рельсы в самые сжатые сроки. Коммунистическая партия, Советское правительство, опираясь на высочайший патриотизм, на сознательность советских людей, приняли и осуществили такие меры.

29 июня 1941 года Совет Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) издали директиву, в которой была выдвинута программа действий по борьбе с фашистскими захватчиками.

30 июня 1941 года решением Президиума Верховного Совета СССР, Центрального Комитета ВКП(б), Совета Народных Комиссаров СССР ввиду чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации сил для отпора врагу был создан Государственный Комитет Обороны. В его руках сосредоточилась вся полнота власти в государстве как на фронте, так и в тылу. Председателем ГКО стал И. В. Сталин. В его первоначальный состав вошли В. М. Молотов (заместитель), К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков и Л. П. Берия. Позже (в 1942 и 1944 годах) ГКО пополнился рядом других членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

В сфере экономики ГКО подчинялись все хозяйственные организации и плановые органы, включая Госплан СССР, наркоматы, ведомства. Первоочередными задачами в его работе по организации тыла были мобилизация людских и материальных ресурсов и перестройка народного хозяйства с учетом требований военного

---

¹ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948, с. 42.

времени, эвакуация производительных сил из районов, которым грозила оккупация, налаживание производства, в первую очередь военного, на новых местах, определение объемов и сроков поставки продукции для фронта и т. д.

При ГКО были созданы специальные комитеты и комиссии, решавшие конкретные вопросы военно-хозяйственного руководства. На ряд членов и кандидатов в члены Политбюро, которые входили в состав ГКО, было возложено общее руководство ведущими отраслями военной экономики, такими, как производство вооружения и боеприпасов, танков и самолетов, продовольствия, горючего, железнодорожным транспортом. В рамках ГКО было создано оперативное бюро, осуществлявшее контроль за текущей деятельностью наркоматов оборонной промышленности, а также предприятий других отраслей, выполнявших наиболее важные военные заказы. Положение на местах, главным образом в том, что касалось военного производства, ГКО контролировал, опираясь на своих уполномоченных. Ими были обычно секретари крайкомов и обкомов партии. В прифронтовой полосе создавались местные чрезвычайные органы — городские комитеты обороны. Коммунистическая партия приняла меры к усилению своей руководящей роли в массах. Партийные организации крупных предприятий и строек возглавили парторги ЦК ВКП(б); на селе были организованы политотделы совхозов и машинно-тракторных станций.

Организационная перестройка затронула и другие звенья управления экономикой системы. В СНК СССР появились органы, контролировавшие распределение важнейших видов ресурсов: угля, нефти, леса, продовольствия для армии и т. д. Образовались новые наркоматы, создание которых диктовалось потребностями военного времени: танковой промышленности, минометного вооружения. Основные промышленные наркоматы возглавили опытные партийные и хозяйственные работники, например: А. И. Шахурин — авиационную промышленность, В. А. Малышев — танковую, Д. Ф. Устинов — вооружения, П. И. Паршин — минометную, Б. Л. Ванников — боеприпасов, И. Ф. Тевосян — черную металлургию, А. И. Ефремов — станкостроительную промышленность, В. В. Вахрушев — угольную. Руководители наркоматов получили большие права в маневрировании теми материальными, финансовыми и трудо-

выми ресурсами, которые находились в их распоряжении.

Война стала суровым испытанием для социалистической плановой системы ведения хозяйства. В то же время она ярко высветила ее огромные преимущества в мобилизации всех экономических ресурсов страны на разгром врага, способность эффективно действовать в самых тяжелых условиях, которые сложились во второй половине 1941 года.

План развития на третий квартал этого года, естественно, был отменен — он не соответствовал обстановке и задачам военного времени. Вместо него уже 30 июня был разработан и утвержден мобилизационный народнохозяйственный план на этот квартал.

Сейчас трудно даже представить, какую громадную и ответственнейшую работу в кратчайший срок должны были осуществить работники плановых органов. План предусматривал увеличение выпуска военной техники на 26 процентов, определял ударные стройки оборонной промышленности, металлургии, топливных отраслей, электроэнергетики, химической промышленности, железнодорожного транспорта. В пользу этих и других отраслей, работавших на нужды фронта, перераспределялись материальные и трудовые ресурсы. Новое строительство оборонных предприятий намечалось в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири¹.

Но нужен был и план, который заглядывал бы вперед на более длительный срок. Поэтому ГКО поручил специальной комиссии во главе с Н. А. Вознесенским «выработать военно-хозяйственный план обеспечения обороны страны, имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также ресурсов и предприятий, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации»².

Этот план, рассчитанный на последний квартал 1941 года и весь 1942 год, был также подготовлен в крайне сжатые сроки: 16 августа он был принят постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б). План предусматривал дальнейшее увеличение выпуска всех видов вооружения и боеприпасов в восточных и других тыловых районах страны, включая программу роста производства восточнее Волги угля, нефти, бензина, продукции черной

¹ Вознесенский Н. Всенная экономика СССР в период Отечественной войны, с. 38.

² История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 4, с. 133.

и цветной металлургии, химической промышленности. Намечался перевод в эти районы сотен предприятий оборонной промышленности и машиностроения. Учитывая неизбежность резкого возрастания объемов перевозок на востоке, план предусматривал меры по строительству и реконструкции железных дорог, расширению ряда узлов и станций, сооружению вторых путей¹.

Конечно, жизнь вносила коррективы в этот план, поскольку в августе 1941 года еще трудно было предвидеть масштабы эвакуации или утраты части производительных сил страны вследствие оккупации врагом Украины, Белоруссии, Прибалтийских республик, ряда областей РСФСР, разрушений, которые причиняли бомбардировки и артиллерийские обстрелы. Но план был тем организующим началом, вокруг которого велась работа по перестройке советской экономики на военный лад.

В 1941 году эта перестройка была чрезвычайно осложнена необходимостью перебазирования основных производительных сил из районов, которым грозила оккупация, на восток страны. То, что в считанные месяцы было сделано для решения этой задачи, не имеет аналогов в истории человечества. Это был подвиг тех, кто демонтировал оборудование, нередко в непосредственной близости от линии фронта, под свист и разрывы бомб и снарядов, подвиг железнодорожников и моряков, подвиг миллионов советских людей, налаживавших в самые короткие сроки работу на новых, часто необжитых местах.

Обеспечение эвакуации тысяч заводов, фабрик, учреждений, сотен тысяч советских людей требовало исключительно четкой организаторской работы, руководства ею из единого центра.

Поэтому уже на третий день войны — 24 июня — Коммунистическая партия и Советское правительство приняли решение о создании Совета по эвакуации, председателем которого был назначен Н. М. Шверник, заместителями председателя — А. Н. Косыгин и М. Г. Первухин. Позже в число заместителей вошел К. Д. Памфилов, который возглавил созданное по решению ГКО 26 сентября 1941 года Управление по эвакуации населения при Совете по эвакуации. Как было указано в постановлении о создании Совета, его решения «под-

---

¹ КПСС в резолюциях., т. 6, с. 26—31.

писываются председателем и являются обязательными»¹. Иными словами, новый орган располагал чрезвычайными полномочиями в своей сфере деятельности.

Совет определял, какие предприятия и учреждения подлежали эвакуации, в каких районах им предстояло размещаться, давал распоряжения о выделении транспортных средств. Но этим компетенция Совета не ограничивалась: общее руководство налаживанием работы заводов и фабрик на новых местах также входило в функции Совета.

Совет разрабатывал строгую очередность вывоза материальных ресурсов. В первую очередь эвакуировались готовая продукция, основное оборудование, сырье; во вторую — технологическое и энергетическое оборудование; в третью — вспомогательное оборудование и материалы, транспортные средства и прочее имущество.

Контроль за выполнением решений Совет по эвакуации осуществлял через своих уполномоченных. Они находились там, где демонтировались важные с народно-хозяйственной и оборонной точек зрения объекты, а также на крупных железнодорожных станциях, следили за прохождением эшелонов, следовавших на восток, помогали размещать людей и прибывавшее на новые места оборудование.

Но только силами Совета и его уполномоченных полностью обеспечить руководство процессом перемещения значительной части производительных сил из западных районов Советского Союза было бы невозможно. В каждом наркомате имелись комиссии, разрабатывавшие предложения и планы перебазирования предприятий и организаций. В каждой республике или области, территория которой находилась под угрозой оккупации, работали свои комиссии по эвакуации. На крупных железнодорожных станциях и пристанях функционировали так называемые эвакуопункты. Без слаженной работы всех этих звеньев, без самоотверженного труда тысяч людей проделать гигантский объем работы было бы нельзя.

Эвакуация сразу приняла огромные масштабы. Ведь в конце июня немецко-фашистские войска были под Минском, в первой половине июля пали Рига, Псков, Житомир, развернулось сражение у Смоленска, началась героическая оборона Киева и Ленинграда. Пройдет

---

¹ КПСС в резолюциях., т. 6, с. 13.

несколько месяцев, и враг окажется у Москвы и Ростова.

Массовая эвакуация не могла укрыться от разведки врага, тем более что он всерьез рассчитывал на наш экономический потенциал. Поэтому в дневник генштабиста Ф. Гальдера сведения о ней вносятся в один ряд с данными о боевых действиях, о новых советских воинских формированиях. Первая запись сделана 28 июля: перед фронтом группы армий «Юг» наблюдается эвакуация промышленных предприятий. Новые записи в сентябре: «Эвакуация (промышленности) из Харькова на восток (на Урал)» (19.9); «железнодорожные перевозки из Харькова и Донецкого бассейна, Тулы и Москвы на Урал...» (26.9); «очень сильное движение от Москвы на восток. По-видимому, противник производит эвакуацию» (27.9); «движение составов с оборудованием с юга (из Донбасса) на север» (28.9) и т. д.¹

Уже в первые три месяца на восток страны было вывезено 1360 крупных заводов. А всего во втором полугодии 1941 года из районов, которым грозили огневые удары врага или оккупация, удалось эвакуировать оборудование почти 2,6 тысячи предприятий. Только из столицы было вывезено 498 заводов и фабрик союзного и союзно-республиканского подчинения.

На восток перебазировались целые отрасли: буквально все предприятия танковой, авиационной и моторостроительной промышленности, производство боеприпасов и вооружения, 94 металлургических, 150 машиностроительных заводов, четыре десятка предприятий электротехнической промышленности².

А ведь в числе эвакуируемых были такие гиганты индустрии, как ленинградские Кировский и Ижорский заводы, Московский автомобильный, киевский «Арсенал», Харьковский тракторный, металлургические предприятия Запорожья, Днепропетровска, Мариуполя и многие другие крупные комбинаты, заводы и фабрики.

Н. Н. Смеляков в книге «С чего начинается Родина» вспоминает о том времени, когда на Коломенском заводе получили решение ГКО о перебазировании в г. Киров: «...В первое мгновение у нас создалось своего рода шоковое состояние. Не укладывалось в голове, что

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1963, т. 3, кн. 2, с. 205, 362, 376, 381, 384.

² Косыгин А. Н. В едином строю защитников Отчизны. М., 1980, с. 18.

гигантский завод, вросший корнями в родную коломенскую землю, должен стронуться с места. Казалось невероятным стронуть всю эту махину, да еще в период, когда продукция завода так нужна фронту... Однако подобное замешательство длилось недолго... Нужно — значит, нужно»¹.

Администрация предприятий, партийные организации оперативно разворачивали работу по демонтажу оборудования, погрузке всего ценного в эшелоны, старались предусмотреть все до мелочей, чтобы как можно скорее на новых местах наладить производство. Нередко в тех же эшелонах уезжали на восток рабочие и инженеры с семьями.

Эвакуация вызывала громадное напряжение в работе транспорта. Вагоны с заводским оборудованием шли почти одновременно из Украины и Белоруссии, республик Прибалтики и Молдавии, из Крыма, Северо-Западного, а несколько позже — и из Центрального районов. Причем перевозки осуществлялись на очень большие расстояния, часто под ударами авиации противника.

С начала войны и до конца 1941 года по железным дорогам на восток страны ушло 1,5 миллиона вагонов грузов, было перевезено 10 миллионов человек². Речной флот с июня и до конца навигации перевез 870 тысяч тонн грузов и свыше 2 миллионов человек. Большую роль сыграл в этой работе и морской транспорт, особенно в эвакуации советских граждан и материальных ценностей из приморских районов Прибалтики, Кольского полуострова, северного Причерноморья. Только из Одессы было вывезено несколько сотен тысяч человек и более 250 тысяч тонн грузов.

Совет по эвакуации просуществовал до конца 1941 года, когда эвакуация предприятий, организаций и населения была в основном завершена. Но многие эшелоны с оборудованием находились еще в пути или разгружались в местах назначения. Поэтому 25 декабря 1941 года ГКО образовал Комитет по разгрузке транзитных и других грузов, находившихся на железных дорогах. Возглавил этот комитет А. И. Микоян.

Теперь главной задачей было как можно скорее пустить в строй перебазированные предприятия. В ее реализации также приходилось сталкиваться с трудностями,

¹ С м е л я к о в Н. Н. С чего начинается Родина. М., 1975, с. 60.

² «Вестник статистики», 1980, № 5, с. 10.

которые и в условиях мирного времени нелегко было бы разрешить даже для одного-двух предприятий. А здесь перед партийными и советскими органами республик, краев и областей встала проблема одновременного размещения сотен заводов, фабрик и организаций. Ведь только на Урал с июля по ноябрь 1941 года было вывезено оборудование 667 предприятий¹.

Размещать эвакуированные заводы старались на базе родственных предприятий. Так было с ленинградским Кировским и Харьковским моторным заводами. Слившись с Челябинским тракторным, они образовали знаменитый Кировский танковый завод — «Танкоград». Но не всегда это возможно было сделать, поэтому широко использовались площадки недостроенных заводов и фабрик, свободные здания действующих предприятий, помещения непромышленного назначения. А порою не было и этого. Приходилось заново осваивать выделенную территорию: валить и корчевать лес, прокладывать коммуникации, строить временные помещения для оборудования и начинать выпуск нужной фронту и народному хозяйству продукции. Причем все это делалось поздней осенью и зимой, в суровых климатических условиях Урала и Сибири.

Нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин в книге «Крылья победы» вспоминал: «Запорожский завод перебазировался в старинный сибирский город. Территория, отведенная для завода, — огромный пустырь, окруженный лесом, — находилась на окраине города. Когда-то здесь было болото...» Нарком рассказывает, как не привыкшие к суровым сибирским морозам запорожцы, многие из которых не имели теплой одежды, по 70—80 часов не покидали своих рабочих мест: откачивали воду, долбили лед и смерзшийся грунт. «Замерзала вода в стендовых магистралях, мокрые пальцы прилипали к металлу. Обжигая, он оставлял на руках багровые рубцы. Ветер пронизывал до костей. Но люди не сдавались»².

Ввод эвакуированных предприятий в строй был предметом повседневной заботы. В конце октября 1941 года СНК СССР принял постановление, которое обязывало наркомов оборонных и других ведущих отраслей народного хозяйства составить графики по своим нар-

¹ Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, с. 113.

² Шахурин А. И. Крылья победы. М., 1983, с. 133—134.

коматам с указанием сроков и объемов выпуска продукции на эвакуированных заводах уже в ноябре — декабре. Срок предоставления графиков был более чем сжатый — 1 ноября¹. То есть в распоряжении наркомов было всего два дня.

ГКО наметил строгий порядок в размещении прибывавших на восток предприятий: преимущество отдавалось авиационной промышленности, производству боеприпасов, вооружения, танков и броневых автомобилей, черной и цветной металлургии, химии. По некоторым отраслям ГКО принимал специальные постановления о срочной организации производства на новых местах. В качестве примера можно назвать постановление, касавшееся черной металлургии, принятое 9 ноября 1941 года².

Большинство перебазировавшихся на восток предприятий начинало выпускать продукцию досрочно, причем в еще больших количествах, чем до эвакуации. Авиационные и танковые заводы, вывезенные в Поволжье, на Урал и в Сибирь, приступили к выпуску боевой техники через месяц-полтора после завершения эвакуации. Крупный Кольчугинский завод цветной металлургии всего через 80 дней после прибытия в г. Балхаш дал первый прокат.

В результате огромной организаторской работы партии и правительства, максимального напряжения сил коллективов эвакуированных предприятий, пополнявшихся за счет местных трудовых ресурсов, к концу первого полугодия 1942 года на новых местах действовали 1200 заводов и фабрик³.

Находившийся в Советском Союзе английский журналист Александр Верт, на глазах которого разворачивалась вся эта эпопея, писал: «Советский строй, Советское государство, партия совершили в этих условиях великопнейший организаторский подвиг, сумев в разгар германского вторжения эвакуировать значительную часть промышленности на восток. Без мощной промышленной базы на востоке и без этой эвакуации промышленности СССР потерпел бы поражение»⁴.

Конечно, не всегда и не все ладилось в решении

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 4, с. 153.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, т. 3, с. 52.

³ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 5, с. 36.

⁴ Верт А. Россия в войне 1941—1945 гг. М., 1967, с. 28.

такой сложнейшей задачи, как перебазирование значительной части производительных сил за тысячи километров, организация их на новом месте.

Член Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Андреев в письме И. В. Сталину в октябре 1941 года, в котором обобщались результаты его бесед с руководителями местных партийных органов, отмечал, что многие секретари обкомов уральских, сибирских областей указывали на беспорядок в переводе к ним эвакуированных заводов. Очень часто оборудование теряется в дороге, приходит некомплектным, что затягивает сроки пуска заводов. «Видно, что у Совета по эвакуации и наркоматов, — резюмирует Андреев, — нет должного наблюдения за продвижением предприятий»¹. Дело, новое для всех членов Совета, для всех исполнителей его решений, не могло протекать без сучка и задоринки в условиях крайней спешки, сверхперегрузки транспортных артерий.

Часть оборудования вообще не удалось вывезти, и оно было уничтожено, чтобы не досталось врагу; другая его часть погибла во время демонтажа и эвакуации под огнем вражеской артиллерии и авиации. Некоторые предприятия оказались рассредоточенными в нескольких местах, как это случилось, например, с оборудованием Брянского завода, находившимся в шести городах. Эти трудности усугублялись нехваткой квалифицированных рабочих, строительных материалов и других материальных ресурсов.

Летом 1942 года началась новая и последняя, значительно меньшая волна эвакуации: захватчики двинулись к Сталинграду и на Кавказ. Были вывезены сотни тысяч людей, свыше 150 крупных промышленных предприятий, для чего потребовалось до 70 тысяч вагонов².

Оккупация немецко-фашистскими войсками важных хозяйственных районов страны, разрушения, вызванные бомбежками и артиллерийскими обстрелами, эвакуация и возрождение на новых местах сотен предприятий, сам процесс перестройки народного хозяйства на военный лад — все это крайне осложняло работу отраслей, ломало устоявшиеся кооперационные связи, привычную специализацию, нередко лишало традиционных источников сырья, комплектующих изделий и т. д.

Вследствие всех этих причин во втором полугодии 1941 года произошло существенное сокращение про-

¹ «Советская Россия», 1989, 20 октября.

² История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 5, с. 39.

мышленного производства, которого не избежали и оборонные отрасли. С июня по ноябрь валовая продукция промышленности уменьшилась в 2,1 раза. Выпуск проката черных металлов с июня по декабрь упал в 3,1 раза, производство шарикоподшипников — в 21 раз¹. Этот перечень говорит сам за себя — без металла нет оборонной промышленности, без шарикоподшипников нет боевой техники. С августа по ноябрь по разным причинам выбыли из строя 303 предприятия, изготавливавшие боеприпасы.

Два последних месяца 1941 года и два первых месяца 1942 года были критическими для советской экономики, особенно для промышленности. С марта 1942 года объем промышленного производства стал неуклонно возрастать. Практически перевод народного хозяйства СССР на военные рельсы был осуществлен в течение года.

Основной промышленной базой советской экономики стали районы восточнее Волги, самым мощным из которых был Урал. В 1942 году по сравнению с довоенным 1940 годом в этом и ранее достаточно развитом в индустриальном отношении районе валовая продукция индустрии возросла в 2,8 раза, в Поволжье — в 3,1 раза, в Западной Сибири — в 2,3 раза, в Средней Азии и Казахстане — в 1,2 раза². В эти районы в первый период войны направлялась большая часть капитальных вложений, материальных ресурсов, предназначавшихся для осуществления срочных мер, намеченных партией и правительством. Здесь строились новые и расширялись действующие электростанции, сооружались шахты, предприятия металлургии, велись интенсивные поиски нужных материалов и источников энергии. Уже в 1942 году на Урал приходилось 65,4 процента общесоюзной выплавки чугуна, 56,2 — стали, 58,2 процента производства проката³. В этом регионе заново были освоены прокат и обработка цветных металлов, производство твердых сплавов. Уральцы и эвакуированные коллективы наладили выпуск танков, автомобилей, мотоциклов, шарикоподшипников, электромеханизмов, компрессоров, многих новых для них видов станков. В результате доля машиностроения в промышленности Урала возросла в сравнении с 1940 годом с 42 до 66 процентов, а выпуск его продукции и продукции металлообработки — в 4,5 раза⁴.

В структуре индустрии Поволжья удельный вес металлообрабатывающей промышленности к тому времени вырос до 74 процентов против 31 процента в 1940 году. Здесь возникли такие новые отрасли, как авиационная, авиамоторная, автомобильная, кабельная, газовая⁵.

¹ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, с. 42—43.

² История второй мировой войны 1939—1945 гг., с. 49, 51—52.

³ Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, с. 121.

⁴ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, с. 50—51.

⁵ Там же, с. 49.

В Западной Сибири по сравнению с 1940 годом выработка электроэнергии возросла в 1942 году в 1,36 раза, продукция машиностроения и металлообработки — почти в 8 раз. С потерей Донбасса Кузнецкий бассейн стал основным поставщиком коксующихся углей. Сибиряки заново организовали производство алюминия и олова, вместе с эвакуированными из Донбасса рабочими и специалистами быстро развернули химические предприятия. Новыми отраслями стали и самолетостроение, производство танков, тракторов, мотоциклов, шарикоподшипников, электротехнических изделий и инструмента.

На востоке Сибири в сравнении с 1940 годом в 1942 году выплавка стали увеличилась в 1,5 раза, производство проката — в 2,5 раза, добыча марганцевой руды — более чем в 1,5 раза, выработка электроэнергии — в 1,2 раза. Впервые здесь был налажен выпуск металлургического оборудования¹.

Существенно возрос в первые полтора года войны промышленный потенциал республик Средней Азии и Казахстана, где в 1942 году продукция металлообрабатывающей промышленности превышала довоенный уровень в 2,83 раза. Крупные капитальные вложения были направлены на развитие угольной, нефтяной и нефтеперерабатывающих отраслей. Строились небольшие переделанные заводы, мелкие и средние гидроэлектростанции. Особенно большое значение для военной экономики имело существенное расширение производства таких стратегических видов цветных металлов, как свинец, вольфрам, ртуть, молибден. Росло производство промышленной продукции для нужд фронта и на Дальнем Востоке.

Таблица, приведенная ниже, дает представление о том, какую роль играли районы Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока в нашем промышленном производстве.

Удельный вес восточных районов СССР в общесоюзном производстве важнейших видов промышленной продукции (в %) ²

Виды продукции	1940 г.	1942 г. *
Железная руда	28,7	96,8
Марганцевая руда	8,4	84,7
Чугун	28,5	97,4
Сталь	32,0	88,6
Прокат	32,3	89,8
Кокс	24,6	98,9
Уголь	35,9	81,8
Нефть	11,5	18,3
Станки	7,1	52,0
Тракторы	27,1	100,0
Электрэнергия	22,1	59,3

* В показатели 1942 года включены данные по Поволжью.

¹ Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, с. 121.

² Там же, с. 122.

Для наступавшего на наши традиционные промышленные центры врага столь быстрое развертывание экономического потенциала восточных районов, усиленного эвакуированными предприятиями, было полной неожиданностью. Ведь еще в конце ноября 1941 года на одном из совещаний Гитлер выразил уверенность, что в результате потери важнейших источников сырья, в особенности Донецкого угольного бассейна, военный потенциал русских значительно снизился и в военно-экономическом отношении они не смогут быстро встать на ноги¹.

В Великой Отечественной войне районы, расположенные восточнее Волги, находились на таком удалении от театра военных действий, что их экономическому потенциалу не грозило разрушение. В 1941 и 1942 годах враг еще предпринимал эпизодические налеты авиации на города и предприятия, расположенные на Волге, однако они отражались частями ВВС и ПВО. Позже, когда линия фронта стала отодвигаться на запад, налеты прекратились.

Сложнее в этом отношении было работать предприятиям, расположенным между фронтом и Волгой, на Северном Кавказе и в Закавказье. Но и здесь производственные мощности заводов и фабрик использовались с максимальной отдачей. В республиках Закавказья строились крупные предприятия черной металлургии и машиностроительные заводы, самоотверженно трудились нефтяники, понимавшие, что значит каждая добытая тонна нефти для фронта.

Продолжали напряженно работать на нужды фронта трудящиеся Москвы и блокированного Ленинграда.

Москва, как и некоторые другие города, например Тула, по существу, стала прифронтовым городом. По решению ГКО 20 октября в ней было введено осадное положение. Нередко продукция ее заводов и фабрик из цехов поступала прямо на передовую. Дважды Герой Советского Союза генерал армии А. П. Белобородов, который осенью — зимой 1941 года командовал 9-й гвардейской дивизией, воевавшей в сорока километрах от Москвы, вспоминал, что ее тылы в буквальном смысле опирались на Москву: боезапасы доставлялись с окраины города, хлеб — с хлебозавода на Вальной улице, автомашины ремонтировались на Московском авторемонтном заводе № 1².

¹ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 2, с. 53.

² Белобородов А. П. Всегда в строю. М., 1978, с. 129—130.

Выше уже говорилось о предприятиях, оборудованные и квалифицированные кадры которых были вывезены из столицы. По этой причине выпуск промышленной продукции в городе в январе 1942 года составлял лишь 32,2 процента к уровню июня 1941 года. Но даже в полупустых цехах эвакуированных заводов работа не прекращалась. Благодаря настойчивой деятельности городской партийной организации, высокому чувству ответственности и патриотизму московских рабочих и специалистов, остававшихся в городе, уже в июле 1942 года промышленное производство достигло 49 процентов, а в декабре того же года — почти 68 процентов довоенного уровня¹. Москвичи продолжали производить автомобили, самолеты и другую боевую технику и вооружение. Вскоре, когда враг был отброшен от ворот столицы, в Москву началась эвакуация ряда предприятий.

Беспримерен трудовой подвиг осажденных ленинградцев. Уже в первой декаде сентября немецко-фашистские войска прорвались к Ладожскому озеру и захватили Шлиссельбург, расположенный в том месте, где Нева начинает свой путь от Ладожского озера к Финскому заливу. С этого момента пошел отсчет времени героической обороны блокированного города.

Фронт настолько близко подошел к Ленинграду, что рабочие Кировского завода нередко были вынуждены бросать станки и браться за оружие: «Как только на переднем крае, проходившем совсем близко, создавалась угроза прорыва немцев, — вспоминал кузнец М. Серафимович, — мы немедленно покидали свои рабочие места. Я быстро раздавал людям оружие и боеприпасы, и мы занимали боевые позиции в дзотах, сооруженных возле завода»².

До блокады из Ленинграда удалось эвакуировать 92 крупнейших предприятия. Но много оборудования осталось в городе. Работа для нужд фронта велась в условиях жестокого голода, суровой зимы, под постоянными огневыми ударами авиации и артиллерии врага по пристрелянным, хорошо известным промышленным объектам, из которых 840 ему удалось вывести из строя³. Городу не хватало сырья, топлива. А главное — слишком мало физических сил было у тех, кто трудился в це-

¹ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, с. 59.

² «Труд», 1987, 1 ноября.

³ Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. М., 1983, с. 217.

хах заводов и фабрик. В самый трудный в продовольственном снабжении период рабочие получали в день по 250 граммов хлеба, а служащие, иждивенцы и дети — по 125 граммов.

Но никакой голод не мог пересилить в ленинградских рабочих ненависти к врагу, чувство долга перед Родиной. Ветераны Кировского завода вспоминали, как фрезеровщик Е. Савич, не покидавший цех даже в часы отдыха и сна, однажды, когда привезли детали, требовавшие точной обработки, попросил товарищей помочь подняться с койки. У самого не было сил. Пока он вел расточку, его держали под руки, а назад на койку несли на руках¹. К счастью, Е. Савич выжил и после войны был известным новатором-скоростником. Сила духа ленинградцев творила чудеса — фронту доставлялся максимум того, что можно было изготовить в условиях блокадного города.

Д. В. Павлов, работавший в суровое блокадное время уполномоченным ГКО по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда, вспоминает в книге «Ленинград в блокаде»: «Можно остаться (в осажденном городе. — В. П.) и вести себя безразлично ко всему окружающему, трепетать перед угрозой вторжения врага, уклоняться от общественных работ. Ничего подобного в Ленинграде не было. Все население отлично понимало обстановку, и каждый человек старался быть полезным и сделать то, что было в его силах»². И так все дни блокады — от 8 сентября 1941 года до 18 февраля 1943 года.

* * *

Я с большим удивлением прочитал ту часть одного из интервью писателя Виктора Астафьева, в которой он заявил, что Ленинград надо было сдать врагу: «Миллион жизней — за город, за коробки? Восстановить можно все, вплоть до гвоздя, но жизни не вернешь».

А под Ленинградом? Люди предпочитали за камень погубить других людей. И какой мучительной смертью! Детей, стариков...»³

Дело, конечно, не в коробках зданий, хотя нам прекрасно известно, что сделали немцы в Петродворце,

¹ «Труд», 1987, 1 ноября.

² Павлов Д. В. Указ. соч., с. 175.

³ «Правда», 1989, 30 июня.

Пушкино, Павловске, Ломоносове, и мы отдаем себе отчет в том, что значит Ленинград для русской и мировой культуры.

Дело в людях, которые жили в этих коробках и оказались бы во власти безжалостного врага. Как можно рассуждать о нашем антигуманизме и не считаться с историческими фактами? Я позволю себе привести выдержки из документа, изданного главным командованием сухопутных войск Германии (ОКХ) 12 октября 1941 года. В нем речь идет о директиве Гитлера немецким войскам, его указании, как следовало действовать при планировавшемся захвате Москвы и Ленинграда: «Необходимо иметь в виду серьезную опасность эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно... И для других городов должно действовать правило, что до захвата их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство.

Совершенно безответственным было бы рисковать жизнью немецких солдат для спасения русских городов от пожаров или кормить их население за счет Германии...

Это указание фюрера должно быть доведено до сведения всех командиров.

Дополнение главного командования сухопутных сил.

Следует как можно скорее отрезать город от коммуникаций, связывающих его с внешним миром»¹.

В свете приведенного документа хочется спросить, на чью гуманность надо было рассчитывать, сдавая немцам Ленинград? На гуманность тех, кто собирался его «громить артиллерийскими обстрелами и воздушными налетами»? А это разрушение не только коробок, но и гибель людей. Или смерть детей и стариков от голода в окруженном врагом беззащитном городе (ведь немцы не собирались их кормить) гуманнее их смерти в защищаемом своей армией городе? Сколько людей выжило только потому, что, помимо кусочка хлеба насущного, питалось еще и надеждой на лучшее, на конечную победу! Или вообще гуманно отнять у людей надежду на спасение?

Спросите у оставшихся в живых блокадников Ленинграда, хотели бы они оказаться под игом врага, с уче-

¹ «Совершенно секретно! Только для командования». М., 1967, с. 339—340.

том их сегодняшних знаний, во что им обошлись голод, холод, бомбежки и артобстрелы? Мне пришлось познакомиться с письмами-откликами на интервью В. Астафьева защитников города, блокадников, в том числе тех, кто был в то время детьми. В подавляющем большинстве сама эта мысль категорически отвергается, воспринимается как оскорбление и павших, и живых, и Родины.

Любая война антигуманна. Если следовать предложенной логике, с нападением врага гуманистам надо прекращать сопротивление, поскольку оно сопровождается жертвами. Только не с тем врагом мы воевали, чтобы он внимал нашим рассуждениям о гуманизме. Или уже забылись воздушные налеты на дороги, забитые беженцами, массовые расстрелы мирных жителей, Бабий Яр, Саласпилс и сотни других лагерей, в которых погибали не только военнопленные, Хатынь и прочие пепелища, ставшие усыпальницей безоружных детей, женщин, стариков?

Конечно, можно сейчас абстрактно рассуждать о том, что гуманно и что антигуманно. Жителей Ленинграда пытались эвакуировать, руководствуясь именно гуманными соображениями. Но это не удалось сделать из-за действий врага. А на его гуманизм рассчитывать не приходилось. 8 июля 1941 года, вернувшись с совещания у Гитлера, Ф. Гальдер записывает в дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация... Это будет (далее, судя по всему, идут взятые в кавычки слова Гитлера. — В. П.) «народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще»¹.

Вот выдержка из предложений ОКХ по продолжению операций, датированная 18 августа 1941 года: «Группа армий Север к концу месяца отрежет Ленинград... Они (войска. — В. П.) должны будут удерживать фронт окружения вокруг Ленинграда»². А ведь это еще только середина августа. Вот приказ ставки вермахта от 21 августа, подписанный лично Гитлером: «Только окружение

¹ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1, с. 101.

² «Совершенно секретно! Только для командования». М., 1967, с. 315.

Ленинграда, соединение с финнами... приведет к освобождению сил»¹. Как видите, речь идет именно об удушении города, а город — это прежде всего люди, а не коробки.

В борьбе за Ленинград враг делал сознательную ставку на фактор голода, о чем свидетельствует запись Ф. Гальдера, сделанная 18 сентября: «Учитывая потребность в войсках на ленинградском участке фронта, где у противника сосредоточены крупные людские и материальные силы и средства, положение здесь будет напряженным до тех пор, пока не даст себя знать наш союзник — голод»² (разрядка наша. — В. П.).

В рассуждениях о судьбе Ленинграда и ленинградцев надо принимать во внимание еще несколько крайне существенных обстоятельств.

Первое. Как в потрясенной войной стране, утратившей за несколько месяцев громадную территорию, отозвалось бы падение символа социалистической революции, каким является Ленинград, как это отразилось бы на моральном состоянии армии, откатившейся за пять месяцев войны более чем на 1200 километров в глубь своей земли? Ведь еще не было сражения под Москвой, еще не отбили, хотя бы на время Ростов, убедившись тем самым, что врага можно побеждать. А Ленинград уже был примером стойкости, примером того, что противнику, по крайней мере, можно противостоять.

Второе. Ленинград представлял собой крупный промышленный центр, в котором был сосредоточен большой оборонный потенциал. Он не переставал работать на разгром врага в самые тяжелые месяцы блокады. Могла ли страна, напрягавшая все силы в борьбе, лишиться его? Разве не привело бы все это к еще более тяжелым жертвам?

Третье. Ленинград и Кронштадт (а их судьбы неразделимы) были последним пристанищем для Балтийского флота, который на случай сдачи этих городов был подготовлен к уничтожению. Ему просто некуда было деваться. Все дни ленинградской блокады балтийские моряки мощью своего оружия способствовали сдерживанию, а затем разгрому врага. В последующем флот сыграл свою роль в битве на северо-западном театре военных действий.

¹ «Совершенно секретно! Только для командования». М., 1967, с. 318.

² Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1, с. 360.

Четвертое. Куда бы направились, пройдя торжественным маршем по Невскому и Дворцовой площади, десятки немецких дивизий, застрявших вокруг Ленинграда, если бы город преподнесли им на блюдецке? Если этого не знает известный писатель, могу подсказать, восстановив опущенную часть цитаты из директивы Гитлера. Воспроизведу теперь ее полностью: «Только окружение Ленинграда, соединение с финнами и уничтожение 5-й русской армии приведет к освобождению сил и создаст предпосылки для выполнения задач, изложенных в дополнении к директиве № 34 от 12 августа, т. е. для усиленного наступления и уничтожения группы армий Тимошенко»¹. Поясним, что речь идет о наших войсках Западного и Резервного фронтов, которые в то время были объединены Главным командованием войск западного направления и прикрывали Москву. Эту угрозу хорошо видело командование Красной Армии: «Быстрый захват Ленинграда, — писал маршал Жуков, — позволил бы Гитлеру высвободить действующие там германские войска, все танковые и моторизованные соединения, входившие в состав 4-й танковой группы, необходимые для успешного осуществления операции «Тайфун»². А это кодовое название операции по захвату Москвы.

Пятое. Падение Ленинграда поставило бы под вопрос возможность связи с союзниками через Мурманск и Архангельск. Безусловно, немцы, а не исключено, что в такой ситуации и финны, сделали бы все, чтобы прервать такую связь.

Наконец, последнее, о чем хотелось бы сказать. Предположим, мы сдаем Ленинград. Посмотрите на карту восточнее и севернее города (на запад и на юг хода не было). Куда осенью и зимой должно было идти его многомиллионное население — дети, старики, женщины? Это же не Украина, не Ставропольский и Краснодарский края с их относительно благоприятными погодными условиями. Леса, болота, бездорожье, редкое жилье, а зимой плюс к тому глубокие снега и жестокие морозы (особенно зимой 1941 года).

Я не собираюсь переубеждать В. Астафьева, тем более что он предвидит критику и предупреждает, что думать-то от этого по-другому не может. Но вольно или невольно писатель создает у малосведущего, осо-

¹ «Совершенно секретно! Только для командования». М., 1967, с. 318.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 1, с. 393.

бенно молодого читателя образ несуществовавшего гуманного трага, который мог бы воспринять наш гуманный шаг. Фашизм таким не был. И не потому ли, что мы иногда стали забывать его истинный облик, что в описаниях Великой Отечественной войны стали чаще говорить лишь о наших ошибках и просчетах, заслоняя ими подвиг народа и его армии, появились на наших улицах недоумки со свастиками и другой фашистской атрибутикой? Не потому ли девушка, выросшая в Ленинграде, на вопрос, сколько человек погибло во время блокады, отвечает: «Точно не знаю... Несколько тысяч, нгаерное...»

...Лет десять назад я приехал в Ленинград на большую всесоюзную конференцию. Ленинград встретил нас обычной вокзальной суматохой и апрельским солнцем.

Весна все больше вступала в свои права. И с каждым утром, когда мы спешили из гостиницы к старинному зданию, в котором проходила конференция, становилось все теплее. Почерневшие кучи снега оседали и уплотнялись, мостовые подсыхали, а на газонах пожухлая прошлогодняя трава уже не могла скрыть яркую молодую зелень. Мы подставляли лица солнцу, расстегивали плащи и пальто, снимали шарфы и невольно расправляли плечи, вдыхая пахнувший весной воздух.

Конференция подходила к концу. Прозвучало заключительное слово, опустился занавес после концерта, который ленинградцы давали в честь ее участников. Большинство покидало город в тот же вечер. Я же еще раньше решил, что задержусь на выходной день, чтобы побывать у родственников и обязательно походить по залам Русского музея, постоять у полотен любимого М. И. Нестерова.

Утром следующего дня еще сквозь сон я услышал странный свист. Казалось, рядом в комнате свистят два-три неведомых существа, выводя замысловатые рулады. Даже тогда, когда сон окончательно покинул меня, я не сразу определил источник звуков. Свистел ветер, прорывавшийся в щели металлических оконных рам. В номере было холодно, а когда я выглянул на улицу, ни асфальта мостовой, ни зеленых газонов не было видно: довольно толстый слой чистого снега устилал землю.

Время было раннее, но спать уже не хотелось. Я быстро позавтракал и вышел на улицу. Снег слепил глаза, хрустел под подошвами ботинок. Погода к прогулке не располагала, и я спустился в метро.

Около музея часы показывали начало девятого, а он

открывался в десять. Нужно было как-то заполнить два часа, что в такое время и при такой погоде не очень просто сделать.

Без цели я побрел по направлению к каналу Грибоедова, вышел на его набережную, обошел церковь Спаса на крови, разглядывая мозаичные картины, выполненные по рисункам Нестерова, Васнецова и других известных русских художников. Снегопад несколько поутих, но ветер по-прежнему был холодным и сильным, в иные мгновения шквальным. Надо было на что-то решаться.

Центральные магистрали города я хорошо знал, плутать бесцельно по переулкам не хотелось, забиваться в зал кинотеатра и смотреть неведь что — тем более. И здесь я вспомнил о доме на улице Декабристов, в котором прошло мое блокадное детство. Дважды во время своих предыдущих поездок в Ленинград я подходил к нему. Но каждый раз шел от площади Труда. Память подсказала, что за квартал от блокадного пристанища нашей маленькой семьи сразу за Театром оперы и балета имени С. М. Кирова улицу пересекает какой-то канал. Почему-то мне казалось, что это канал Грибоедова. И я решительно двинулся в путь вдоль его набережной.

Невский остался позади. На открытом пространстве ветер упрямо упирался в грудь, снег сек лицо, ноги скользили по обледеневшему асфальту. Людей на улице в ненастный выходной день было мало. Навстречу попадались только старики. Согнувшись, они медленно брели с сумками и бидонами в руках, в толстых темных зимних одеждах, укутанные по самые глаза в шарфы и платки, с трудом преодолевая ледяные катки тротуаров и островки снежных заносов.

На противоположной стороне набережной пустые глазницы оконных проемов нескольких зданий, ожидавших, видимо, реконструкции, вдруг остро воскресили в памяти остовы разрушенных бомбежками и артиллерийскими обстрелами домов. Откуда-то из переулков долетел раскатистый металлический грохот.

На какое-то мгновение мне показалось, что по улице иду не я — взрослый человек сорока с лишним лет от роду, а семилетний мальчик из зимы 1941 года. Ощущение было на редкость достоверным. Казалось, я загляну налево в переулок и увижу плотную очередь у продуктового магазина, заваленную снегом непроез-

жую мостовую, бугристые наледы у временных колонок, косые кресты бумажных полосок на окнах, оборванные провода, следы разрушений.

Наваждение прошло быстро: на мосту, где канал пересекает улица Дзержинского, показался троллейбус, навстречу выскочила пара ярко окрашенных «Жигулей». Но я уже попал во власть воспоминаний и не разглядывал с прежним интересом архитектуру зданий, тянувшихся вдоль канала...

* * *

Как руководитель организации союзного значения, отец имел броню от призыва на фронт. На просьбу отпустить его в действующую армию он получил отказ из ВЦСПС. Однако по поручению Ленинградского обкома вместе с другими работниками отец выехал в конце июня или начале июля в зону Беломорско-Балтийского канала формировать из его строителей (а многие из них были заключенными) саперные батальоны. Изредка он появлялся в Ленинграде и рассказывал о том, как на баржах, замаскированных под лесовозы, новые формирования плыли по каналу, озерам и рекам, как их бомбили и обстреливали немецкие самолеты.

Где-то в середине сентября отец вновь дал знать, что он в Ленинграде и назвал адрес на одной из Красноармейских улиц, по которому его можно было найти. Стоял пасмурный теплый день. Мы прошли по улице, обрамленной высокими деревьями. Их листва была еще зеленой. Часовой вызвал папу. Он быстро спустился с высокого крыльца, выходящего во двор. Загорелый, похудевший, в ладно пригнанной форме со «шпалой» в петлице и звездой батальонного комиссара на рукаве. Мы прошли в помещение, в котором было много младших командиров и один — с двумя шпалами — немолодой светловолосый майор с изрезанным морщинами лицом.

Я возбужденно вертел голозой, стараясь все охватить взглядом: карты Ленинграда и области на столе, новенькие поскрипывающие портупеи, кобуры, бинокли, планшеты, молодые лица лейтенантов, суету за окном, где во дворе пожилые красноармейцы сгружали с телег большие зеленые ящики.

Главное, что сказал отец, — это о своем решении уйти на фронт вместе с последним батальоном, в фор-

мировании которого он принимал участие. Мама понимала его. Мы сами — мама, я, бабушка и дедушка — буквально со дня на день должны были эвакуироваться вместе с эшелонам Ленинградского Монетного двора. Тогда еще никто из нас не знал, что это последняя наша встреча перед несколькими месяцами разлуки. Когда в следующий раз мы пришли по знакомому адресу, там размещалась другая часть, и никто ничего не мог сказать о саперном батальоне. Как мы узнали позже, батальон срочно был брошен на пулковское направление, с ходу вступил в бой, отразил на своем участке наступление врага, закопался в землю и оборонялся как обычное стрелковое подразделение все то время, что в нем воевал отец. А он воевал со спокойной душой в полной уверенности, что мы где-то на востоке страны.

В такой же уверенности был и дядя Сережа. С ним мы попрощались еще раньше. Кто-то дал знать, что его часть будет выходить на Невский с набережной Фонтанки. Мы как раз были у бабушки с дедушкой и бросились собирать все съестное, что было под рукой. Не одна войсковая часть прошла мимо нас, и не одни мы стояли на мосту в ожидании. Наконец в конце очередной колонны мы увидели маленького и щупленького рядового Джалалова с длинной винтовкой за спиной, обвешанного скаткой, сумками, подсумками. Встреча на ходу была короткой, и в следующий раз дядю Сережу мы увидели лишь весной 1942 года. Только тогда он узнал о смерти дедушки от голода, о том, как мы прожили страшные осень и зиму 1941/42 года.

А произошло с нами вот что. Когда до отъезда из Ленинграда оставался один день и все вещи были уже на вокзале, старшие заявили, что никуда не поедут, поскольку здесь под Ленинградом их сын. Мама не могла оставить стариков одних и некому было об этом сообщить, ибо она не знала полевой почты ни папы, ни дяди Сережи. К тому же было еще одно обстоятельство, которое привело к нашей долгой разлуке. Когда фронт угрожающе быстро стал приближаться к городу, мама, маленькая, хрупкая женщина, вместе с десятками тысяч ленинградцев выезжала на рытье окопов и противотанковых рвов, а позже стала работать санитаркой в военном госпитале, который был организован в той самой школе, что была видна из окон нашей квартиры.

Соседи давно эвакуировались, и меня не с кем было

оставить на ночь. Да и страшно было разлучаться в то время, когда воздушные тревоги объявлялись все чаще и чаще, а рядом был Кировский завод — объект повышенного внимания вражеских бомбардировщиков. Поэтому большую часть времени я проводил в подсобных помещениях госпиталя: в кладовых и бельевых, чтобы не попадаться на глаза строгому медицинскому начальству.

Каждый день по несколько раз способные хоть как-то передвигаться раненные и персонал госпиталя спускались в подвал школы, где было оборудовано бомбоубежище. Тускло горели лампочки. Слышались стоны, тихий говор фронтовиков, резкие команды медиков. Остро пахло лекарствами и хлоркой. Снаружи глухо доносился частый лай зенитных орудий, иногда вздрагивала земля от тяжелых разрывов, мигали, а то и гасли лампочки.

В тот раз (это было утром) во дворе школы неожиданно раздались взрывы. Зазвенели, рассыпаясь, стекла, в коридоре послышались громкие возбужденные голоса, захлопали двери. Привычным маршрутом по двум лестницам обитатели госпиталя переселились в подвал. Близкие взрывы не прекращались, а по радио шла обычная передача, никакой тревоги не объявлялось.

Всех сестер и врачей вызвали наверх. К тыльной стороне здания подошел очередной автобус с ранеными, и их срочно надо было переправить в бомбоубежище. Автобус был обстрелян, когда ехал по пустырю. Опытные фронтовики не сомневались: это минометный обстрел. Но откуда? Вскоре прояснилось, что ночью на Красненьком кладбище высадился десант немецких парашютистов. В середине дня было решено быстро вывезти госпиталь в центр города.

Маму вызвал кто-то из начальников и сказал, чтобы она вместе с сыном (все знало начальство!) уходила сама, но не по дороге, которая дугой шла от школы к нашему кварталу, а напрямик через поле — так безопаснее.

За школой стояло несколько крытых машин и автобусов. В них быстро усаживали и укладывали раненых. А мы кратчайшим путем по протоптанной тропинке среди зарослей пожухшего бурьяна и крапивы, мимо куч битого кирпича и вывороченной глины побежали к своему дому. Вновь раздались взрывы. В километре от нас ползли, раскачиваясь на ухабах, машины, а рядом с ними неожиданно вспухали и опадали небольшие темные

фонтаны, создавая дополнительную пыльную завесу на дороге. В направлении нас никто не стрелял.

Усталые и разгоряченные, мы спустились в сырую прохладу бомбоубежища нашего дома. Его перепуганные обитатели говорили только о немецком десанте. Большинство из них составляли беженцы. В последнее время и днем, и ночью они шли непрерывным потоком мимо новостроек проспекта Стачек, выталкиваемые наступавшим врагом с обжитых мест. Дети, старики, взрослые — чаще всего женщины. Их легко было отличить по серым от пыли, заострившимся от недостатка еды, переживаний и усталости лицам, по нервическому блеску глаз, по точкам, рюкзакам и чемоданчикам.

Немецкий десант на Красненьком кладбище был вскоре ликвидирован, но враг приближался, и обитателей наших домов стали переселять в центр города. Так мы попали на улицу Декабристов и стали жить по новому, неизвестному отцу адресу.

Позже выяснилось, что как-то поздней осенью, будучи в городе, он заскочил домой и увидел явные следы сборов, пустые полки шкафа, отсутствие чемоданов и постельных принадлежностей. Это тем более его успокоило, а нас едва не лишило надежды на жизнь.

Запомнился первый в моей жизни артиллерийский обстрел. В очередной раз мы с мамой забежали во Дворец труда, чтобы узнать, нет ли каких-либо вестей от отца. Увы, в очередной раз слабому огоньку надежды не суждено было разгореться. Подставляя лица мягкому осеннему солнцу, мы медленно шли по направлению к Театральной площади. Неожиданно раздался зловеющий свист, и перед мостом через Мойку расцвел взрыв. Сидевшая на высоком стуле у трамвайной развилки стрелочница опрокинулась назад. За первым взрывом, нагоняя друг друга, в глубине ближайших кварталов загремели следующие. Осколки металла и битого кирпича забарабанили по крышам и тротуарам. Мы вместе с десятками других прохожих бросились в переулок, но все двери и ворота старинных зданий или охранялись военными, или были закрыты. Пронзительный свист и гулкие взрывы продолжали терзать воздух, а мы металась по переулку. Закричала женщина. Сквозь пальцы, закрывшие лицо, текла кровь.

Наконец одни ворота открылись и нас впустили в глубокую подворотню. Появился военный врач с сумкой, промыл рану женщине: осколок кирпича разбил ей

переносицу. Обстрел прекратился так же неожиданно, как начался. Сколько их затем было — не упомнить. Но по свисту снарядов ленинградцы научились определять, с немецкой или финской стороны идет обстрел, близким или дальним будет разрыв снаряда.

Часто, очень часто налетали на город и самолеты фашистов. Мы жили недалеко от крупных промышленных предприятий, поэтому бомбили нас и близлежащие кварталы сильно. Довольно быстро мы поняли: неизвестно, что страшнее — погибнуть сразу и вместе или задохнуться в заваленном рухнувшим домом бомбоубежище. Ведь разбирать руины было некому. Поэтому в бомбежки мы не покидали свою комнату и лишь теснее прижимались друг к другу. А зимою и сил-то, чтобы спуститься вниз, если бы даже хотели, не было. Повезло. Выжили. В наш дом попал лишь один снаряд, а в комнату, разнеся вдребезги оконные стекла и перебив на своем пути посуду на столе, влетел только один осколок, который, еще мгновение, стоил бы бабушке жизни — она перед этим на шаг сдвинулась в сторону.

По поздней весне ребяшня ожила. С началом бомбежек и артобстрелов с улиц и дворов уходила в подъезды, выглядывая в дверь. Особым шиком было выскочить на улицу и подобрать шмякнувшийся на асфальт зазубренный, еще теплый металлический осколок вражеского или своего зенитного снаряда.

Последний огневой налет нас застал в стареньком вагоне пригородного поезда на пути из Ленинграда к Ладогe в августе 1942 года. Поезд остановился в лесу. Маскировочные сети и две стены лиственных деревьев образовывали ненадежный зеленый тоннель, вокруг которого гремели взрывы. Задержки в пути было достаточно, чтобы мы опоздали на буксир, отваливший от причала на наших глазах. На нем должны были переправиться тюки с документами организации, в которой работал отец, к этому моменту отозванный с фронта, и три семьи — наша и двух его сослуживцев — с многочисленными пожитками.

Через какое-то время вместе с другими эвакуируемыми мы погрузились в небольшую металлическую баржу, в каких возят песок и гравий. Ее тянул маленький катерок. Баржа так низко сидела в воде, что, когда я поднимал голову, волна, казалось, плескалась на уровне глаз. Говорили, что буксир попал под сильный об-

стрел с воздуха. Мы же шли в стороне от основного фарватера и добрались до берега благополучно.

Но ни бомбежки, ни артиллерийские обстрелы, ни даже болезни и эпидемии не унесли столько жизней ленинградцев, сколько голод.

Голод. Он подкрался не сразу. В первые дни войны в магазинах все было. Только очереди становились длиннее и длиннее да перечень продуктов, которые трудно было купить, все больше. В очередях рассказывали об арестах спекулянтов и паникеров: у одних обнаружили ванну, заполненную керосином, у других — мешки соли, у третьих — ящики с мылом и спичками.

Примерно через месяц после начала войны появились продуктовые карточки. Но и тогда призрак голода был все еще далек. Вспоминаю, что, готовясь к эвакуации, мы засушили мешок белых сухарей. Когда выяснилось, что никуда не поедем, принесли его вместе с вещами с вокзала на Незский. От долгого лежания под открытым небом часть сухарей заплесневела. Бабушка отказалась их перебирать. А в это время по квартирам уже ходили беженцы с просьбами о помощи. Мы предложили сухари одним, другим — желающих не нашлось, все отворачивались от вида и запаха плесени. У меня и сейчас перед глазами стоит сшитый из бело-голубой матрасной материи мешок, полный желто-коричневых сухарей, покрытых местами зелено-серым налетом. Весь он пошел на мусорную свалку. Ох, как грезились эти сухари спустя два-три месяца, каким безвозвратно утраченным богатством казались они нам!

Нормы выдачи продуктов по карточкам стали сокращаться с середины сентября, но жить еще было можно. Не иссякли пока кое-какие личные запасы, можно было что-то прикупить втридорога у спекулянтов, что-то выменять на вещи, пустить в еду приобретенные на толкучке бытовые товары, изготовленные из органического сырья: обойную муку, столярный клей, хлопковый жмых, а также молотую корицу, гвоздику, имбирь и другие пряности, которые еще не исчезли из магазинов. Каких только «блинчиков» я не пробовал в эти дни! Некоторые готовились из очень сложного теста, включавшего и обойную муку, и кофейную гущу, и горчицу, и пряности.

Но с продуктами становилось все хуже. Не знаю, смогли бы мы в октябре съесть кошку или собаку, но практически этот вопрос и не возникал. Их уже не было.

Тревожные слухи ползли по городу: мы окружены, и поступления продовольствия прекратились, остатки его сгорели в Бадаевских продовольственных складах, подожженных диверсантами, руководители города — сплошь вредители и находятся под следствием прилетевшего из Москвы личного представителя Сталина и т. д.

Однако, как это ни парадоксально, вместе с нарастанием трудностей, вместе с усилением личного горя от безвозвратных утрат росла уверенность, что немцы в город не войдут. Все знали, что фронт стабилизировался, а к артиллерийским обстрелам и бомбежкам давно привыкли. Они были таким же обычным явлением, как смена дня и ночи.

На улице Декабристов мы вновь поселились в большой коммуналке. До войны в ней жили пять семей. Одна эвакуировалась, а с нашим приездом число семей стало прежним. С одной стороны, это была типичная ленинградская коммуналка, с другой — не совсем. Две семьи занимали в ней по две комнаты — народный артист РСФСР (если не ошибаюсь в его звании) Кабанов и бывшие владельцы квартиры, бывшие дворяне со звучной иностранной фамилией. Их-то мы и «уплотнили», въехав в первую от входной двери узкую комнату, похожую на наше жилище на Тамбовской. Кроме нас, в квартире жили девять человек: чета бывших аристократов, сухопарых и величавых, и их приветливая, невысокая, кругленькая незамужняя дочь — костюмер Театра оперы и балета имени С. М. Кирова («Мариинка», как любовно называли его коренные ленинградцы); мощный бас Кабанов, певший в этом театре и постоянно работавший над своим голосом, его сын — слабый тенор; две худые молодые женщины лет под тридцать — высокая и маленькая, жившие вместе, и, наконец, пожилой крупный пожарник и его суетливая, говорливая чернявая жена, занимавшие комнату бывшей прислуги, со входом через кухню.

До середины ноября здесь так же, как в доме на Тамбовской, все собирались на кухне. Но вызвано это было не только потребностью в общении, но и тем, что кухня с приходом холодов стала самым теплым местом в квартире. На плите готовилась все более скудная пища, кипели чайники, соседи обсуждали сводки с фронтов, новости осажденного города, редкие весточки с «большой земли», кулинарные рецепты по приготовлению из

несъедобного съедобного. Горе и трудности объединяют людей. Помню, как однажды раздался деликатный стук в нашу дверь, и вошла бывшая владелица квартиры с высоко поднятой тарелкой в руках, в которой колыхалась смесь желатина со столярным клеем, приправленная лавровым листом и душистым перцем. Поверьте, тогда это было актом большого милосердия, проявлением искреннего сочувствия. Между тем лишь месяц назад именно она с надменным видом говорила матери: «Милочка, имейте в виду, когда немцы придут сюда, мы не будем скрывать, что вы жена комиссара». Всего один месяц сблизил нас перед лицом общего врага, общего несчастья.

Вскоре большую печь топить стало нечем. Все обзавелись откуда-то появившимися «буржуйками» — наспех склепанными из тонкого железа печками, трубы которых выходили в форточку. В их ненасытных топках стремительно исчезали стулья, столы, газеты и книги, их бока быстро раскалялись до алого свечения, но так же быстро темнели, охлаждаясь. И холод снова вползал в комнату через рамы окон, в щели двери, залезал в рукава пальто, под воротник. По-моему, легче было привыкнуть к сосущему чувству голода, чем к холоду, а он пришел в Ленинград в этом году рано — буквально с первых чисел ноября.

Первым умер большой медведеобразный пожарник. К голоду прибавились боли в желудке от суррогатов, которыми приходилось дополнять скудный рацион, положенный по карточкам.

Потом беда пришла в нашу семью. Дедушку я последний раз видел сразу после ноябрьских праздников. Не помню, по какому поводу он пришел к нам. Еще более худой, чем до войны, совсем маленький, с буйно разросшимися жесткими бородой и шевелюрой, дедушка выглядел плохо. И, конечно, хотел есть. Мама не было, еды — тоже. И здесь я вспомнил, что незадолго до праздников мама по карточкам вместо сахара выкупила карамель «Петергоф», обернутую в красивые яркие фантики. Я заметил, где они находились, — в черном фибровом чемодане под диваном. Сам бы никогда не решился покуситься на них без разрешения, но здесь была уважительная причина — приход в гости дедушки. Мы съели по паре конфет, и дедушка, застегнув свою черную вытертую шинель, в которой он ходил еще до войны, нахлобучив на лоб ушанку с матерчатым черным

верхом и аккуратно завязав тесемки под подбородком, последний раз закрыл за собой нашу дверь.

Через месяц с небольшим к нам пришел Павлов — дедушкин и бабушкин сосед. Он рассказал, что накануне вечером, 17 декабря, когда в их небольшой кухне кончили топить печь, дедушка попросил разрешение лечь на нее, чтобы согреться. И быстро уснул, чтобы больше никогда не проснуться.

Дойти с Невского до улицы Декабристов по не очищенному от снега городу, в котором не ходил транспорт, по сильному морозу, когда от слабости кружится голова и свинцом наливаются ноги, было большим мужеством. Мама поделилась с Павловым тем немногим, чем мы располагали в этот день. Ведь для ленинградцев декабрь был самым трудным, голодным и холодным временем. Даже рабочие получали в день всего 250 граммов того кляклого и непонятного на вкус, что называлось хлебом и имело самую высокую цену — цену жизни. Именно тогда генерал-полковник Ф. Гальдер записал в дневнике (10 декабря): «Ленинград постепенно приближается к своему падению»¹.

Мама ушла на Невский, и два дня ее не было. Я ночевал у соседей в большой комнате, тесно заставленной вещами. Спал тревожно, часто просыпался. И когда просыпался, видел одну и ту же картину: в слабом свете копилки тенями бродили, пошатываясь, два старика, вздыхая и перешептываясь. Гулко били старинные часы, сокращая с каждым ударом время, которое осталось жить их хозяевам. Бывшие дворяне ушли из жизни для меня незаметно. В конце декабря — начале января я был очень слаб, не выходил из комнаты и почти не реагировал на окружающее.

Мама вернулась, конечно, не одна — с бабушкой, которую она привезла на салазках. Для меня навсегда осталось загадкой, как моя маленькая хрупкая мама, истощенная голодом и изнуренная работой на заводе в цехе, на тех же салазках отвезла своего отчима на Волково кладбище, как спустила с пятого этажа и подняла на третий практически не ходившую бабушку. Как каждый день в стужу она шла на Ворошиловский завод, стояла в очередях в магазине, ходила за водой неблизким и трудным путем к проруби на Большой Неве по обледеневшим, заваленным обломками зданий улицам. Думаю, что силы ей придавало чувство материн-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 2, с. 110.

ства, долг дочери, понимание той очевидности, что без нее мы — бабушка и я — не проживем и дня.

Последним в нашей квартире ушел из жизни певец Кабанов. Он жил уже один. Его физически слабый узкоплечий сын был все же мобилизован и последний раз появился у нас в ноябре в неладно сидевшей на нем красноармейской форме. Старший Кабанов сильно исхудал, тяжело ходил по квартире в лисьей шубе и белом пуховом платке, крест-накрест завязанном на груди. Мама встретила его незадолго до смерти на лестнице. Он сидел на холодных ступеньках и тяжело дышал. Рядом стоял бидончик с водой. «Я скоро умру, Евгения Петровна!» — сказал Кабанов, слабо махнув рукой на слова утешения. Через несколько дней его нашли мертвым на улице. Без шубы, шапки и платка: умер ли он раньше, чем был раздет, или сначала ограблен, а потом замерз — этого никто не знал.

С конца декабря продовольственные нормы стали увеличиваться, но истощенные люди десятками тысяч умирали и в январе, и в феврале. Наверняка и нас ждала та же участь. Я уже не выходил из комнаты, ничего не читал и целыми днями в полудреме лежал в пальто и валенках под одеялом и ждал, когда наконец придет мама, даст морковного чая или кипятку и кусочек хлеба. И самым большим счастьем было укрыться вместе под одеялом и греть друг друга. Грохотали зенитки, сотрясали землю авиабомбы, обрушивались артобстрелы, а мы были вместе, и это было счастьем.

Бабушка тоже не вставала. Если она не дремала, то слабым надтреснутым голосом пела старинные романсы и вспоминала рецепты кавказской кухни, чем еще больше обостряла вечное чувство голода. Мама иногда оставалась до позднего вечера на заводе в так называемом стационаре, где особенно истощенным рабочим предоставляли хоть какое-то дополнительное питание. Тогда ее дневная пайка доставалась нам с бабушкой. Я все же, думаю, что жизнь в нас постепенно угасла. Если бы не...

Это было в январе. В середине месяца. Мы с мамой лежали на нашей койке за шкафом. Был поздний вечер. Во входную дверь сильно постучали. Блокадник так стучать не мог. «Это папа!» — закричал я. Взволнованная мама поднялась с постели, с трудом вышла в коридор и спросила, кто стучит. «Женя, открой, это я!» — раз-

дался папин голос. Через мгновение он обнимал нас. С этой минуты нас убить могли только враг и болезни. Голод отступил. Нам повезло.

Как же получилось, что отец нашел нас? Не имея никаких вестей, он написал письмо директору Монетного двора. Тот ответил, что среди эвакуированных нас нет. Тогда папа использовал первый же выезд из город, а он был, по сути дела, ближайшим тылом, для того, чтобы зайти на Невский. Петр Петрович Павлов дал ему наш адрес. Буквально через несколько дней его не стало — так тонка была ниточка, связывавшая нас с отцом, с жизнью. В тот раз времени навестить нас у него уже не было. В следующий приезд папа вез с собой часть своего фронтового пайка.

Я жадно следил за тем, что выкладывалось из вещевого солдатского мешка, и, помню, получил небольшой кусочек сала с хлебом, сколок пиленого сахара, а затем долго с удовольствием возил во рту прессованный жмых. Запомнилось, как его называл отец — дуранда. Папа уехал, а есть вскоре захотелось с еще большей силой. И здесь со мной сделалась голодная истерика. Я требовал еще еды. Мама отвечала, что больше ничего нет. А я кричал, что видел другие продукты, что она хочет уморить меня голодом. Меня трясло от возбуждения, рыдания перехватывали горло, мешали говорить. Но мама держалась твердо. Представляю, чего ей это стоило.

Только позже я узнал причину ее непоколебимости. Отец категорически предупредил, чтобы мы не ели сразу помногу. И дело было не только в том, что нам надо было растянуть еду до следующего его приезда. Он рассказал трагедию семьи майора — командира его батальона.

Если читатель помнит, в сентябре 1941 года батальон с марша вступил в бой и успешно выполнил свою задачу. Майор был представлен к высокой награде — ордену Ленина. В первые месяцы войны такие награды старались вручать в торжественной обстановке, и во второй половине ноября особо отличившиеся воины, защищавшие Ленинград, вылетели в Москву. Вручал ордена Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, а затем, в честь орденоносцев состоялся богатый банкет. На банкете майор сделал пару бутербродов с деликатесами и хотел, завернув их в носовой

платок, сунуть в карман галифе. Сзади к нему подошел человек и тихо предупредил, что этого не полагается делать. Майор объяснил, что в блокадном городе у него осталась семья, которая недоедает. «И тем не менее положите бутерброды!» — сказал неизвестный.

Не сразу награжденные вернулись в гостиницу «Москва», а когда майор открыл дверь своего номера, он увидел два ящика. Один был полон деликатесами, в другом были фрукты — виноград, яблоки, груши.

С аэродрома майор на минуту заскочил домой, чтобы передать жене и дочери это богатство. На следующий ли день или несколько позже, не знаю, их не стало. Ослабленные организмы не справились с чрезмерной нагрузкой. Вот что было причиной неумолимой стойкости моей мамы.

Были трагедии и другого рода. В декабре этажом выше умерла пожилая женщина. Умерла на тюфячке, брошенном на большой сундук. Когда открыли сундук, то увидели в нем такое количество продуктов, какого при умеренном расходе хватило бы на многие месяцы. Хозяйка берегла их на «черный день», а он пришел незаметно, крадучись. Конечно, такие случаи были исключением.

В массе своей люди замечательно проявили себя в экстремальных условиях блокады. Помогали друг другу как могли и чем могли, из последних сил работали на оборону родного города, на победу над врагом.

Мне кажется удивительным то, что сумели сделать ленинградцы весной 1942 года для спасения от эпидемий, которые уже начинали косить ослабленных голодом людей. Они несли в себе не меньшую опасность, чем бомбы и снаряды.

Зимой город не убирался. Некому было это делать. Сотни разрушенных зданий образовали завалы, под которыми были погребены тысячи людей. Не всегда удавалось сразу вывезти умерших в квартирах, на улицах. У госпиталя на улице Декабристов, который находился около моста через канал Грибоедова, долгое время буквально штабелями лежали «куколки» — скончавшиеся от ран и голода больные, зашитые в простыни. Страшно было проходить мимо. Канализация и водопровод не работали, нечистоты выбрасывались прямо на улицу. Загрязненные каналы могли стать источником кишечных заболеваний.

И вот с первыми лучами весеннего солнца на улицы и во дворы вышли все ленинградцы, способные передвигаться. Они медленно, с трудом работали лопатами и ломami. Многие обессиленные умирали здесь же. Но с удивительным упорством и сознательностью жители города приводили его в порядок. Грозившая опасность была ликвидирована.

Конечно, бывало и так, что в борьбе за жизнь некоторые теряли человеческое лицо, а иные наживались на горе других. Как говорится, в семье не без урода. Приведу три разных по своей драматичности случая, относящиеся к весне 1942 года.

Случай первый. Я уже упоминал, что наша комната была ближайшей к входной двери, и если в квартиру стучали, то чаще всего открывали мы. Так было и в этот раз. Дома были я и бабушка. Вместе пошли открывать. На пороге стоял пожилой, обросший бородой человек в черной шинели с противогазной сумкой через плечо. Он сказал, что вскоре вновь начнет работать радио и надо проверить проводку. Ни старый, ни малый не сообразили, что при нарушенной в целом в доме трансляции проверять в комнате было нечего. «Мастер» что-то делал, вооружившись щипцами, меня на минуту за чем-то отослали, а когда визитер ушел, оказалось, что пропал наш дневной рацион хлеба. Если бы это случилось в декабре, последствия могли бы быть для нас катастрофическими.

Другой случай был ужасным. Как-то днем по нашему коридору прогрохотали в глубь квартиры сапоги нескольких человек. Спустя полчаса грохот повторился в обратном направлении. А потрясенные обитатели квартиры обсуждали не укладывавшуюся в сознание новость: у вдовы пожарника в мешке обнаружили части человеческого тела. Выследили ее на рынке.

Третий пример, о котором и вспоминать неприятно. В квартире напротив осталась жить лишь одна семья: мать, работавшая управдомом, и ее сын — мой ровесник. К лету 1942 года дети поднабрались сил, чтобы думать об играх, и мы ходили играть друг к другу. Большая комната, в которой жила управдом, напоминала лабиринт, сооруженный из разнообразной антикварной мебели, загроможденный бронзовыми и мраморными скульптурами богов и героев. С течением времени лабиринт все более усложнялся. Лишь много лет спустя я осознал, что трагедия и горе становились в ряде

случаев источником наживы для людей без чести и принципов. Из песни слова, как говорится, не выкинешь. Было и великое, было и низкое.

Завершить эти отрывки воспоминаний я хочу еще одним частным эпизодом, свидетельствующим о великодушии, доброте советского человека в годы войны.

Однажды отец заскочил к нам на несколько минут. Обычно он старался прихватить что-либо из еды. Иногда небольшие посылки передавались им с приезжавшими в город по делам командирами и красноармейцами. В этот приезд мама сделала замечание, что, помогая нам, папа не должен забывать о себе, сказала, что от прошлого раза мы храним еще банку рыбных консервов. Отец удивился: он не передавал никаких консервов. Оказалось, что в посылке было и еще кое-что «лишнее». Тогда родители условились, что, если продукты будут передаваться через других, папа в письме будет давать их перечень, с тем чтобы все остальное возвращалось.

Чаще других по делам службы бывал в Ленинграде лейтенант Беленький — невысокий, стройный, подтянутый блондин. Он передал посылку и письмо. Сверив перечень с передачей, мама обнаружила лишнюю банку консервов, конфеты и твердо просила забрать их обратно.

Разговор происходил при мне, и я помню его, если не слово в слово, то по крайней мере по смыслу. «Поймите, Евгения Петровна, — сказал Беленький, — многие из нас не знают, где их семьи, что с ними стало. Моя семья, наверное, осталась под немцем в Белоруссии. Может быть, и ей кто-нибудь сейчас помогает. Бойцам известно, что у комиссара семья в городе, они знают, что пережили ленинградцы, как им тяжело и сейчас. Вы их обидите, если вернете то, что они дают от чистого сердца. А за нас не беспокойтесь. Нас много, и мы всегда друг друга выручим».

Голод и болезни отступали медленно. И в апреле люди падали на улицах, хотя с продовольствием стало несравнимо лучше. Последнюю умершую пожилую женщину я видел в конце августа 1942 года по пути от Ладоги на Тихвин. Эвакуация отняла у нее остаток сил...

Но чаще всего при слове «голод» у меня по ассоциации возникает видение, не связанное ни со смертями, ни с моим собственным физическим состоянием.

Судя по всему, это было в конце мая — начале июня. По утрам до работы мама отводила меня в заводской детский сад (он открылся весной), а после работы забирала домой. Был тихий, позлащенный лучами заходящего солнца вечер. Мягкая прозрачная голубизна неба, светло-зеленая молодая листва резко контрастировали с черными и бурными красками выгоревшего квартала, по которому мы шли. Дома стояли без крыш, и из пустых глазниц оконных проемов выглядывали то остатки стен, дымоходов и лестниц, то безмятежное небо. На низкой ступеньке подъезда, который вел в царство хаоса, сидел подросток. Казалось, что его фигура состояла из одних острых углов: угол склоненной стриженной головы и шеи, углы согнутых рук, высоко поднятых коленей. Землистый цвет лица, глубоко запавшие и потухшие глаза, впалые щеки, выпиравшие лопатки, локти и колени выдавали высокую степень дистрофии. Замедленными движениями тонких грязных пальцев, сложенных щепотью, он собирал землю у своих ног и клал ее в рот. У нас с собой не было ничего съестного. Мама что-то крикнула подростку, потом заторопила меня. Наш дом был минутах в десяти от этого места. Уже без меня мама вернулась к пожарищу с какой-то едой. Но на ступеньке никого не было.

* * *

1942 год был самым напряженным годом для советской экономики. Несмотря на то, что тружениками тыла предпринимались энергичные усилия, уровень промышленного производства достиг лишь 77 процентов довоенного¹. Особенно остро ощущался недостаток в топливе, электроэнергии, металле. Компенсировать нанесенный врагом урон полностью не удавалось.

Данные приводимой таблицы показывают, как медленно поднималось производство после резкого спада в последние два месяца 1941 года. Сам этот спад не нашел отражения в таблице: общие цифры второго полугодия включают и тот период работы индустрии, когда предприятия всей страны наращивали выпуск продукции и сотни заводов и фабрик еще не свортывали производство, готовясь к эвакуации.

---

¹ «Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Статистический сборник. М., 1990, с. 37.

**Производство важнейших видов промышленной продукции
в 1941—1942 гг.¹**

	1941 г.		1942 г.	
	1-е полу- годие	2-е полу- годие	1-е полу- годие	2-е полу- годие
Электроэнергия, млрд. кВт·ч	27,4	19,3	14,1	15,0
Нефть, млн. т	17,3	15,7	11,7	10,3
Уголь, млн. т	91,9	59,5	35,7	39,9
Железная руда, млн. т	16,6	8,1	4,6	5,1
Чугун, млн. т	9,0	4,8	2,3	2,5
Сталь, млн. т	11,4	6,5	3,9	4,2
Прокат, млн. т	8,2	4,4	2,6	2,8
Металлорежущие станки, тыс. шт	28,1	16,4	8,0	14,9

В 1942 году основная масса продукции промышленности предназначалась для нужд фронта: доля этой продукции по сравнению с 1940 годом возросла с 26 до 68 процентов². Вполне понятно, что темпы наращивания производства в оборонных отраслях были существенно выше, чем в остальных. Эти отрасли также испытывали неизбежный спад, который пришелся в основном на первые четыре месяца войны. Он был связан прежде всего с перебазированием оборонных предприятий на восток. Следующая цифра говорит об этом более чем красноречиво: осенью 1941 года в пути находилось оборудование авиационных заводов, которые до войны давали $\frac{3}{4}$ продукции отрасли.

Но поскольку развертыванию предприятий оборонной промышленности на новых местах, как и обеспечению их всеми видами ресурсов, уделялось первоочередное внимание, уже в четвертом квартале 1941 года удалось преодолеть спад в выпуске танков (правда, пока еще главным образом за счет легких танков, которые в условиях этой войны были малоэффективными), а также артиллерии. А в марте 1942 года только в восточных районах страны продукции военного назначения производилось столько, сколько в начале нападения на СССР на всей его территории.

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 4, с. 157.

² История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 233.

Эти районы стали основными производителями всех видов вооружений, о чем убедительно свидетельствуют данные о росте их удельного веса в продукции наркоматов оборонной промышленности (в %):¹

	июнь 1941 г.	июнь 1942 г.
Наркомат авиационной промышленности	6,6	77,3
Наркомат танковой промышленности	25,7	64,6
Наркомат вооружения	18,3	65,4
Наркомат боеприпасов	34	74

Если сравнить с состоянием на 1940 год, то к концу 1942 года производство продукции оборонных отраслей увеличилось на Урале более чем в 5 раз, в Поволжье — в 9 раз, в Западной Сибири — в 27 раз². А в целом по стране в этом году продукция оборонных наркоматов превысила довоенный уровень на 86 процентов³. И это при значительном снижении общих объемов промышленного производства в стране, о чем уже говорилось.

В первые месяцы войны многие предприятия тяжелой и легкой промышленности, выпускавшие продукцию гражданского назначения, были перепрофилированы на производство боевой техники, вооружения, боеприпасов. В их числе были такие гиганты советской индустрии, как Горьковский автозавод, Челябинский и Сталинградский тракторные заводы, «Красное Сормово», «Уралмаш». Все они приступили к выпуску танков. К производству боеприпасов в 1942 году было привлечено свыше 1100 предприятий разных наркоматов и ведомств⁴.

Примером того, как обеспечивались заводы, работавшие на нужды фронта, может служить такой факт, в первом полугодии 1942 года производство проката по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года уменьшилось на 65 процентов, а оборонная промышленность получила его на 38 процентов больше⁵.

Предприятия этих отраслей отличала особенно высокая дисциплина труда: каждый понимал, что его продукция наносит прямой удар по оккупантам. Здесь максимально использовались производственные мощности, чему способствовали меры по повышению коэффициента сменности, по обеспечению квалифицированными трудовыми ресурсами, быстрое внедрение технических новшеств. В широком масштабе внедрялись поточные системы производства, совершенствовалась технология, ускорялись механизация и автоматизация труда.

Вследствие всех этих причин на фоне общего спада промышленного производства выпуск продукции военного назначения в 1942 году значительно возрос: танков — на 274 процента, самолетов — на 62, орудий — на 213, минометов — на 357, винтовок и карабинов — на 67, ручных и станковых пулеметов — на 139, боеприпасов — на 60 процентов⁶.

Причем в массе своей это была уже не та техника и не то оружие, с которыми Советская Армия начинала войну. Устаревшие

¹ Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, с. 202—203.

² История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 177.

³ Там же, с. 183.

⁴ Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, с. 197.

⁵ История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 246.

⁶ Кравченко Г. С. Указ соч., с. 202.

типы заменяли танки Т-34 и КВ, самоходная артиллерийская установка СУ-122, самолеты Ил-2, Ла-5, Як-9, новые типы орудий, автоматического стрелкового оружия, боеприпасов и т. д. Только авиационная промышленность освоила в 1942 году производство 14 новых типов самолетов и 10 моторов¹.

К ноябрю 1942 года превосходство фашистской Германии в выпуске основных видов вооружения было ликвидировано.

Подъем промышленного производства в стране опирался на прочный фундамент улучшения качественных показателей производства, о чем нелишне напомнить сейчас. По сравнению с 1941 годом в 1942 году производительность труда выросла на 19 процентов, а в машиностроении и в оборонных отраслях — на 31 процент. На заводах Наркомата танковой промышленности ее увеличение было еще более значительным — на 38 процентов².

Большую роль играла экономия материальных ресурсов. Во второй половине 1942 года только на заводах, выпускавших боеприпасы, внедрение предложений трудящихся позволило сэкономить 4,8 тысячи тонн черных и 3,4 тысячи тонн цветных металлов³.

Даже в самый напряженный период войны удавалось добиваться снижения себестоимости промышленной продукции: в 1941 году — почти на 7 процентов и в 1942 году — на 6 процентов. В машиностроении себестоимость продукции снизилась соответственно на 24 и 17 процентов⁴.

Убедительным свидетельством высокой эффективности работы советской промышленности в наиболее тяжелое для нее время являются следующие цифры: в 1942 году в нашей стране производилось на 1 миллиард кВт·ч выработанной электроэнергии в 4,3 раза больше самолетов и в 6,6 раза — танков, на 1 тысячу металлорежущих станков — в 8,1 раза больше самолетов и в 12,3 раза — танков, чем в фашистской Германии⁵. Эти блестящие показатели были результатом теснейшего соединения усилий миллионов советских людей — рабочих и техников, инженеров, ученых и служащих.

Одной из сложнейших задач, которые стояли перед советской экономикой, особенно в первые два года войны, было обеспечение фронта и тыла продукцией сельского хозяйства. В этот период враг оккупировал свыше 47 процентов площадей, занятых посевами зерновых и технических культур. В оккупированных районах находилось более 24 миллионов голов крупного рогатого скота, почти 19 миллионов голов свиней, 26,6 миллиона овец и коз⁶. Особенно тяжело давала знать о себе утрата плодородных земель Украины.

В 1941 году уборка урожая здесь, как и в других прифронтовых районах, велась в самые сжатые сроки в условиях острой нехватки сельскохозяйственной техники, нередко под огнем артиллерии и бомбами. И тем не менее вывезенный с Украины хлеб со-

¹ Кравченко Г. С. Указ. соч., с. 179.

² Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, с. 116.

³ Кравченко Г. С. Указ. соч., с. 207.

⁴ Вознесенский Н. Указ. соч., с. 14.

⁵ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 6, с. 342—343.

⁶ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Статистический сборник. М., 1990, с. 85, 86.

ставил около восьмой части всех зерновых, заготовленных в тыловых районах.

Но общий валовой сбор зерна в стране был намного меньше, чем в предыдущем году, поэтому и государственные закупки зерна оказались на треть ниже 1940 года. Еще в большей степени снизились заготовки других важных сельскохозяйственных культур: по сравнению с довоенным уровнем они составляли по подсолнечнику менее 32 процентов, льну-волокну — несколько более 27, а по сахарной свекле — всего 9,6 процента. Тяжелое положение сложилось и в животноводстве: на 1 января 1942 года поголовье крупного рогатого скота было чуть выше 57 процентов, свиней — менее 30, овец и коз — 77 и лошадей — не более 48 процентов¹.

Село передало Советской Армии большое количество техники — 16 процентов тракторов и более 73 процентов автомобилей. А оставшаяся техника нередко простаивала из-за того, что колхозам и совхозам не удавалось выделить необходимое количество горючего, смазочных материалов, запасных частей, производство которых было сокращено. Да и механизаторов не хватало — они уходили на фронт. Поэтому в первую военную осень большая часть колосовых была убрана с помощью простейших механизмов, живой тягловой силы и вручную.

Село, пожалуй, больше, чем город, испытало на себе в военное лихолетье недостаток в трудовых ресурсах, особенно квалифицированных. В 1941 году почти 3 миллиона трудоспособных мужчин ушли из колхозов на фронт, в их числе две трети председателей хозяйств.

20 июля 1941 года Совет Народных Комиссаров СССР представил на Политбюро ЦК ВКП(б) план увеличения посевов озимых культур в Поволжье, Сибири и Казахстане, а также зерновых культур в хлопководческих районах республик Средней Азии и Азербайджана. Существенное расширение площадей на востоке страны под урожай 1942 года предусматривал и упоминавшийся ранее план на IV квартал 1941 года и 1942 год. А в ноябре 1941 года был принят специальный партийно-правительственный документ, в котором рассматривались меры по подъему зернового хозяйства восточных районов. В результате посевы зерновых в 1942 году здесь увеличились на 2,3 миллиона гектаров, преимущественно в Казахстане, Средней Азии и в Сибири. Восток стал основной житницей страны в военное время: в 1942 году его доля в валовом сборе зерна превысила 89 процентов, тогда как в 1940 году она составляла несколько более 42 процентов². Расширялись также посевы технических, овощных культур и картофеля.

Однако, несмотря на все предпринимавшиеся меры и настоячивые усилия по их реализации, полностью компенсировать временную утрату плодородных земель Украины, юга России, а также других оккупированных немецко-фашистскими войсками районов европейской части СССР было невозможно. И в 1942 году в целом по стране посевные площади сократились почти на 19 процентов.

Для развития животноводства важное значение имело принятие в марте 1942 года документа СНК СССР и ЦК ВКП(б), в кото-

¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг. Статистический сборник. М., 1990, с. 91, 84.

² История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 177.

ром была поставлена задача полностью сохранить молодняк в колхозах, совхозах и личных хозяйствах. Хозяйствам, которые выращивали молодняк, выделяли кредиты, предоставляли льготы по налогам, дополнительные земли для сенокосов и выпасов¹.

Эти и другие меры дали эффект уже в том же 1942 году: в тыловых районах страны по сравнению с 1941 годом поголовье крупного рогатого скота, овец и коз удалось увеличить на 11 процентов. Мяса было сдано почти наполовину больше, чем в предыдущем году². Но, конечно, до довоенного уровня было далеко.

Основная тяжесть сельскохозяйственных работ легла на плечи женщин. О подвигах наших женщин на полях и фермах написано немало книг, созданы кинофильмы. Приведем только несколько цифр: с 1940 года по 1942 год удельный вес женщин в МТС среди трактористов вырос с 4 до 45 процентов, комбайнеров — с 6 до 43, шоферов — с 5 до 36 процентов³. А ведь в МТС были сосредоточены наиболее квалифицированные трудовые ресурсы села. На остальных работах женщины составляли большинство. Им помогали старики и подростки, жители городов. В 1942 году на сельскохозяйственные работы было привлечено 4 миллиона горожан, а во время летних каникул на полях колхозов и совхозов трудились свыше 20 миллионов школьников⁴.

И все же одним лишь увеличением численности работающих на селе задачи обеспечения народного хозяйства и армии продовольствием и сырьем было бы не решить. С 1940-го по 1942 год выработка трудодней на одного трудоспособного колхозника возросла с 254 до 352⁵. Высокопроизводительная работа на полях и фермах стимулировалась дополнительной оплатой, которая была предусмотрена в документах партии и правительства, принятых в 1942 году. Конечно, размеры ее ограничивались реальными возможностями военного времени.

В кризисной экономической ситуации первых полутора лет войны колхозная организация производства, подкрепленная патриотизмом, самоотверженностью крестьянства, показала, какие огромные возможности в ней заложены. Она спасла страну от всеобщего голода, стала опорой карточной системы снабжения населения продовольствием, помогла ограничить спекуляцию и инфляцию. Трудно представить, в каком положении оказалась бы страна при разгуле частнособственнической стихии во взаимоотношениях между городом и деревней.

Немалую роль в те трудные годы в обеспечении продовольствием сыграли подсобные хозяйства предприятий и личные хозяйства граждан. Практически только личное подсобное хозяйство давало пропитание кол-

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 4, с. 146.

² История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 375.

³ Вознесенский Н. Указ. соч., с. 92—93.

⁴ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 5, с. 51.

⁵ Вознесенский Н. Указ. соч., с. 93.

хознику в годы войны, только оно поставляло продукцию на городские рынки.

В апреле 1942 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих». Оно предписывало хозяйственным и советским органам на местах выявить все пустующие участки земли вокруг городов и поселков, включая свободные земли государственного фонда, неиспользуемые земли колхозов, и передать их предприятиям, учреждениям, воинским частям для создания подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих.

За выполнение постановления взялись решительно. В том же году посевы подсобных хозяйств предприятий 28 наркоматов заняли свыше 800 тысяч гектаров. Еще около 500 тысяч гектаров было передано 7,6 миллиона семей рабочих и служащих, которые собрали с них до 2 миллионов тонн овощей и картофеля. По тем временам это было большое подспорье в обеспечении населения страны продовольствием, тем более что часть производимой продукции подсобные хозяйства в обязательном порядке сдавали государству.

Но, несмотря на все принятые меры, положение с продовольствием и сельскохозяйственным сырьем в 1942 году было очень тяжелым: в ходе летне-осеннего наступления враг захватил еще ряд областей Украины и РСФСР, а также самые плодородные земли Краснодарского и Ставропольского краев. Поволжье поразила засуха. В итоге, если сравнивать с 1940 годом, сбор зерновых составил 31 процент, хлопка-сырца и льна-долгунца — около 60, сахарной свеклы — чуть больше 11 и картофеля — несколько более 31 процента¹. И только четкая система нормированного снабжения продовольствием помогала сводить концы с концами, обеспечивая в первую очередь фронт и рабочих.

С большим напряжением сил, поистине героически трудились работники транспорта, который справедливо называют кровеносной системой экономического организма. И если столь велика его роль в народном хозяйстве в мирное время, то в условиях войны значение четкой работы транспорта трудно переоценить.

В воспоминаниях А. И. Шахурина есть такие строки:

---

¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Статистический сборник. М., 1990, с. 83.

«Особенно хочу сказать о наших железнодорожниках... Какой подвиг они совершили в ту пору! Ведь они не только бесперебойно доставляли оружие и боеприпасы на фронт, но и обеспечивали переброску войск, а также вывоз заводов и людей с запада на восток... Как могли они с этим колоссальным потоком справиться под бомбежками и обстрелами, в суровую зиму с ее заносами и всем тем, что принесла война! Трудно себе представить»¹. Сказанные наркомом слова с полным правом можно отнести к работе моряков и водителей автотранспорта.

С началом войны интенсивность перевозок резко возросла. Только во время битвы под Москвой на железных дорогах столичного узла было выгружено свыше 333 тысяч вагонов с войсками и грузами. В 1942 году по сравнению с довоенным временем количество вагонов, приходящихся на километр эксплуатационной длины железных дорог, возросло в 1,5 раза.

Нагрузки на транспорт все время увеличивались. Эвакуированные предприятия перебазировались за тысячи километров, на значительно большие, чем до войны расстояния, перевозились сырье и готовая продукция. В 1942 году по сравнению с 1940 годом средняя дальность перевозок по железным дорогам возросла на 86 километров, а черных металлов, включая лом, — на 193, угля — на 185, различных руд — на 240 километров.

В то же время количество подвижного состава из-за бомбежек, обстрелов, отсутствия возможности для своевременного его ремонта сокращалось. К концу 1942 года на железных дорогах было на 14,5 процента меньше локомотивов и на 21,4 процента — вагонов, чем в июне 1941 года². За тот же период число самоходных речных судов сократилось на 23 процента, самоходных — на 28 процентов, а морских судов — вдвое³. Парк грузовых автомашин в народном хозяйстве по сравнению с 1941 годом уменьшился в 3,9 раза⁴. А новые транспортные средства в 1941—1942 годах не поступали.

¹ Шахурин А. И. Крылья победы, с. 132.

² Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, с. 156.

³ История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 412—413.

⁴ Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, с. 156.

Как и другие отрасли, транспорт испытывал острую нехватку трудовых ресурсов: в 1942 году численность рабочих и служащих в его отраслях составила менее 59 процентов довоенного уровня¹. Первое время на работе транспорта сказывалось отсутствие опыта действий в условиях военного времени, нарушение ритма производства в отраслях народного хозяйства.

Для обеспечения его четкой работы была проделана огромная работа. Уже 24 июня 1941 года приказом Наркомата путей сообщения движение поездов было переведено на военный график, который предусматривал первоочередное продвижение воинских эшелонов. В плане на 1941—1942 годы, как уже было сказано выше, были заложены меры по увеличению пропускной способности железных дорог в восточных районах страны.

В середине февраля 1942 года был создан Транспортный комитет при ГКО, в задачу которого входили планирование и координация перевозок на основных видах транспорта, разработка мер по улучшению материально-технической базы его отраслей. Комитет возглавил И. В. Сталин. Руководством страны принимались и другие энергичные меры, направленные на улучшение работы транспорта. Так, в апреле того же года вышло постановление ГКО, в котором рассматривались вопросы продвижения на восток эшелонов. Из северо-западных, центральных и южных районов страны для этого срочно перебрасывался подвижной состав.

С сентября 1942 года по решению ГКО стали организовываться паровозные колонны Особого резерва НКПС. Они не зависели от депо и могли быть направлены на обслуживание любого участка дороги протяженностью до тысячи километров. До конца года на прифронтовых дорогах действовало 35 таких колонн, в состав которых входило 750 паровозов.

Учитывая, в каких тяжелых условиях, с какой интенсивностью работали железнодорожники, в марте 1942 года специальным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) работникам паровозных бригад была увеличена заработная плата; на время пребывания в пути был предусмотрен дополнительный паек; на прифронтовых дорогах увеличивались нормы продовольственного снабжения.

Очень остро на транспорте стояла проблема ремон-

---

¹ Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, с. 156.

та: в условиях военного времени подвижной состав изнашивался очень быстро, а замены не было. На железных дорогах число ремонтных заводов сократилось в 2 раза, поэтому основная нагрузка легла на коллективы депо, которых также стало значительно меньше. Организация ремонта требовала специальных радикальных мер, одной из которых было постановление ГКО, принятое в начале ноября 1942 года, «О восстановлении производства паровозов на заводах Наркомтяжпрома и НКПС».

На флоте ремонт в значительной мере проводился силами судовых команд — таким способом зимой 1941/42 года было выполнено 58 процентов межнавигационных работ против 16 процентов год назад¹. Автомобильный транспорт ремонтировался главным образом в армейских и фронтовых мастерских.

Все упомянутые и многие другие организационные меры, подкрепленные дисциплинированным, инициативным и самоотверженным трудом транспортников, привели к тому, что работа транспорта стала улучшаться. Ощутимый подъем наметился с весны 1942 года.

Давая обзор развития экономики в самый трудный для нас период войны, нельзя пройти мимо того, что даже в это время во всех отраслях народного хозяйства велось новое строительство. Конечно, объемы его сократились — в 1942 году они составляли лишь 53 процента довоенного уровня. Но для капитального строительства была характерна высокая концентрация средств на решающих направлениях военной экономики. Так, в этом году свыше 70 процентов капиталовложений было направлено на развитие металлургии, машиностроения, топливно-энергетических отраслей, в химическую промышленность и транспорт². Естественно, строительство велось преимущественно в восточных районах. На Урале в 1942 году его объемы выросли по сравнению с довоенными почти в 3 раза, в Казахстане и Средней Азии без малого в 1,8 раза³. К концу первого полугодия этого года в строй вошли 850 новых заводов, цехов, шахт, электростанций, доменных и мартеновских печей⁴.

Патриотический подъем строителей, осознание ими государственной значимости своей работы были на-

¹ История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 438.

² Там же, с. 192.

³ Там же, с. 235.

⁴ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 5, с. 36.

столько высоки, что объекты сооружались в рекордно короткие сроки. На Челябинской ТЭЦ на монтаж мощного парового котла затрачивалось 80 дней вместо 180, на сборку турбогенератора — 50 вместо 90 дней.

В ряду народнохозяйственных проблем, подлежащих оперативному и в то же время капитальному решению, была проблема обеспечения отраслей рабочей силой взамен уходивших на фронт. Ведь только в первые 8 дней войны в армию было призвано 5,3 миллиона человек¹. А еще через несколько месяцев миллионы трудоспособных мужчин и женщин оказались на оккупированной территории.

Уже 30 июля 1941 года для контроля за использованием трудовых ресурсов при Бюро СНК СССР был образован Комитет по распределению рабочей силы (позднее он получил название Комитета по учету и распределению рабочей силы). По решениям комитета сотни тысяч трудящихся переводились и мобилизовывались в оборонную промышленность, отрасли тяжелой индустрии, на ведущие стройки и транспорт с предприятий пищевой, легкой, местной промышленности, из села. Местные органы власти, хозяйственные и советские руководители получили большие права по переводу рабочих и служащих на другие предприятия. Пенсионерам, возвращавшимся на производство, сохранялась пенсия.

Были приняты и меры, направленные на укрепление трудовой дисциплины. В конце декабря 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР все трудящиеся, занятые на предприятиях оборонной промышленности и кооперирующихся с ними заводах и фабриках, объявлялись мобилизованными на время войны. Другим указом, вышедшим в феврале следующего года, мобилизации по месту жительства подлежали трудоспособные мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет, не работавшие в государственных учреждениях и на предприятиях. Мобилизованные направлялись в первую очередь в оборонную промышленность, а также в металлургическую, химическую и топливные отрасли. Проведение этого указа в жизнь за оставшиеся месяцы 1942 года позволило привлечь в промышленность и на строительство почти 570 тысяч горожан и около 170 тысяч жителей села.

Большую роль в первые месяцы войны сыграло пат-

---

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 4, с. 53.

риотическое движение женщин-домохозяек, пенсионеров и учащихся, заменивших на производстве тех, кто ушел на фронт. Во второй половине 1941 года в работу включились полмиллиона домохозяек, 360 тысяч учащихся 8—10-х классов школ.

В большинстве своем это были люди, не имевшие достаточной профессиональной подготовки. Поэтому на заводах и фабриках, куда они приходили, организовывалось их экстренное обучение. Уже в декабре 1941 года по 31 наркомату и ведомству был разработан план подготовки кадров на краткосрочных курсах, в школах и в порядке индивидуального и бригадного ученичества. В первом квартале следующего года он охватывал 365 тысяч человек. Всего же в этом году в промышленности было подготовлено и переподготовлено почти 4,4 миллиона человек. В основном это были женщины и подростки. Например, в 1942 году удельный вес женщин, занятых в народном хозяйстве, составил 53 процента, а в 1940 году он был равен 38 процентам¹.

Приведенные цифры не дают полного представления о той роли, какую играли советские женщины в тылу. Ведь они зачастую заменяли кадровых рабочих на производствах, требовавших и высокого профессионального мастерства, и больших физических усилий. В годы войны широко были известны имена женщин-шахтеров Е. Подорвановой, Ж. Мукановой, работавшей на машиностроительном заводе бригадира А. Пашниной, горновой Ф. Шаруновой, вальцовщицы Ф. Константиновой и многих других, кто не только освоил тяжелые профессии, но и достиг выдающихся результатов в труде. Где бы ни трудились наши женщины, их отличала высокая ответственность, самоотверженность. Они знали, что своим трудом помогают сражающимся мужьям, отцам, братьям, защищают своих детей и близких.

В целом проблема подготовки квалифицированных кадров в стране была решена. Только ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО подготовили за первые полтора года войны свыше миллиона квалифицированных рабочих.

Большая ответственность и, казалось бы, непосильная тяжесть легли на неокрепшие плечи подростков, которых война лишила естественных радостей детства и юности. Непросто свыкнуться с мыслью, что ты заменил

¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1990, с. 182.

кадрового рабочего и не имеешь права работать хуже его, потому что страна, фронт ждут твою продукцию без скидок на годы и малый опыт.

Герой Социалистического Труда А. А. Лезина вспоминает: «Мне на всю жизнь запомнились эти смысленные глаза на худеньких лицах, глаза, от которых ничто не скроется в этом громадном цехе. Глаза, пытающиеся проникнуть в самую суть вещей, не умеющие плакать и тогда, когда в семью приходила похоронка, и источавшие слезы, когда «запарывалась» деталь. Вот эти-то ребята в сказочно короткие сроки проходили нелегкий путь к микронным допускам. Одни чуть быстрее, другие — несколько медленней, но, в общем, все работали без брака, по нужному классу точности».

Дополнительное привлечение на производство женщин, подростков, пенсионеров, конечно, сглаживало остроту проблемы трудовых ресурсов.

Но общая численность занятых в народном хозяйстве сократилась значительно: с 31 миллиона человек в 1940 году до 18,4 миллиона в 1942 году¹.

Нехватка рабочих рук компенсировалась высокой отдачей сил тех, кто трудился на заводах и фабриках, полях и фермах, на транспортных артериях. Под общим девизом «Все для фронта, все для победы!» трудящиеся выступали с замечательными починами, позволявшими значительно увеличивать производительность труда, экономить материальные ресурсы, постоянно наращивать выпуск продукции.

Одной из наиболее действенных форм соревнования стал труд под девизом «Работай за себя и за ушедшего на фронт!». На предприятиях Москвы, соревнуясь под этим девизом, каждый третий комсомолец выполнял нормы на 200 процентов и более. По инициативе трудящихся Магнитогорского металлургического комбината широкое развитие получили такие коллективные формы соревнования, как фронтовые стахановские вахты, недели, декады².

Трудящиеся города и деревни выступали с патристическими инициативами, овладевая двумя и более профессиями. Возродилось соревнование женских тракторных бригад за звание лучшего пахаря, бригадира.

---

¹ Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, с. 127.

² История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 215—216.

По инициативе комсомольцев Москвы, Горького и Свердловска развернулось патриотическое движение под девизом «В труде, как в бою!». К январю 1942 года в стране было создано 10 тысяч комсомольско-молодежных бригад, которые назывались гвардейскими фронтовыми бригадами, а через год их число достигло 35 тысяч¹.

И сейчас, спустя четыре десятилетия, старшее поколение помнит имена тех, кто шел впереди, показывал выдающиеся результаты в труде, в несколько раз перекрывал нормы выработки, выступал с патриотическими починами. В их числе сталевары А. Я. Сороковой и Д. Д. Сидоровский, фрезеровщик Д. Ф. Босый, бурильщики А. И. Семиволос, И. П. Янкин, Г. Г. Хайдин, машинист Н. А. Лунин, комсомольцы из бригад М. Ф. Попова, В. Ф. Шубина, Е. Г. Барышниковой, колхозницы звена А. К. Юмкиной, трактористки бригады Д. М. Гармаш².

Патриотические инициативы трудящихся всемерно поддерживались, широко и быстро распространялись. Только в мае — июне 1942 года ГКО принял 26 постановлений, посвященных развитию социалистического соревнования в различных отраслях народного хозяйства³. По поручению ЦК ВКП(б) и ГКО наркоматы и ВЦСПС разработали условия социалистического соревнования для каждой отрасли народного хозяйства. Были учреждены переходящие Красные знамена ЦК ВКП(б), ГКО, ВЦСПС, наркоматов, определены меры материального стимулирования, ежемесячно подводились итоги социалистического соревнования⁴.

Ныне появляются иногда публикации, в которых те, кто жил в тылу, представляются такими волками, готовыми друг другу горло перегрызть из-за корки хлеба, теплого местечка. Прочтет такое современный молодой человек и скажет: вот какие они были на самом деле — шкурники.

Как говорится, в большой семье не без урода. Мне пришлось работать с человеком, который с упоением рассказывал, как ему удалось отвертеться от направления на фронт. А рядом трудился другой человек. Он пошел на фронт добровольцем и от Москвы через Сталинград, Белоруссию, Польшу дошел до Германии.

¹ «Социалистическая индустрия», 1982, 22 июня.

² «Политическое самообразование», 1984, № 8, с. 57.

³ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 5, с. 52.

⁴ История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 218.

И я помню слезы на глазах у отца, отозванного из армии.

Мой сверстник, в войну школьник младших классов, до сих пор без волнения не может вспоминать о том, как еврейскую семью, эвакуированную в Казахстан, спасли от голода и холода местные жители. Никого не интересовало, еврей он, русский или казах. Люди были в беде, надо было помочь.

А сколько замечательных примеров человеколюбия дала история блокадного Ленинграда. Приведу лишь один. Партийная организация Пролетарского завода организовала зимой 1942 года пункты, в которых пешеходы могли выпить стакан горячей воды. Только вода. Ничем другим помочь было невозможно. Но ветеран завода слесарь А. С. Эраносян отмечал, что «многие блокадники не раз вспоминали про спасительный стакан кипятка»¹. Надо ли убеждать, что это — пример высокой духовности старшего поколения коммунистов, для которых не было деления беды на «свою» и «чужую».

Критикуется сейчас жесткая трудовая дисциплина, одинаково беспощадная и к ремесленнику, и к ветерану труда. А какая должна была быть дисциплина, когда слова: «Родина в опасности!» — были не лозунгом, а трагическим фактом? Когда потерянный час надо было оценивать количеством невыпущенных снарядов, патронов, другой продукции для фронта?

Вероятно, и тем, кто решал судьбу проспавшего подростка или замотавшейся в домашних хлопотах женщины не всегда было по душе то, что они делали по законам военного времени. Но время было военное. И рядом с жесткой дисциплиной труда жила, переплетаясь с ней, другая, не менее жесткая самодисциплина совести, долга перед Родиной, перед теми, кто был на фронте.

Г. Немченко рассказал в «правдинских пятницах» об актрисе эвакуированного в Новокузнецк (тогда Сталинск) Московского театра оперетты Елене Филипповне Малуковой. Не оставляя сцену, она освоила профессию третьего подручного сталевара и с 1942 года работала в цехе. Днем цех, вечером — театр. Весь заработок сталевара шел в фонд обороны. Малукова и донором была². Кому мы обязаны своей победой — шкурнику

---

¹ «Правда», 1987, 2 ноября.

² «Правда», 1989, 28 июля.

или патриоту? Имена шкурников история всех веков, как правило, не хранит, если только они не забрались слишком высоко, так что их деяния оставили в ней неизгладимый след.

Чтобы по достоинству оценить подвиг нашего народа в те тяжчайшие годы, нельзя не учитывать, что перестройка советской экономики на военный лад велась в то время, когда ей противостояла отлаженная в течение многих лет машина военной экономики фашистской Германии, опиравшаяся на экономические ресурсы не только своей страны, но и других государств Европы. Германские монополии и армия получили в 1941 году от своих союзников 7 миллионов тонн нефти. К концу этого года заказы вермахта выполняли свыше 3 тысяч предприятий Франции, более 2,8 тысячи — Бельгии, 700 — Нидерландов, почти 370 — Дании, свыше 300 — Польши, более 260 — Норвегии. Только за год контрибуции с оккупированных стран возросли почти в 2,5 раза и составили 19 миллиардов марок¹.

Промышленность всех этих стран активно использовалась в интересах войны. Об этом свидетельствовали и данные нашей разведки, и ставшие известными после победы документы фашистской Германии. Например, группа Ш. Радо сообщала в Центр и такие сведения: в программу пополнения самолетов в январе 1942 года входит наряду с их производством в Германии и оккупированных ею странах получение из Италии 300 машин, из неоккупированной Франции — 400. Еще информация: «Заводы Лорена возле Парижа выпускают «мессершмитты». Заводы «Моран» строят истребители с двумя пушками типа «Моран-тайфун». Заводы «Испано» около Парижа конструируют новый истребитель со своим мотором. Запасы горючего пополняются в первую очередь из Румынии и Галиции. В окрестностях Кладно около Праги строится новый завод синтетического топлива...»²

Я хотел бы обратить внимание читателя на марки самолетов, которые строились во Франции. Это были самые современные модели.

Иностранная техника использовалась Германией достаточно широко. Об этом свидетельствует и «Военный дневник» Ф. Гальдера. В нем он не так уж часто каса-

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 4, с. 417, 418, 423.

² Радо Ш. Под псевдонимом Дора. М., 1976, с. 123, 124.

ется вопросов, связанных с пополнением вооружения сухопутных сил Германии, но, когда это все же делается, иностранная техника упоминается почти всегда: 2 июля 1941 года в числе 221 танка для Восточного фронта Гальдер называет 70 чехословацких; 18 августа решается вопрос использования в районе Киева французских 150-мм тяжелых полевых гаубиц, превосходящих по дальности стрельбы немецкие, и мортир калибром 210 мм; 15 сентября вновь возникает проблема пополнения войск танками, и в их общем количестве (373) фигурируют 60 чешских и 67 французских танков. Через неделю следует упоминание об использовании французских грузовых автомашин в районе Валдайских высот¹. Это, конечно, не оружие, но, как известно, более высокая степень мобильности немецких войск на начальном этапе войны сыграла немалую роль в их успехах.

Понятно, какая-то часть иностранной техники, в том числе захваченной у нас, использовалась и в учебных, и в охранных целях, но сводить все к этому было бы отступлением от истины.

Опираясь на собственный и захваченный потенциал, военная промышленность фашистской Германии в 1941 году смогла значительно нарастить выпуск вооружения: в сравнении с 1940 годом производство орудий всех видов возросло на 350 процентов, боевых кораблей основных классов — на 345, пистолетов-пулеметов — почти на 300, танков и самоходных орудий — более чем на 170, пулеметов — свыше чем на 160, боевых самолетов — почти на 130 процентов².

Но экономической машине фашизма изначально был присущ органический порок: ее действие в войне против Советского Союза было рассчитано на быструю победу. И с каждым новым месяцем ожесточенных кровопролитных сражений все острее ощущался недостаток сырья, особенно металла и горючего. Вскоре выявилась и нехватка собственных трудовых ресурсов, которые высасывал вермахт.

Несмотря на продолжавшийся рост производства, военная промышленность Германии не смогла к лету 1942 года компенсировать потери в вооружении и боевой технике, понесенные гитлеровцами на советско-германском фронте, в первую очередь в танках и са-

¹ См.: Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1, с. 74, 286—287, 353, 368.

² История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 12, с. 200.

моходных орудиях, боевых самолетов. В конце апреля Ф. Гальдер докладывал Гитлеру о состоянии вооруженных сухопутных сил перед летней кампанией. Некомплект на Восточном фронте достиг 625 тысяч человек. Удалось восполнить 80 процентов вышедших из строя бронеединиц и лишь 10 процентов автомашин. Не хватало 28 тысяч винтовок и карабинов, 14 тысяч пулеметов, 7 тысяч тяжелых пехотных и 1,9 тысячи артиллерийских орудий¹.

В 1942 году рост производства в промышленности Германии продолжался, в том числе в ее военных отраслях, но темпы увеличения выплавки стали, добычи угля, производства электроэнергии были не очень высокими. Снизились по сравнению с предыдущим годом и темпы роста производства вооружения, боевой техники. И это несмотря на то, что в промышленности принимались суровые меры по интенсификации труда, официально удлинился рабочий день, все шире использовался труд иностранных рабочих и военнопленных (в 1942 году на предприятиях рейха было занято 4,3 миллиона иностранцев)². В том же году было принято решение о перераспределении стратегического сырья в пользу предприятий, выпускавших вооружение для сухопутных войск. Еще больше использовалась промышленность оккупированных стран, обеспечивавшая Германию почти четверть военной продукции³.

Но в противостоянии двух экономик все сильнее сказывались преимущества социалистической плановой экономики, высокий уровень сознательности и патриотизма советских людей, их трудовой героизм. При меньших объемах производства в базовых отраслях народного хозяйства уже в первые, самые тяжелые, полтора года войны ярко проявилась способность социалистической экономики с максимальной эффективностью мобилизовать, сконцентрировать на решающих участках и использовать все виды ресурсов. В 1942 году тыл в основном справлялся с задачами обеспечения фронта боевой и другой техникой, вооружением, боеприпасами, продовольствием.

---

¹ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 2, с. 233.

² История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 5, с. 87.

³ Там же, с. 88.

*Побеждает в войне тот, у кого
больше резервов, больше источников
силы, больше выдержки в народной
толще.*

В. И. Ленин

ВСЕ СИЛЫ НА РАЗГРОМ ВРАГА!

1943 год был для нашей страны первым из военных лет годом общего подъема производства. Можно сказать, что в сложившихся чрезвычайных условиях страна добилась этого в невиданно короткий срок. С этого времени и до конца войны СССР располагал слаженным военным хозяйством: большинство базовых отраслей индустрии постоянно наращивали производство, наша оборонная промышленность удовлетворяла потребности фронта в основных видах вооружения и боеприпасов.

Кульминационной точки военная экономика СССР достигла в следующем году, когда общий объем промышленного производства превысил довоенный (104 процента), в первую очередь за счет цветной металлургии,

химической промышленности, машиностроения и металлообработки и, разумеется, оборонных отраслей. Все они развивались еще более высокими темпами.

Производство важнейших видов промышленной продукции в 1943—1945 гг.¹

	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Электроэнергия, млрд. кВт·ч	32,3	39,2	43,3
Нефть, млн. т	18,0	18,3	19,4
Уголь, млн. т	93,1	121,5	149,3
Железная руда, млн. т.	9,3	11,7	15,9
Чугун, млн. т	5,6	7,3	8,8
Сталь, млн. т	8,5	10,9	12,3
Прокат, млн. т	5,7	7,3	8,5
Металлорежущие станки, тыс. шт.	23,3	34,0	33,4

Война была еще в разгаре, но страна уже думала о том, что будет впереди. Полнее стали удовлетворяться и насущные потребности советских людей, понятно, с учетом возможностей военного времени. Это убедительно подтверждают цифры неуклонного увеличения, начиная с 1943 года, выпуска продукции гражданского назначения. В 1942 году ее доля в промышленной продукции едва превышала 36 процентов, в 1943 году она составляла 41,7, в 1944 — 48,7, а по плану 1945 года должна была достичь 51,3 процента².

По-прежнему основная масса промышленной продукции производилась в восточных районах страны, в которых к концу первого полугодия 1945 года валовой выпуск более чем в 2 раза превышал показатель за аналогичный период 1941 года. Среди этих районов доминирующее положение занимал Урал, где в 1945 году производилось свыше 58 процентов чугуна, 53 — стали, 51,6 процента готового проката³.

С 1943 года Советская Армия безостановочно гнала врага с нашей территории. После освобождения оккупированных районов высокими темпами разворачивались работы по восстановлению их хозяйства. Безусловно, это

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 12, с. 161; Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, с. 233, 235, 247.

² История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 196.

³ Там же, с. 240.

было большим подспорьем армии и стране — ведь восстанавливавшиеся заводы и фабрики, электростанции и шахты, колхозы и совхозы немедленно подключались к удовлетворению потребностей фронта и тыла. Но все же к концу 1945 года валовая продукция промышленности в этих районах составляла лишь 30 процентов довоенного уровня¹.

Восстановление народного хозяйства освобожденных от врага территорий стало еще одной беспримерной по своим масштабам и срокам осуществления эпопеи. Это была крупнейшая не только хозяйственная, но и политическая задача, стоявшая перед страной.

О ее масштабах дают представление следующие данные: СССР потерял в войне до 30 процентов национального богатства². На оккупированной территории были полностью или частично разрушены и разграблены 31,8 тысячи промышленных предприятий, 98 тысяч колхозов, почти 1,9 тысячи совхозов, 2,9 тысячи МТС, 39 тысяч медицинских учреждений, 82 тысячи школ, свыше 1,2 миллиона жилых домов в городах и 3,6 миллиона — в сельской местности. В промышленности, например, были уничтожены или вывезены в Германию 175 тысяч металлорежущих станков, 34 тысячи молотов и прессов, 62 доменные и 213 мартеновских печей, 45 тысяч ткацких станков и т. д.³.

Все эти суммарные данные выявились, конечно, значительно позже, а в 1943 и 1944 годах советские воины освобождали районы, в отношении которых рейхсфюрер СС Гиммлер приказывал руководителю войск СС и полиции на Украине: «Необходимо добиться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая бы не была выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну»⁴. И фашистские варвары прилагали все силы, чтобы осуществить этот и другие подобные ему преступные приказы.

¹ Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, с. 224.

² История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 12, с. 148.

³ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, с. 162—163.

⁴ «Совершенно секретно! Только для командования», с. 528.

Широчайший размах восстановительная эпопея приняла, конечно, тогда, когда Советская Армия безудержно погнала захватчиков к границам СССР. Но начиналась она раньше, как только ту или иную территорию отбивали у противника.

Так, после разгрома гитлеровцев под Москвой 29 декабря 1941 года, а затем 5 февраля 1942 года были приняты два постановления СНК СССР о восстановлении шахт в Подмосковном угольном бассейне. Лучшим свидетельством тому, как были выполнены эти постановления, являются следующие цифры: в мае 1942 года бассейн давал почти 63 процента довоенной суточной добычи, а в октябре этого же года достиг ее уровня¹.

С 1943 года восстановление производительных сил освобожденных районов рассматривалось как первоочередная народнохозяйственная задача. В Госплане СССР было создано Управление по восстановлению освобожденных районов, а в СНК СССР образован комитет, на который было возложено руководство восстановительными работами и контроль за выполнением решений, принятых по этому вопросу.

В числе первых из таких документов было постановление партии и правительства, принятое в августе 1943 года: «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». В нем определялись широкая программа восстановительных работ в сельском хозяйстве, на транспорте, в жилищном строительстве восьми областей и двух краев РСФСР, освобожденных к этому времени.

В 1943—1944 годах был принят ряд постановлений ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР, в которых были разработаны меры по возрождению предприятий базовых отраслей народного хозяйства: угольной, нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии, электроэнергетики. На цели восстановления в эти годы было выделено 17 миллиардов рублей, в том числе в 1944 году — 14 миллиардов, что составляло $\frac{2}{5}$ всех капиталовложений в народное хозяйство².

Восстановление стало всенародным делом, ярко выживавшим существовавшие тогда братские отношения между народами СССР. М. А. Водолагин — секретарь

¹ Вознесенский Н. Указ. соч., с. 58—59.

² Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, с. 61; Косыгин А. Н. В едином строю защитников Отчизны, с. 35.

Сталинградского обкома партии военных лет — вспоминал: «Движение за оказание помощи Сталинграду ширилось по всей стране. Развернулась кампания добровольного сбора средств в фонд восстановления Сталинграда. Уже к концу февраля 1943 года трудящиеся страны внесли в этот фонд 50 миллионов рублей. Не оставалось в стране предприятия, коллектив которого не брал бы обязательств о выработке сверхплановой продукции в фонд восстановления города-героя»¹.

В 12 тыловых союзных и автономных республиках были созданы шефские комитеты по оказанию помощи освобожденным районам. Трудящиеся Казахской ССР, например, шефствовали над районами Орловской, Ленинградской, Сталинградской и Калининской областей, помогали в восстановлении хозяйства на территории Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтийских республик. Восстановление в ходе войны потребовало огромного напряжения человеческих сил и материальных ресурсов. С. З. Гинзбург, который в годы войны возглавлял Наркомат по строительству, пишет в своей книге «О прошлом для будущего»: «Во сто крат труднее было восстанавливать завод, чем строить до войны. Труднее потому, что фашисты вывезли все, что могли, разворовали, варварски разрушили хозяйство во всех оккупированных районах.

Труднее было восстанавливать и потому, что оживавшие заводы в Сталинграде, Запорожье, Ростове, Харькове, Киеве, Николаеве, возрождаемые рудники, села требовали леса, цемента, металла. День и ночь текли в Поволжье, на Украину, на Север составы, груженные строительными материалами. А их все было мало! И тем не менее из руин поднимались заводы, города, села — поднимались, росли на глазах, возвращенные к жизни самоотверженным трудом советских людей, освободившихся от фашистского ига»².

Война еще не завершилась, а производительные силы освобожденных районов уже включались в общую работу по обеспечению победы над врагом. В 1945 году в этих районах действовало свыше 30 крупных электростанций, выработавших 6,5 миллиарда кВт·ч электроэнергии. К концу войны вновь самым крупным угольным бассейном страны стал Донбасс, и Украина вернула себе значение одного из ведущих районов по производ-

¹ Война. Народ. Победа. 1941—1945 гг., кн. 2. М., 1984, с. 25.

² Гинзбург С. З. О прошлом для будущего. М., 1983, с. 274.

ству продукции черной металлургии, хотя уровень добычи угля и производства металла был еще существенно ниже довоенного. Интенсивно велось и восстановление предприятий обрабатывающей промышленности. В 1945 году на Украине из 95 возрождавшихся из руин машиностроительных заводов 93 приступили к выпуску продукции¹.

В целом к концу войны было восстановлено 7,5 тысячи крупных промышленных предприятий, продукцию давали до трети мощностей заводов и фабрик довоенного уровня². Окончательно процесс восстановления индустрии был завершён в первые послевоенные годы.

Одновременно в стране решались другие крупные задачи развития народного хозяйства. Рост производства сдерживался трудностями в обеспечении его электроэнергией. В этой связи в середине апреля 1943 года ГКО принял постановление о вводе новых энергетических мощностей. В короткие сроки были пущены в эксплуатацию 6 новых электростанций, расположенных восточнее Волги и в Средней Азии, приняты меры для первоочередного изготовления запасных частей для оборудования электростанций. В 1945 году, несмотря на огромный ущерб, нанесенный войной, мощность электростанций СССР почти достигла довоенного уровня.

Огромное внимание на завершающем этапе войны уделялось топливным отраслям, особенно угольной. В 1945 году по сравнению с 1942 годом добыча угля в Печорском бассейне возросла в 4,5 раза, Подмосковном — в 2,3 раза, в Карагандинском и бассейнах Урала — почти в 1,6 раза, в Кузбассе — в 1,4 раза³. В эти же годы предпринимались решительные шаги, направленные на ликвидацию отставания в развитии нефтяной и газовой промышленности: ускоренно осваивались новые месторождения нефти в Поволжье, на Южном Урале и на Сахалине, газа в Саратовской области.

Для развития черной металлургии в эти годы большое значение имело постановление ГКО «О мерах неотложной помощи черной металлургии», вышедшее в феврале 1943 года. Для всех наркоматов ее заказы считались первоочередными. В течение одного только 1943 года капитальные вложения в черную металлургию увеличились в 2 раза⁴. Постоянное внимание к развитию отрасли позволило с 1943-го по 1945 год за счет нового строительства и восстановления ввести в строй 25 доменных печей, 131 мартен, 67 прокатных станов. Однако и в конце войны выйти на уровень показателей 1940 года не удалось: выплавка чугуна составляла менее

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 12, с. 171, 172.

² Там же.

³ Кравченко Г. С. Указ. соч., с. 242.

⁴ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 6, с. 247.

60 процентов, стали — 67, производство проката — 65 процентов¹. Выручало бережное отношение к металлу, строгий контроль за его использованием на первоочередные нужды.

Быстрый рост производства во всех отраслях, особенно оборонных, задачи восстановления народного хозяйства на освобожденных от врага территориях предъявляли очень высокий спрос на продукцию машиностроения. Поэтому в постановлении ГКО, принятом в феврале 1944 года, была поставлена цель уже в том же году в 1,5 раза увеличить выпуск металлорежущих станков, а в следующем — в 2,5 раза. Для этого предусматривалось восстановление станкостроительных заводов Краматорска, Киева, Новочеркасска, Гомеля, Ленинграда, Лубен и строительство пяти новых заводов². Многие предприятия отрасли, которые были ранее заняты исключительно выпуском продукции военного назначения, стали переходить на производство оборудования и машин, необходимых народному хозяйству, в частности тракторов и техники для села. Говоря о машиностроении в годы войны, нельзя не отметить, что в 1945 году выпуск продукции этой отрасли составлял 131 процент к довоенному уровню³.

Поступательное развитие было характерно и для других отраслей советской индустрии. Так, химическая промышленность, в основном работавшая на оборону, уже в 1943 году превысила довоенный уровень производства, а в следующем году объем выпуска продукции был больше довоенного на треть⁴.

Укрепление базовых отраслей промышленности стало надежным фундаментом дальнейшего наращивания производства боевой техники, вооружения, боеприпасов и снаряжения для Советской Армии. Например, поставки проката оборонным предприятиям в 1943 году по сравнению с довоенным уровнем составляли 190 процентов, а в 1944 году — 230 процентов. Поступление металлорежущих станков в авиационную промышленность достигало в 1943 году 208,3 процента, в 1944 году — 212,8, в 1945 году — 227,5 процента⁵.

В 1944 году, когда военное производство достигло кульминационной точки развития, продукция военных наркоматов была в 2,5 раза больше, чем в 1940 году, в частности, в авиационной промышленности — в 2,4 раза, в танковой — почти в 3 раза, в выпуске вооружения — в 2,1 раза, боеприпасов — в 3,1 раза⁶. Уже в этом году стало сокращаться производство стрелкового оружия и минометов, поскольку войска ими были насыщены в достаточной степени, а резерв исчислялся десятками и сотнями тысяч. В 1945 году произошло общее существенное сокращение производства боевой техники, вооружения, боеприпасов.

Четкому, бесперебойному выпуску военной продукции в немалой степени способствовало то обстоятельство, что с 1943 года Госплан СССР совместно с нарко-

---

¹ Кравченко Г. С. Указ. соч., с. 234, 236—238.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, т. 3, с. 191.

³ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 10, с. 403.

⁴ История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 311.

⁵ Там же, с. 189.

⁶ Там же, с. 189, 258.

матами перешел к составлению ежемесячных планов, которые утверждались ГКО.

В то время с конвейеров оборонных предприятий сходили только новейшие образцы боевой техники и вооружения, превосходившие германскую по своим тактико-техническим характеристикам. Это была большая победа советской конструкторской мысли, яркими представителями которой были С. В. Ильюшин, С. А. Лавочкин, А. И. Микоян, А. Н. Туполев, А. С. Яковлев, В. Г. Грабин, И. И. Иванов, Ф. Ф. Петров, Ж. А. Котин, М. И. Кошкин, Н. А. Кучеренко, А. А. Морозов, В. А. Дегтярев, С. Г. Симонов, Ф. В. Токарев.

В этом была большая заслуга руководителей отраслей народного хозяйства Н. К. Байбакова, Б. Л. Ванникова, В. В. Вахрушева, А. И. Ефремова, П. Ф. Ломако, В. А. Малышева, П. И. Паршина, Д. Ф. Устинова, А. И. Шахурина и других. Это был результат самоотверженного труда трудовых коллективов, возглавленных такими талантливыми организаторами производства, как директора С. И. Агаджанов, В. П. Баландин, А. И. Быховский, А. С. Елян, М. С. Жезлов, И. М. Зальцман, М. А. Иванов, Ю. Е. Максарев, Б. Г. Музруков, Е. Э. Рубинчик, В. И. Фомин и многие другие.

Благодаря усилиям тружеников тыла Советская Армия уже в 1943 году, незначительно превосходя противника в численности, имела перед ним почти двукратное превосходство в вооружении. О росте оснащенности войск боевой техникой и оружием говорят следующие цифры: в 1942—1943 годах при проведении крупных наступательных операций на одну стрелковую дивизию приходилось от 180 до 200 орудий и минометов, а в 1944 году — 200—245; по танкам этот показатель возрос соответственно с 14—17 до 14—35; по самолетам — с 13—20 до 22—46¹.

С первого полугодия 1945 года по решению ГКО предприятия оборонной промышленности стали переводиться на производство машин, оборудования и запасных частей для черной металлургии, машиностроения, электроэнергетики, сельского хозяйства. Советская оборонная промышленность с честью выдержала суровое испытание войной.

Важно подчеркнуть, что рост производства в советской промышленности, в том числе в ее оборонных отраслях, достигался в значительной мере за счет его

¹ История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 260.

рационализации, массового внедрения передовой техники и технологии, строгого режима экономии. На этой основе существенно снижались затраты труда. Так, в 1943 году по сравнению с 1941 годом при производстве самолета Ил-2 они были ниже в 1,1 раза, Пе-2 — в 1,9 раза, танков Т-34 и КВ — более чем в 2 раза, крупнокалиберных пулеметов — почти в 2 раза¹.

Достижению подобных показателей во многом способствовало внедрение поточной системы производства, более полное использование оборудования, широкое внедрение достижений науки и техники. Например, в танковой промышленности впервые в мировой практике была применена отливка крупных деталей в кокилях (металлических формах), что позволило повысить производительность труда в 2—3 раза; свободная ковка при изготовлении танковых башен была заменена штамповкой, ручная сварка бронекорпусов автоматической.

Известен и такой, например, факт. Когда Красная Армия в 1943 году готовилась к битве на Курской дуге, одному из заводов дали задание увеличить производство пороха в три раза. ГКО направил коллективу телеграмму: «Невыполнение правительственного задания приведет к срыву большой операции на фронте». Специалисты, работавшие в ОКБ завода, быстро разработали новую технологию, которая обеспечивала выполнение задания. Коллектив добился поставленной цели².

Новейшие достижения науки сыграли большую роль в нашей победе. Только самой высокой меркой можно оценить вклад в разгром врага таких замечательных представителей академической науки, как А. П. Александров, А. А. Байков, И. П. Бардин, А. И. Берг, Н. Д. Зелинский, А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, М. В. Келдыш, А. Н. Колмогоров, С. П. Королев, И. В. Курчатов, А. Н. Несмеянов, Е. О. Патон, Н. Н. Семенов и многие другие.

Организаторы производства, инженеры, конструкторы, технологи, агрономы настойчиво искали резервы роста производства, повышения его эффективности, еще большего удовлетворения потребностей фронта в количестве и качестве поступавших вооружения, боеприпасов, снаряжения. Их труд в годы Великой Отечественной войны — лучшее свидетельство единства классов

---

¹ Вознесенский Н. Указ. соч., с. 117—118.

² «Правда», 1986, 30 июня.

и социальных слоев советского общества в критическое для его судьбы время.

Рост производства, улучшение его качественных показателей, как всегда, опирались на широкую инициативу советских людей. На предприятиях промышленности по почину коллектива Первоуральского новотрубного завода стали проводиться общественные смотры организации труда. В 11 отраслях в ходе этих смотров поступило почти 83 тысячи рационализаторских предложений, из которых 25 тысяч было внедрено в производство. Это позволило высвободить 18,7 тысячи рабочих и специалистов, получить условно-годовую экономию в 167 миллионов рублей¹. Движение рационализаторов и изобретателей в последние военные годы развернулось очень широко: в 1944 году трудящиеся внесли около 347 тысяч рационализаторских предложений, заявок на изобретения, технические усовершенствования, в 1945 году — 387 тысяч².

Все это способствовало росту производительности труда, выработки на одного рабочего. Последний показатель сравнительно с уровнем 1940 года равнялся в промышленности в 1943 году 139 процентам, в 1944 году — 142 процентам. В оборонных отраслях он был еще выше: в 1944 году в авиационной — 168 процентов, в артиллерийской — 200, в танковой — более 200, в промышленности боеприпасов — 250 процентов³. Непрерывно снижались и издержки производства, которые за тот же период по военной продукции уменьшились в среднем в 2 раза. Эти производственные достижения были результатом и высокого мастерства, и высокого патриотизма рабочих и технической интеллигенции. Заместитель наркома вооружений В. Н. Новиков рассказывал, как посетивший завод имени Владимира Ильича представитель президента США Уилки, не отрывая глаз, в течение долгих минут наблюдал за трудом одного из рабочих. А уходя сказал: «Если в Советском Союзе есть такие рабочие, он непобедим»⁴.

Большого внимания требовало положение в сельском хозяйстве страны. В 1943 году трудоспособное население колхозов и совхозов достигало лишь 47 процентов

---

¹ История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 220.

² История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 10, с. 409.

³ История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 229, 230.

⁴ «Социалистическая индустрия», 1987, 12 сентября.

довоенного уровня, площадь посевов — 58, тракторный парк — 59, автомобильный — 19 процентов¹.

Необходимо было использовать все резервы сельскохозяйственного производства, чтобы в этих условиях обеспечить страну, фронт продовольствием и сырьем. С учетом сложившегося на селе положения в марте 1943 года был принят партийно-правительственный документ «О Государственном плане развития сельского хозяйства на 1943 год». В нем определялись задания колхозам, совхозам и МТС и детально рассматривались вопросы организации работы, обеспечения семенами, удобрениями. В другом вышедшем в тот же день постановлении были намечены мероприятия по восстановлению производства сельскохозяйственных машин. Примечательно, что наряду с другими наркоматами к этому делу подключался Наркомат минометного вооружения. Все эти меры брались под контроль ЦК ВКП(б), местных партийных и советских организаций.

Но вновь районы Поволжья, Северного Кавказа, Западного Казахстана были охвачены засухой, в центральных областях РСФСР шли затяжные дожди, а в Сибири рано ударили заморозки. В результате в 1943 году валовая продукция сельского хозяйства составляла менее 37 процентов довоенной².

В 1944 и 1945 годах в производство сельскохозяйственной продукции включились освобожденные районы. Да и по погодным условиям 1944 год был благоприятным для сельского хозяйства. В этом году было собрано более 49 миллионов тонн зерна против 29,4 миллиона в 1943 году, картофеля соответственно почти 55 миллионов тонн против 35 миллионов, сахарной свеклы — 4,1 миллиона тонн против 1,3 миллиона. В 1945 году в ряде районов страны вновь была засуха, но благодаря лучшей организационно-технической подготовке к сезону валовая продукция сельского хозяйства была больше, чем в предыдущем году. Зерна удалось собрать 47,2 миллиона тонн, картофеля — 58,1 миллиона тонн, сахарной свеклы — 5,5 миллиона тонн³. Однако до довоенного уровня производства продукции растениеводства было еще далеко.

---

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 7, с. 50.

² История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 384.

³ Кравченко Г. С. Указ. соч., с. 265—266.

В животноводстве спад производства в годы войны был меньшим, чем в растениеводстве. Но и здесь тенденцию снижения поголовья скота не удавалось преодолеть вплоть до 1944 года, хотя определенные меры предпринимались. В комплексе вопросы отрасли рассматривались в специальном постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР, вышедшем в апреле 1943 года, в котором наряду с другими мерами предусматривались меры по восстановлению животноводства на освобожденных территориях, помощи колхозникам в обзаведении скотом, в получении кормов. Эти и другие мероприятия, несомненно, сыграли положительную роль: с 1944 года поголовье стало возрастать (конечно, здесь надо принимать во внимание и учет скота на освобожденных территориях).

С наступлением Советской Армии в тех районах, где долгое время хозяйничали захватчики, на первый план выдвинулись вопросы восстановления сельского хозяйства. Уже в конце января 1943 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о мерах по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов. Оно касалось ряда областей и краев РСФСР. Сюда необходимо было вернуть эвакуированную и поставить новую сельскохозяйственную технику, направить квалифицированных специалистов и организаторов производства, выделить запасные части, материалы и инструмент. Железнодорожникам предписывалось перевозить в первую очередь грузы для сельского хозяйства освобожденных районов.

Принципиальное значение в организации работы по возрождению сельского хозяйства сыграло постановление партии и правительства «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», вышедшее 21 августа того же года. Хотя это постановление непосредственно затрагивало экономику восьми областей и двух краев, которые были освобождены первыми, оно послужило программой возрождения хозяйства других очищенных от врага территорий.

Подобные меры способствовали тому, что к 1944 году в полностью освобожденных областях сеть МТС была доведена до довоенной. В этом году площади посевов здесь достигли 65 процентов довоенного уровня, а под зерновыми — до 71 процента. Из этих районов страна получила половину государственных заготовок зерна,

³/₄ сахарной свеклы, четверть скота и около трети молочных продуктов¹.

Но ущерб, нанесенный оккупацией, был слишком велик, поэтому в 1945 году валовая продукция сельского хозяйства на ранее оккупированных территориях составляла лишь 51 процент довоенного уровня². Часть разоренных колхозов не могла оплачивать трудодни. Почти вся продукция, кроме фондов, обеспечивавших воспроизводство, сдавалась в счет государственных заготовок. Да и в целом по стране в 1945 году 5,4 процента колхозов не выделяли крестьянам зерна, а более 37 процентов выдавали его на трудодень до 300 граммов. Общественное хозяйство колхозов удовлетворяло потребности членов своих коллективов в зерне лишь на одну треть³.

В 1943—1945 годах в продовольственном обеспечении страны большую роль играли подсобные хозяйства предприятий и организаций, индивидуальные огороды. В последний год войны подсобные хозяйства поставляли 38 процентов общих ресурсов картофеля, поступавшего для снабжения рабочих и служащих предприятий, и 59 процентов овощей⁴.

О значении, которое придавалось индивидуальному и коллективному огородничеству, говорит тот факт, что в 1944 и 1945 годах вышло два постановления правительства, посвященных его развитию. В 1945 году огородничеством занимались 18,6 миллиона человек против 5 миллионов в 1942 году. За это время площади под огородами расширились почти в 3,3 раза, а потребление городским населением картофеля и овощей на 64 процента удовлетворялось за счет этого источника⁵. И в том, что в целом сельское хозяйство справилось с задачей обеспечения армии и тыла продовольствием, немалую роль сыграли подсобные хозяйства и огороды трудящихся.

Чем дальше отодвигался фронт на запад, тем больше возрастал объем работ на транспорте. Его отрасли в самой высокой степени зависели от темпов и масштабов восстановительных работ: без дорог и мостов, причальных сооружений, очищенных фарватеров никуда не

¹ История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 400, 402.

² Там же, с. 195.

³ «Октябрь», 1988, № 2, с. 11.

⁴ История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 462.

⁵ Там же, с. 472—473.

уедешь и никуда не приплывешь. В мае 1943 года ГКО принял постановление «О восстановлении железных дорог в освобожденных районах». Работы развернулись сразу на 20 дорогах.

По существу, это было не восстановление, а новое строительство. А. П. Кабанов, который в годы войны был начальником железнодорожных войск, вспоминает: «В освобожденных районах мы обычно заставляли искорверканное фугасными бомбами полотно, разорванные рельсы, переломанные специальным путеразрушителем шпалы, подорванные мостовые опоры и пролеты. От станционных зданий оставались лишь обуглившиеся каркасы. Ценой огромных усилий люди стремились сделать все возможное, чтобы обеспечить подвоз всего необходимого нашим частям»¹.

Темпы восстановления были высокими. В результате в 1943—1944 годах было восстановлено свыше 43 тысяч километров железнодорожных путей, что составило около 40 процентов довоенной длины железных дорог страны². К концу войны было восстановлено уже 50 тысяч километров главных железнодорожных линий, 16 тысяч мостов, 2,5 тысячи станций и разъездов. На цели восстановления на транспорте расходовалось в 1943—1945 годах от 50 до 60 процентов капиталовложений³.

Руководство страны, учитывая первостепенное значение бесперебойной работы транспорта для фронта и тыла, подробно вникало во все вопросы, принимало решения нередко экстренного характера. Например, когда в январе 1943 года на дорогах Урала и Сибири создалась угроза срыва поставок фронту, на два месяца было прекращено движение пассажирских поездов. Месяц спустя в связи с трудностями в обеспечении углем черной металлургии ГКО на месяц, по существу, приравнял его перевозки и подачу порожняка к шахтам к военным перевозкам.

Большое значение для повышения организованности работы транспорта имел перевод его отраслей на военное положение. На железнодорожном транспорте это произошло в середине апреля 1943 года, на водном — несколько позже, в мае.

На транспорте широко развивались прогрессивные

¹ Война. Народ. Победа. 1941—1945 гг. М., 1984, с. 164.

² Вознесенский Н. Указ. соч., с. 63.

³ См.: История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 195, 324—325.

формы организации работы: в конце войны удельный вес маршрутных поездов поднялся до 55 процентов против 25 процентов в 1942 году, число колонн особого резерва НКПС было доведено до 82, и они включали почти 2 тысячи паровозов. Благодаря принятым мерам на транспорт стал поступать новый подвижной состав, что позволило в 1945 году довести число локомотивов до 95 процентов довоенного уровня, а вагонов — до 87 процентов. Продолжалось и строительство новых железных дорог, вследствие чего их сеть не только не уменьшилась, но и в целом по стране выросла почти на 7 тысяч километров.

Напряжение в работе транспорта было огромным. Особенно оно возросло в связи с проведением Советской Армией крупных наступательных операций. Каждая из них требовала высокой концентрации транспортных средств в сжатые сроки. Так, для обеспечения Курского сражения потребовалось 540 тысяч, а в период освобождения Правобережной Украины — свыше 370 тысяч вагонов¹. Но в самых тяжелых условиях транспорт обеспечивал фронт и тыл.

Труженики тыла хорошо понимали, что их ударный труд с каждым часом приближает победу. А труд этот действительно был ударным. В 1944 году четвертая часть рабочих в станкостроении выполняла нормы на 200 процентов и более.

Е. Э. Рубинчик, который в годы войны был директором завода «Красное Сормово», вспоминает: «Движение двухсотников — выполнять норму за себя и за товарища, ушедшего на фронт, — получило широкое распространение на заводе. Дальнейшим развитием его были фронтовые бригады. Люди добровольно подчиняли себя суровым законам фронта: «Не выполнив задания, из цеха не уходить!» Лозунг на заводе был созвучен закону фронта: «Ни шагу назад!» Если на заводе в октябре 1941 года было 13 фронтовых бригад, то к началу последнего года войны — 485». Е. Э. Рубинчик подчеркивает, что движение этих бригад потребовало повышения уровня технологии и организации производства, стало силой технического прогресса².

---

¹ Кравченко Г. С. Указ. соч., с. 272, 274.

² Кузница победы. М., 1980, с. 278—280.

А были трудовые рекорды, которые нельзя назвать иначе, чем фантастические: в феврале 1943 года Д. Ф. Босый из Нижнего Тагила, применив на станке новое приспособление, выполнил 62 сменных задания¹.

Характерной особенностью социалистического соревнования последних двух лет войны стал упор на улучшение качественных показателей работы, более полное использование основных производственных фондов, широкое внедрение передовых форм организации труда и производства, строгую экономию всех видов ресурсов.

Большую роль сыграл в последние годы войны почин тружеников ряда предприятий Урала и Кузбасса, которые осенью 1943 года обязались выпускать сверхплановую продукцию без привлечения дополнительной рабочей силы с тем, чтобы высвобождающихся рабочих и специалистов направлять на восстановление хозяйства освобожденных от оккупации районов.

Еще большее развитие в эти годы получило многостаночное обслуживание и совмещение профессий, инициатором которых выступила комсомольско-молодежная бригада ГПЗ-1. Распространение этого метода в промышленности позволило высвободить в 1944 и 1945 годах около 130 тысяч человек².

Социалистическое соревнование приобретало все более массовый характер. И если в 1943 году в нем участвовало около 4,3 миллиона человек, то в 1945 году — 7,7 миллиона, или свыше 84 процентов работающих³. Победы на фронтах Великой Отечественной войны вдохновляли тружеников тыла на новые свершения...

Что же происходило в эти годы по ту сторону линии фронта? Наивысшего уровня военное производство в фашистской Германии достигло к середине 1944 года, когда выпуск продукции превышал в 5 раз уровень начала 1941 года⁴. Однако и в этот кульминационный момент своего развития промышленность рейха не могла восполнить потери вермахта в боевой технике и вооружении.

Со второй половины 1944 года промышленное производство стало неуклонно сокращаться: его объемы по сравнению с первыми шестью месяцами составили: в

---

¹ «Социалистическая индустрия», 1982, 22 февраля.

² История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 219.

³ Там же, с. 224.

⁴ Там же, с. 259.

электроэнергетике — 84,5 процента, добыче каменного угля — 65,6, в производстве нефти и нефтепродуктов — 41,7, стали — 61,9, алюминия — 90,1 процента¹. Надо иметь в виду, что эти цифры учитывают и импорт, и поставки из оккупированных стран.

О том, что значила для фашистской экономики эксплуатация потенциала стран-сателлитов и оккупированных государств на заключительном этапе войны, дают представление следующие данные. В 1943 году из 34,6 миллиона тонн стали 13,9 миллиона германская промышленность получила из оккупированных и зависимых стран. Страны-сателлиты обеспечивали ей в том же году 92 процента импорта нефти и нефтепродуктов, 64,5 — бокситов, 58,7 — свинцовой руды, 36,7 — хромовой, 34 процента — продовольствия².

Но широкое наступление СССР и его союзников в Европе с каждым днем перекрывало каналы поступления готовой продукции, в том числе военных отраслей, сырья и продовольствия. Это усугубляло кризисное состояние экономики фашистской Германии.

Другой ее проблемой, которая все более обострялась, было обеспечение трудовыми ресурсами. В начале 1945 года гитлеровцы объявили тотальную мобилизацию. Для того чтобы высвободить лиц, пригодных для службы в армии, все мужчины от 16 до 65 лет и женщины от 17 до 45 лет были зарегистрированы для использования на работах в различных отраслях экономики. Еще более увеличилось использование труда иностранных рабочих и военнопленных, общая численность которых составляла около 12 миллионов человек³.

Но крах экономики Германии был неотвратим. В марте 1945 года в сравнении с июлем 1944 года военное производство уменьшилось в 2,2 раза⁴. Запасы оружия в основном были исчерпаны. Под ударами авиации был полностью дезорганизован транспорт, без топлива останавливались электростанции и заводы. Развал экономики довершили военные действия на территории самой Германии, которые привели фашистов к гибели.

---

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 9, с. 448.

² Там же, т. 7, с. 82, 85, 86.

³ «Вестник статистики», 1980, № 5, с. 9.

⁴ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 12, с. 200.

Насколько хорошо мне запомнился наш приезд в Свердловск — вокзал, «санпропускник» при вокзале, дорога на Шарташ, настолько же напрочь стерлось в памяти все, что связано с отъездом из города. Вероятно, мысли мои были уже в пути.

Организация, в которой работал отец, переводилась в Москву, и летом 1944 года в переполненном плацкартном вагоне мы покинули гостеприимную уральскую землю. Дорога помнится частыми остановками, во время которых мы пропускали эшелоны с войсками и военной техникой, толчеей вокзалов, когда сотни людей вдруг срывались с мест и с мешками и чемоданами неслись из конца в конец платформ, большим количеством безруких, безногих, обожженных инвалидов войны с вещевыми мешками за спиной, длинными очередями за кипятком. А навстречу шли поезда с ранеными, платформы с нашей и немецкой искореженной техникой, предназначенной для переплавки на уральских заводах.

Москва встретила частыми салютами над затемненным городом, которые мы смотрели с крыши заводоуправления, где жили несколько первых месяцев, поразившей нас спешкой на улицах, огромным количеством людей в военной форме — в погонах и без погон, вкусно пахнущими и малодоступными по ценам коммерческими продуктовыми магазинами, американскими и английскими фильмами, большой выставкой трофейного вооружения, загромоздившего набережную в Парке культуры имени Горького.

Вскоре после нашего приезда по Садовому кольцу неспешно проползла многокилометровая колышущаяся серо-зеленая лента военнопленных. Мы стояли на Зубовской площади и смотрели на этих людей, принесших столько горя на нашу землю. Некоторые шли подчеркнуто подтянутые, чисто выбритые, вызывающие поглядывая по сторонам. Но у основной массы был усталый, надломленный вид. Казалось, вся Москва вышла на тротуары. Молча шла колонна, в основном молча смотрели на нее москвичи. Многие женщины плакали, вспоминая тех, кто уже никогда не вернется с фронтов, думая о тех, кто может не вернуться.

Пришла наконец долгожданная Победа. Мы — три семьи — доехали до Добрынинской площади (тогда ее называли Серпуховской) и пошли по Большой Ордынке

к Кремлю. Неприбычно светились окна домов, улица. И вновь, как в довоенные праздничные дни, музыка, песни, смех. Только больше, чем тогда, людей в гимнастерках и кителях со звенящими боевыми наградами, только многие на костылях, с пустыми рукавами рубаш и костюмов, только в песнях порой прорывается горький надрыз.

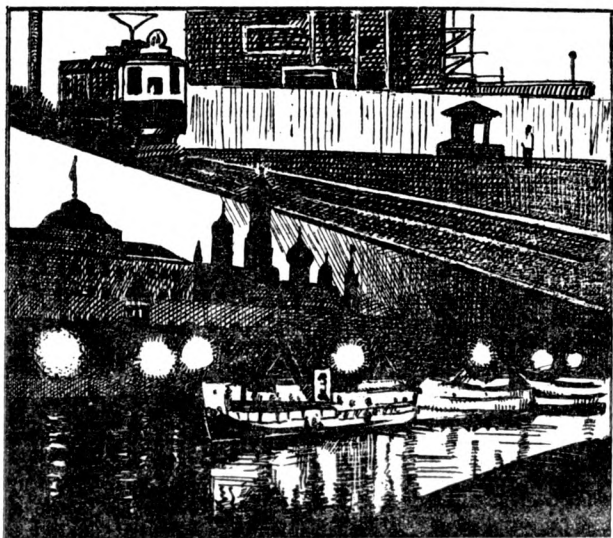
Салют мы смотрели с Большого Москворецкого моста. На Красную площадь не пробились. В Кремле громко ухали орудия, заволакивая холм сизым дымом. Небо освещалось тысячами ракет. Толпа громкими криками встречала каждый залп. Незнакомые люди обнимались, плакали, танцевали под гармони, баяны и яркие трофейные аккордеоны. Впереди была такая замечательная, такая безоблачная, жизнь! Так думалось...

* * *

Последний день войны. Первый день мира. Чем жила наша страна в эти дни? Листаю пожелтевшие страницы газет. В последнем номере «Правды» военного времени — он вышел 7 мая — опубликован приказ Верховного Главнокомандующего командующему войсками 2-го Белорусского фронта маршалу К. К. Рокоссовскому и начальнику штаба этого фронта генерал-полковнику А. Н. Боголюбову, в котором объявляется благодарность войскам, участвовавшим в боях за овладение островом Рюген. Вечером Москва будет салютовать доблестным воинам.

Как всегда, Советское Информбюро сообщает оперативную сводку. Сегодня она значительно короче, чем несколько дней назад, — враг сломлен. Более двух полос газеты отведено сообщению Чрезвычайной Государственной комиссии о чудовищных преступлениях гитлеровцев в Освенциме. Сообщается об успешной подписке на четвертый военный заем. Писатель Леонид Леонов поместил статью «Русские в Берлине».

Исторический номер «Правды», вышедшей 9 мая, открывается строками: «Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков победоносно завершена. Да здравствует день всенародного торжества — праздник Победы!» В номере опубликован акт о военной капитуляции Германии и Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая праздником Победы.

ПОДВОДЯ ИТОГ

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне имела всемирно-историческое значение. Были защищены социалистические завоевания. Наши Вооруженные Силы избавили человечество от угрозы фашистского порабощения, помогли многим народам Европы и Азии освободиться от власти немецких нацистов. Произошло коренное изменение международной обстановки, ускорилось развитие мирового революционного процесса. Разгром фашистской Германии и милитаристской Японии способствовал мощному подъему национально-освободительного движения, крушению колониальной системы капитализма.

Советский народ внес решающий вклад в разгром гитлеровской Германии и ее сателлитов. Сражалась вся страна — сражался фронт, сражался тыл, которые полностью выполнили стоявшую перед ними задачу. И спустя сорок лет мы с полным правом говорим о народном подвиге как на фронтах, так и в тылу.

Победа СССР в войне с фашизмом явилась убедительной демонстрацией возможностей планово управляемого социалистического народного хозяйства. Его регулирование обеспечило максимальную мобилизацию и наиболее рациональное использование всех видов ресурсов в интересах фронта. Эти преимущества были помножены на существовавшие в обществе единство политических и экономических интересов, высокую сознательность и патриотизм рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции, всех наций и народностей, сплоченных (тогда и сомнений на этот счет не было) вокруг Коммунистической партии.

Работа советского тыла в годы войны продемонстрировала, что в социалистическом обществе тех лет реально существовали равноправие, взаимоуважение, дружба и, как результат, единство наций и народностей СССР. Если бы этого не было, агрессор не был бы сломлен. Сплоченный в национальном отношении фронт имел за своей спиной монолитный многонациональный тыл, отдававший все силы созданию материальных условий разгрома захватчиков.

В самые тяжелые времена советские воины были уверены в безраздельной поддержке тыла, в том, что в них верят и ждут победу, и ценой своей жизни готовы были оправдать это доверие. В свою очередь, героизм воинов вдохновлял тружеников тыла на высокие достижения в производстве. Укреплению этой взаимосвязи способствовали и повседневная идейно-воспитательная работа партии, и обмен делегациями воинов, рабочих, колхозников, и шефство трудовых коллективов над боевыми соединениями, и неиссякавший поток писем с передовой на восток и с востока на передовую, писем, из которых черпали взаимную поддержку и веру не только родные и близкие, но и нередко незнакомые друг другу люди. Такой народ, такую страну враг победить не мог.

В ходе войны экономике Советского Союза был нанесен огромный ущерб: в стоимостном выражении он в 20 раз превысил национальный доход, которым страна располагала в 1940 году. Война, как известно, унесла 20 миллионов жизней советских людей. В большинстве своем это была наиболее трудоспособная часть населения страны.

Можно смело сказать, что никакая другая общественная система не могла бы уже в ходе войны восполнить такие тяжелейшие потери и в короткие сроки создать

слаженное военное хозяйство, которое практически полностью обеспечило основные потребности Советских Вооруженных Сил и населения.

Приведенная таблица дает общее представление о состоянии народного хозяйства Советского Союза в годы войны.

Основные показатели экономики СССР в 1941—1945 гг.
(% к 1940 г.)¹

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Национальный доход	92	66	74	88	83
Продукция промышленности	98	77	90	103	92
Продукция сельского хозяйства	62	38	37	54	60
Грузооборот всех видов транспорта	92	53	61	71	77
Все капитальные вложения	87	53	53	73	97
Основные производственные фонды (без скота)	72	68	76	84	88
Среднегодовая численность рабочих и служащих	88	59	62	76	88
Объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли (в сопоставимых ценах)	84	34	32	37	43

Как видим, даже к концу войны большинство показателей, характеризующих развитие народного хозяйства, было значительно ниже довоенных. И при всем том основные потребности фронта и тыла удовлетворялись.

Полностью в соответствии с нуждами фронта перестроилась советская индустрия. Был осуществлен гигантский сдвиг производительных сил страны на восток как за счет эвакуации заводов и фабрик, так и за счет нового строительства. Английский военный историк Барри Питт назвал самым изумительным зрелищем для западного мира реорганизацию и расширение советской промышленности, понесшей почти катастрофические потери в первые месяцы войны, а быстроту и импровизацию, с какой эвакуированные предприятия обосновались на новых местах и приступили к выпуску продукции, охарак-

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 12, с. 166.

теризовал как блестящий пример человеческого достижения, который останется в истории¹.

Советскую промышленность отличала весьма высокая эффективность в использовании ресурсов. Следует иметь в виду, что среднегодовое производство продукции в важнейших ее отраслях было существенно меньше, чем в Германии, особенно если учитывать использование ею экономического потенциала стран-сателлитов и оккупированных государств.

Производство основных видов промышленной продукции в СССР и фашистской Германии в 1940—1944 гг.

	СССР	Германия *	Соотношение
Электроэнергия, млрд. кВт·ч	195,9	352,7 **	1 : 1,8
Уголь, млн. т	607,4	2924,0	1 : 4,8
Сталь, млн. т	63,7	162,6	1 : 2,6

* С учетом ввоза из оккупированных стран, присоединенных территорий и импорта.

** В границах Германии 1937 г.

Ниже приводится таблица, в которой дается представление о том, как развивалось производство боевой техники и вооружения в годы войны в Советском Союзе и фашистской Германии.

Надо еще раз подчеркнуть, что за исключением начального периода войны советская военная техника превосходила по своим тактико-техническим параметрам вооружение как противника, так и союзников по антигитлеровской коалиции.

Приведенные цифры убедительно опровергают миф о том, будто наша армия разгромила врага чуть ли не оружием, поступавшим из США и Великобритании. Здесь самое место остановиться на поставках по ленд-лизу и их роли в нашей победе.

Конечно, помощь союзников имела существенное значение для нашей страны в тяжелые военные годы, особенно на начальном этапе войны. И она способствовала общей победе над фашизмом. Но факт остается фактом: доля боевой техники, поступившей от союзни-

¹ «От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада». М., 1988, с. 458—459.

Производство важнейших видов военной техники в СССР и Германии в 1941—1945 гг.¹

	1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.		1945 г.	
	СССР июль — декабрь	Германия	СССР	Германия	СССР	Германия	СССР	Германия	СССР январь — август	Германия январь — апрель
Винтовки и карабины, тыс. шт.	1567,1	1359,0	4049,0	1370,2	3436,2	2275,3	2450,0	2855,7	637,0	665,0
Пистолеты-пулеметы, тыс. шт.	89,7	325,0	1506,4	232,0	2023,6	234,3	1970,9	228,6	583,4	78,0
Пулеметы всех видов, тыс. шт.	106,2	96,2	356,1	117,0	458,5	263,0	439,1	509,4	156,0	111,0
Орудия всех видов и калибров, тыс. шт.	30,2	22,1	127,1	40,5	130,3	73,7	122,4	148,2	72,2	27,0
Минометы, тыс. шт.	42,3	4,2	230,0	9,8	69,4	23,0	7,1	33,2	3,0	2,8
Танки и САУ, тыс. шт.	4,8	3,8	24,4	6,2	24,1	10,7	29,0	18,3	20,5	4,4
Боевые самолеты, тыс. шт.	8,2	8,4	21,7	11,6	29,9	19,3	33,2	34,1	19,1	7,2

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 12, с. 168, 200.

ков, в общем ее количестве, находившемся на вооружении Советской Армии, составляла по артиллерийским орудиям менее 2 процентов, самолетам — около 12 процентов и танкам — 10 процентов¹. К тому же эта техника по своим тактико-техническим данным, как правило, уступала не только лучшим советским, но и немецким образцам, а в ряде случаев она не была даже новой и предназначалась не одним нам.

Ф. Гальдер приводит выдержки из донесения финского военного атташе в Анкаре от 18 марта 1942 года: «Пока что поставлено 500 уже бывших в деле самолетов типа «харрикейн»... До сих пор передано примерно 300 танков (главным образом для польских воинских формирований в России)»². Заметим, что это была армия генерала В. Андерса, создававшаяся на территории СССР. Ее руководство находилось под влиянием буржуазного эмигрантского правительства Польши, пребывавшего в Англии. Так и не выставив на советско-германском фронте ни одного солдата, эта армия в июле — августе, когда немцы и их союзники рвались на Кавказ и к Сталинграду, эвакуировалась из СССР.

Еще один немаловажный штрих: советско-германский фронт был основным фронтом борьбы против фашизма, между тем поставки в СССР по ленд-лизу составили всего 21,3 процента всех американских поставок союзникам³.

В годы войны никто не переоценивал значения ленд-лиза в нашей борьбе с фашизмом. Весной 1944 года президент США Ф. Рузвельт заявил в конгрессе: «Советский Союз пользуется вооружением главным образом со своих собственных заводов»⁴. Известна и официальная позиция американской администрации по вопросам экономической помощи иностранным государствам, высказанная ею в 1945 году: «Военные материалы, которые мы поставляли по ленд-лизу, хотя и играли важную роль в достижении успеха вооруженными силами Великобритании и СССР, но тем не менее составляли очень небольшую часть от их общего производства вооружения и оснащения»⁵.

Говоря об иностранной помощи, мы обычно подраз-

¹ История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 185.

² Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 2, с. 214.

³ История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 12, с. 186.

⁴ «Социалистическая индустрия», 1984, 27 сентября.

⁵ Там же.

умеваем помощь капиталистических стран. Но нельзя не сказать слова признательности нашему монгольскому союзнику — второму в мире социалистическому государству. Как известно, в 1939 году во время японской агрессии наши воины помогли отстоять границы Монголии. Теперь, в критический для нашей Родины период, посильная помощь пришла от друзей: в 1941 году нашей стране было передано 140 вагонов различных подарков на десятки миллионов тугриков, 300 килограммов золота, 100 тысяч американских долларов. На эти средства были построены 53 танка. Эскадрилья «Монгольский арат» в составе советских ВВС прошла всю войну. Только в 1941—1942 годах в дар Красной Армии поступило 35 тысяч лошадей¹.

В сложнейших условиях военного времени четко, организованно и самоотверженно работала не только индустрия, но и все остальные отрасли социалистической экономики: сельское хозяйство, транспорт и связь, строительство, торговля, финансовая система.

При всей противоречивости процесса становления и развития в предвоенные годы социалистический аграрный сектор в полной мере проявил свои положительные стороны в крайне тяжелых условиях: временная утрата большей части плодородных земель, отток наиболее квалифицированных трудовых ресурсов на фронт и в города, снижение уровня механизации сельскохозяйственных работ, неблагоприятное воздействие на урожай природных факторов — все это преодолели труженики села, обеспечив в основном потребности фронта и тыла в продовольствии и сырье. Никто другой из них это не сделал: ведь в годы войны импорт зерна, крупы и муки из США и Канады составил всего 2,8 процента среднегодовых заготовок зерна в СССР².

Справился с возложенными на него сверхзадачами советский транспорт. Только по железным дорогам было перевезено 1,4 миллиарда тонн грузов³. Почти 20 миллионов вагонов военных грузов и 5,3 миллиона вагонов с ранеными, медикаментами проследовало по стальным магистралям⁴. Рост перевозок требовал развития транспортных путей, что делалось оперативно, в

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974, т. 1, с. 187—188.

² История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 408.

³ Там же, с. 452.

⁴ Там же, с. 445.

те сроки, которые диктовала необходимость. Во время Великой Отечественной войны было построено свыше 9 тысяч километров новых магистральных железных дорог, 10 тысяч километров подъездных путей промышленных предприятий; вновь построено и реконструировано около 100 тысяч километров автомобильных дорог, в строй вошло 1,3 тысячи километров трубопроводов, увеличилась протяженность внутренних водных путей¹.

Громадную работу проделали строители. Только в тыловых районах, то есть не считая восстановления разрушенных объектов, было сооружено 3,5 тысячи крупных промышленных предприятий. В 1941—1945 годах лишь в промышленности строители освоили на 27 процентов больше капиталозложений, чем в годы третьей пятилетки². И это при том, что они испытывали хроническую нехватку строительных материалов.

Успешно выдержала серьезное испытание советская система подготовки квалифицированных кадров. За годы войны ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО выпустили почти 2,5 миллиона молодых рабочих. Без отрыва от производства было обучено 11,3 миллиона человек и свыше 9,2 миллиона повысили свою квалификацию³.

Большую потребность, особенно с началом восстановления экономического потенциала в освобожденных районах, народное хозяйство испытывало в специалистах высшей и средней квалификации. В 1941—1942 годах многие преподаватели и студенты ушли на фронт, число вузов и техникумов существенно сократилось, поэтому приток молодых специалистов в промышленность, сельское хозяйство, в другие отрасли экономики существенно уменьшился. За исправление положения взялись решительно: если в 1942/43 учебном году работало 460 высших и 1,7 тысячи средних специальных учебных заведений, то в 1944/45 году их число выросло соответственно до 717 и почти 8,8 тысячи. Значительное количество специалистов готовилось на курсах и в институтах повышения квалификации. Всего в 1941—1945 годах было выпущено 302 тысячи специалистов с высшим образованием и 540 тысяч — со средним специальным. Основ-

---

¹ Косыгин А. Н. В едином строю защитников Отчизны, с. 29—30.

² См.: История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 192, 235.

³ Там же, с. 208, 210.

ная их масса приходится на последние годы войны¹.

Жестокая война не могла не сказаться на уровне жизни советских людей. Но и в этих условиях политика Коммунистической партии и Советского правительства была направлена на обеспечение устойчивой реальной заработной платы. Системы оплаты, нормирования товаров стимулировали в возможной мере высокие результаты труда. Возросла доля премий в заработной плате. Более того, повышался сам ее размер, и не только в отраслях материального производства, где с 1940-го по 1944 год на предприятиях, например, промышленности союзного подчинения она увеличилась почти на 53—57 процентов, но и в здравоохранении, просвещении². Конечно, этот рост не был рассчитан на черный рынок. Но в истории войн нет аналога тому, чтобы в ходе их сохранялись твердые государственные цены на предметы первой необходимости, низкие тарифы на коммунальные услуги. Это обеспечил только социалистический строй. Уже к концу войны по многим важнейшим предметам потребления снабжение значительно улучшилось. Так, в 1945 году по сравнению с 1942 годом рыночные фонды составляли: крупы — 193 процента, мясных продуктов — 272, жиров — 214, сахара — 164, тканей — от 230 до 242, швейных товаров — 123, кожаной обуви — 141 процент³.

Решающее значение в регулировании снабжения населения имела система нормирования. Она справилась со своей нелегкой задачей, обеспечивая две цели: доведение продуктов питания до каждого из десятков миллионов человек, охваченных ею⁴, и приоритет в уровне потребления трудящихся, непосредственно занятых производительным трудом в ведущих отраслях военной экономики.

Завершая разговор о работе тыла в годы Великой Отечественной войны, хочу несколько слов сказать о партии. Сейчас появляются рассуждения о том, что она не играла авангардную роль, поскольку была подмята И. В. Сталиным. Это неверное утверждение. О преступлениях Сталина и его окружения мы уже говорили.

---

¹ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, с. 117.

² История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 7, с. 59.

³ История социалистической экономики СССР, т. 5, с. 459.

⁴ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, с. 123.

Но при всем том, руководство партии провозглашало социалистические идеи, на их осуществление поднимало саму партию и шедший за ней народ. И социально-экономические преобразования, которые свершались в стране, имели социалистический характер. Самыми активными борцами за них были коммунисты. Это знали все. На этом, на служившей примером работе сотен тысяч членов ВКП(б) строился авторитет партии до войны, и его не мог заслонить несомненный в то время авторитет Сталина.

Началась война. И здесь, как известно, коммунисты были впереди. В первые шесть месяцев войны на фронт ушла подавляющая часть членов партии, годных к военной службе и не забронированных для работы в тылу, — свыше 1100 тысяч человек¹. Те, кто остался в тылу, находились на самых трудных, решающих участках производства, они возглавляли социалистическое соревнование, своим примером способствовали распространению его передовых форм, выступали с патриотическими починами, доводили требования момента до самых широких масс трудящихся.

Партия настойчиво проводила в жизнь программу мобилизации и использования огромных потенциальных возможностей, заложенных в экономической системе социализма, вела постоянную идейно-воспитательную работу в массах, поднимала труженников тыла на подвиги в труде во имя победы над врагом. И, конечно, вся эта работа каждодневно, ежечасно направлялась, контролировалась, корректировалась ее Центральным Комитетом, ГКО, которые, как мы видели, принимали нужные, нередко единственно возможные решения. Проводниками их были десятки тысяч партийных работников, самоотверженно трудившихся в местных комитетах, на предприятиях промышленности, транспорта, связи, на стройках, в колхозах и совхозах, в учреждениях. При существовавшей в то время системе политической власти они эффективно обеспечивали прохождение «импульса» сверху донизу, точное его претворение в жизнь. Никакая другая структура из существовавших в то время не обладала такими возможностями.

Авторитет партии в народе был исключительно высок. Она росла даже в самые тяжелые месяцы начала войны, а всего за четыре года кандидатами в члены партии было принято свыше 5 миллионов, а членами —

¹ «Правда», 1989, 13 октября.

3,3 миллиона человек¹. В тылу ряды ВКП(б) пополнялись сотнями тысяч преданных ее делу, Родине людей, в первую очередь — передовиков производства: если в начале 1943 года в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и на транспорте работали 920,4 тысячи коммунистов, то через два года их было почти 1,33 миллиона². В результате, несмотря на то, что на фронтах погибло как минимум два миллиона коммунистов, численный состав партии к концу войны был больше, чем в ее начале.

Основным источником пополнения партийных рядов и главным политическим помощником партии была комсомольская молодежь. Ее патриотический настрой был очень высоким. В первые дни войны в армию ушло 900 тысяч комсомольцев, большинство — добровольцами. Уход комсомольцев на фронт был настолько массовым, что по сравнению с 1941 годом число первичных организаций ВЛКСМ в 1943 году сократилось с 209 тысяч до 111 тысяч³.

Оставшиеся в тылу комсомольцы проводили большую созидательную работу. Крупнейшие стройки страны, имевшие стратегическое значение для военной экономики, были комсомольско-молодежными. В их числе — крупнейшая в Европе домна № 6 Магнитогорского комбината, получившая название «Комсомольской», домна Нижнетагильского завода, Алтайский тракторный завод, никелевый комбинат в Норильске, алюминиевый завод на Урале, крупнейший рудник в Караганде и другие.

Большую роль в становлении и развитии военного производства, как уже отмечалось, получили комсомольско-молодежные бригады, многочисленные полезные, ненадуманные почины, например, почин комсомола Московского автозавода за овладение мужскими профессиями, движение комсомольцев-многостаночников, двухсотников, тысячников. Они помогали увеличивать производство нужной для фронта продукции, решать проблему дефицита рабочей силы, улучшения качественных показателей производства, экономии материальных средств.

Когда врага погнали с нашей территории, комсомол

---

¹ «Правда», 1989, 13 октября.

² История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 437.

³ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Энциклопедия. М., 1985, с. 186—187.

взял шефство над восстановлением Сталинграда, Донбасса, Харьковского тракторного завода, «Азовстали», Днепрогэса, пятнадцати старейших русских городов. Дела, как видите, конкретные и нужные стране. Поэтому лозунг: «Комсомол — помощник партии!» — воспринимался как отражение реальности.

Война закончилась. Патриотический, чисто человеческий подъем в обществе был огромным. Казалось, что народ, победивший в такой жестокой войне, все может. И последующие события укрепляли оптимистический настрой. Страна разрушена — мы восстановили ее в кратчайшие сроки; нам угрожают ядерным оружием — мы создали еще более мощное. Первый мирный атом — в нашей стране, первый спутник Земли — советский, первый человек в космосе — наш, советский человек...

Но постепенно инерция движения стала все сильнее тормозиться инерцией застоя. Она началась не со времен Брежнева и даже не со времен Хрущева. В экономике она стала явственно обнаруживать себя к концу периода послевоенного восстановления народного хозяйства. В разгар этой работы административно-командный метод еще давал эффект, поскольку позволял не распылять ограниченные материальные, финансовые ресурсы, направлять их на ключевые направления возрождения мирной экономики (правда, в условиях нараставшей «холодной войны»). Но и тогда уже можно и нужно было сочетать централизованное управление с опорой на экономические рычаги с инициативой на этой основе тех, кто верил в свои силы, умел трудиться на совесть, видел в социализме ясную историческую перспективу, был патриотом, безоговорочно шел за партией. Это не было сделано. Фактор всенародного подъема в интересах общества, социализма использован в полной мере не был. Очевидно, сказалось специфическое видение социализма Сталиным, его догматизм, недостаток глубоких экономических знаний у него и его окружения, незнание рычагов, которые могли вывести общество на новый виток подъема. Да и возраст, болезни делали свое дело. Все люди, даже вожди смертны, а существовавший в то время механизм отбора в высшие эшелоны власти не способствовал притоку новых сил. Времена и культики Хрущева и Брежнева лишь усугубили вызревавший ранее застой непродуманными организационными мерами, волюнтаризмом, а затем и политическим безволием.

Сейчас общество взялось за исправление искривлений в развитии социализма. Но мы настолько углубились в анализ всех теневых сторон его развития в прошлом, что за этой работой, нередко становящейся самоцелью, многие аналитики забыли о самом социализме, о его столетиями живших в умах людей идеалах, о том, что многое, провозглашенное социализмом, заимствуется и успешно воплощается в жизнь окружающим нас миром. Кто-то в своих интересах, возможно, сможет ехать и в карете прошлого, но общество в целом в карете прошлого никуда не уедет. Иначе страну ждет уже не застой, а нечто худшее.

Крупный советский партийный и государственный деятель Н. А. Вознесенский, подытоживая анализ военной экономики СССР в период Великой Отечественной войны, писал: «...Экономическая победа социализма над фашизмом означает проявление величайшей жизнеспособности и прогрессивности советского социалистического строя и его великое будущее. Охранять этот строй и развивать его могучие производительные силы — священный долг народов Советского Союза¹. Эти слова звучат сегодня как завет старшего поколения, сделавшего все, чтобы мирная, счастливая жизнь навсегда пришла на нашу землю, создавшего вторую по мощи державу мира, тем поколениям, которые приходят ему на смену, располагая большими возможностями, новыми знаниями. Чтобы выполнить этот завет, надо не стесняться заимствовать у уходящего поколения его веру в высокие цели, его патриотизм, интернационализм. Оно доказало, что это сильное оружие в решении стоящих перед обществом задач.

---

¹ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, с. 178.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
ПЕРЕД ГРОЗОЙ	8
ТРИ КИТА ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК	53
ЖАЛЕТЬ ИЛИ ЗАВИДОВАТЬ, ЗАВИДОВАТЬ ИЛИ ЖА- ЛЕТЬ?	108
ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...	148
ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!	195
ВСЕ СИЛЫ НА РАЗГРОМ ВРАГА!	256
ПОДВОДЯ ИТОГ	275

скан Larisa_F

ИБ № 7157

Панов Владимир Петрович

ЭТО БЫЛО...

Редактор А. Житнухин

Художник С. Гончаров

Художественный редактор В. Штанько

Технический редактор Е. Брауде

Корректоры Е. Самолетова, Е. Дмитриева, В. Назарова

Сдано в набор 02.07.90. Подписано в печать 09.10.90. Формат 84 X 108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать высокая. Условн. печ. л. 15,12. Условн. кр.-отт. 15,54. Учетно-изд. л. 16,5. Тираж 65 000 экз. Цена 75 коп. Заказ 1181.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО 103030, Москва, Суцеская, 21.

ISBN 5-235-01281-X